

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1997 г.

Выходит 15 раз в год

Выпуск 5/2015
ПСИХОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: decspf@mail.ru

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Перевод на английский язык
С. В. Сазоновой
Редактор *Е. П. Евдокимова*
Компьютерная верстка
Т. А. Олоевой

Подписано в печать 24.04.15.
Формат 60 x 84 1/8.
Уч.-изд. л. 13,86.
Усл. печ. л. 17,21.
Тираж 1000. Заказ 81.
Дата выхода в свет 24.04.15.
Цена свободная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 2а

Редакционный совет «Вестника БГУ»

Н. И. Мошкин, д-р техн. наук, проф., и. о. ректора Бурятского государственного университета (председатель); *А. В. Номоев*, д-р физ.-мат. наук, доц., проректор по НИР (зам. председателя); *П. А. Минакир*, д-р экон. наук, акад. РАН; *М. Р. Бакланов*, д-р хим. наук, проф. (Бельгия); *П. Ю. Саух*, д-р филос. наук, проф. (Украина); *С. Н. Васильев*, д-р физ.-мат. наук, академик РАН; *И. А. Тайманов*, д-р физ.-мат. наук, акад. РАН; *К. Цецура*, д-р философии по коммуникации и связям с общественностью, проф. Университета Оклахомы (США); *Оде Сесилия*, проф. (Нидерланды); *Ван Яминь*, проф., декан факультета русского языка Института иностранных языков Восточно-Китайского пед. университета (Китай); *Г. Ц. Дамбаев*, д-р мед. наук, проф., чл.-кор. РАН; *О. В. Матыцин*, д-р пед. наук, проф., чл.-кор. РАО, президент Российского студенческого союза, президент РГАФК

Редакционная коллегия выпуска

Т. С. Базарова, д-р пед. наук, доц. (главный редактор); *Т. Л. Миронова*, д-р психол. наук, проф. (зам. главного редактора); *Т. Ц. Дугарова*, д-р психол. наук, доц.; *Т. А. Терехова*, д-р психол. наук, проф. (Чита); *А. М. Бадонов*, канд. социол. наук, доц.

© Бурятский государственный университет, 2015

І. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 370.153

СУБЪЕКТНАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛА

© *Гунзунова Бальжима Анатольевна*

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: balzhimag@mail.ru

В статье дан аналитический обзор теоретико-методологических подходов к исследованию субъектной саморегуляции личности. Утверждается значимость вопроса соотношения деятельностной и личностной саморегуляции. Установлено, что процессуальный уровень субъектной активности может быть описан через процессы осознанной саморегуляции как психологического механизма субъектности. Основной целью работы являлось изучение саморегуляции эмоциональных состояний педагогов г. Улан-Удэ. Результаты исследования показали наличие корреляционной связи между показателями профессионального стресса и шкалами саморегуляции. Выявилось, что личностная и ситуативная тревожность находятся во взаимосвязи с различными сторонами саморегуляции. Корреляционный анализ показал, что осознанная саморегуляция педагогов испытывает на себе влияние тревожности как личностного свойства, а устойчивая индивидуальная характеристика личности оказывает воздействие на процесс саморегуляции. Сделаны выводы о необходимости развития представления об индивидуальных особенностях саморегуляции в их взаимосвязи с эмоциональными состояниями, различными структурами самосознания и бессознательного.

Ключевые слова: субъект, личность, осознанная саморегуляция, субъектная саморегуляция, эмоциональные состояния, стресс, тревожность.

SUBJECTIVE SELF-REGULATION OF PROFESSIONAL IDENTITY

Bal'zhima A. Gunzunova

PhD, A/Professor, Buryat State University
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article provides an analytical overview of theoretical and methodological approaches to studying of subjective self-identity. The significance of activity and personal self-regulation ratio is approved. It was found that the procedural level of subject activity can be described through the processes of conscious self-regulation as a psychological mechanism of subjectivity. The main purpose of the work was to study self-regulation of Ulan-Ude teachers' emotional states. The results showed the correlation between occupational stress indicators and scale of self-regulation. The research revealed that personal and situational anxiety is in relationship with various self-regulation sides. Correlation analysis approved that conscious self-regulation of teachers was under the influence of anxiety as personal property, and stable individual characteristics of personality impacted on the process of self-regulation. It was concluded that individual characteristics of self-control should be understood in their relationship with emotional states, different structures of consciousness and unconsciousness.

Keywords: subject, person, conscious self-regulation, subjective self-regulation, emotional states, stress, anxiety.

На сегодняшний день без использования понятий «субъект» и «личность» не могут быть разрешены основные теоретические, исследовательские и прикладные проблемы психологической науки. Однако вопрос о соотношении этих понятий, границах их применимости, а также психологических критериях, в соответствии с которыми можно диагностировать меру субъектного и личностного развития человека, остается открытым.

Представления о субъекте разрабатываются в различных научных программах и парадигмах: начиная от гуманистической психологии, ориентированной на анализ актуального опыта человека

для обозначения иницирующего начала, первопричины взаимодействия человека с миром и обществом, и заканчивая системно-эволюционным подходом.

Бурно развивающийся в настоящее время субъектный подход использует понятие субъекта для обозначения проявления творческого, активного начала в человеке, когда он сам выступает источником собственной активности (К. А. Абульханова-Славская, П. К. Анохин, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Б. Ф. Ломов, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн и др.). Специалистам хорошо известно, что интерес к понятию субъекта, разработанному С. Л. Рубинштейном в методологическом плане, повысился в последнее десятилетие благодаря научным усилиям А. В. Брушлинского. В то же время в этой области существует ряд острых дискуссионных вопросов, как в плане теории и методологии, так и в практике психологических исследований, без разрешения которых трудно говорить об оформлении специальных областей психологии — психологии субъекта или психологии бытия [1].

Проблема различения понятий «субъект» и «личность» конструктивно решается при анализе специфических моментов, связанных с саморегуляцией деятельности и саморегуляцией, осуществляемой в личностном плане. Саморегуляция в деятельности и составляющих ее действиях обнаруживает себя в феноменологии предметных преобразований и в феноменологии преобразования прилагаемых усилий. Саморегуляция личностная связана преимущественно с определением и коррекцией своих позиций (в рамках культурно-исторической традиции, закреплённой в нормах социума), с планированием в общих чертах своей активности (определение примерного списка целей, списка коммуникантов, учет результативности разных видов активности, интеграция их в самосознании личности). И хотя субъектом деятельности и личностной саморегуляции является один и тот же человек, не всегда можно обнаружить и проследить связи между предметными преобразованиями и личностными преобразованиями в самом субъекте (его ценностном, рефлексивном и операциональном опыте). В личностном плане тоже возможны субъектные преобразования, подобные предметным, когда личность проявляет себя как субъект самоизменения, но и в этом случае субъектность выступает как иницирующее начало организации преобразования и попыток ее реализации [4].

Предметом психологии саморегуляции являются интегративные психические процессы и явления, которые обеспечивают самоорганизацию различных видов психической активности человека, целостность его индивидуальности и личности. Она охватывает широкий круг исследований, посвященных изучению общих закономерностей и индивидуальных особенностей саморегуляции на разных уровнях протекания процессов целеполагания и принятия решений, когнитивной, личностной и эмоционально-волевой регуляции. Анализ механизмов саморегуляции ведется в рамках общей проблематики индивидуальных стилей регуляции, реализации разных форм произвольной активности и деятельности (учебной, трудовой деятельности, общения, поведения в целом и др.), регуляции психических состояний, возрастных аспектов ее становления.

Существует процессуальный уровень субъектной активности, который может быть описан через процессы осознанной саморегуляции как психологического механизма субъектности. Процесс саморегуляции реализуется целостной системой, обладающей своей принципиальной структурой и имеющей проекции на различных уровнях организации индивидуальности человека. Например, для психофизиологических уровней описаны акцепторы действия (Анохин, 1980), схема Т-О-Т-Е, модель потребного будущего (Бернштейн, 1966), контур саморегуляции (Жонопкин, 1980) и т. д. Подобные модели процессуальной регуляции создавались для разных видов активности и деятельности: учебной (В. И. Моросанова, Н. Ф. Круглова, Н. М. Пейсахов и др.), операторской (Д. И. Ошанин, В. П. Зинченко, В. А. Бодров, Л. Г. Дикая, А. А. Обознов, В. И. Степанский), спортивной (В. И. Моросанова, Б. Б. Коссов, А. В. Родионов и др.) и др. Чем выше уровень организации индивидуальности, на которых они реализуются, тем больше возможности осознания этих процессов и субъектного влияния на их формирование и реализацию. Личностные структуры различного уровня существенным образом влияют на то, какие цели и как ставит их перед собой человек, а также формируют специфическим образом особенности достижения этих целей. Кроме процессуального уровня субъектности необходимо выделять уровень регуляторно-личностных или субъектных качеств, в которых проявляются именно степень и своеобразие субъектной активности. Среди многообразия личностных черт индивидуальности такими субъектными чертами являются ответственность, настойчивость, гибкость, надежность, самостоятельность и др. Именно они определяют способность человека преодолевать субъективные и объективные трудности достижения жизненных целей. Формирование субъектных качеств позволяет повышать уровень осознанной саморегуляции и, таким образом, развивать индивидуальность человека как субъекта собственной активности (Моросанова, 1998; Моросанова, Плехотникова, 2003), развитие опыта осознанной саморегуляции (Осницкий, 1996) [4].

Таким образом, понятия «субъект» и «личность» обозначают различные стороны мира индивидуальности человека, которые, взаимодействуя, формируют внутренний мир и проявления в поведении человека, причем субъектные переменные — со стороны особенностей организации и степени его активности в достижении целей, а личностные — со стороны содержания целей активности, придания индивидуального своеобразия особенностям их достижения. Развитие осознанной саморегуляции человека, формирование умений и опыта такой регуляции являются одним из основных путей становления индивидуальности человека со стороны его субъектной активности, т. е. способности осознанно выдвигать цели деятельности и поведения, управлять их достижением и быть при этом ответственным, самостоятельным, настойчивым, инициативным и т. д. [1].

В рамках решения задач, связанных с организацией собственных усилий, собственной активности субъекта, формируются целеподчиненные функции моделирования, программирования, оценки результата и коррекции, в совокупности составляющие систему саморегуляции деятельности. Схема саморегуляции деятельности — это скорее дидактическая схема технологии деятельности; саморегуляция, по существу, заключается в психических средствах, в обеспечивающих эту технологию процессах, это психическое обеспечение каждой из функций саморегуляции. Субъектные проявления наиболее легко обнаруживаются в необычных условиях: творческом решении проблем, ситуациях риска, преодолении преград, неадаптивном поведении. Но мы часто забываем о специфике обыденной жизни человека, в которой также постоянно присутствуют «живое движение», «упражнение без повторения», не адаптация к ситуации, а ее «преодоление» (выражения Н. А. Бернштейна, намного предвосхитившие целое направление в психологии — исследование ассертивности). В них на базе биологических форм адаптации и антиципации формируются механизмы осознанной антиципации, механизмы определения субъективных критериев, механизмы рефлексивного контроля, соотносимые и с перечисленными функциями саморегуляции и, кроме того, являющиеся более общими механизмами обеспечения регуляции всех видов активности человека. Каждая из функций саморегуляции деятельности и других форм активности, как отмечает автор, обеспечивается соответствующими комплексами регуляторных умений и освоенным опытом преобразований, которые могут быть презентированы человеку в его субъективной реальности [2].

По существу, развитие индивидуальности как субъекта — это развитие целостной системы саморегуляции, а точнее, ее проекций на все более высокие уровни индивидуальности человека. И в этом смысле важнейшим критерием является становление психической регуляции — сначала произвольной, а затем осознанной. В онтогенетическом плане это формирование основных регуляторных процессов, реализующих целостную систему регуляции в различных видах активности человека, развитие произвольности как расширение арсенала психических средств саморегуляции деятельности, становление осознанной саморегуляции как развитие субъектных качеств и развитие регуляторной функции самосознания.

Основной целью нашей работы является изучение саморегуляции эмоциональных состояний педагогов г. Улан-Удэ (150 человек), поскольку педагогическая работа предъявляет повышенные требования к их эмоциональной сфере. Для определения уровня профессионального стресса нами использовалась методика «Шкала профессионального стресса» Д. Фонтана. Для оценки уровня психической саморегуляции использовался опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССМП) В. И. Моросановой, для математической обработки полученных результатов использовался коэффициент корреляции Пирсона [3]. Анализ полученных данных выявил средний уровень стресса у 23 % педагогических работников. Этот уровень характерен для занятого и много работающего профессионала. 77 % респондентов обладают низким уровнем стресса, для них стресс не является проблемой в профессиональной деятельности. Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязи между уровнями стресса педагогов и компонентов саморегуляции поведения (табл. 1).

Результаты нашего исследования на этом этапе показали наличие статистически значимой связи между показателем уровня стресса и шкалой «гибкость» ($r = 0,082$; $p \leq 0,05$). Это означает, что при изменении внешних и внутренних условий педагоги способны легко перестраивать и корректировать программу действий и поведения.

Таблица 1

Корреляционные взаимосвязи показателей уровня профессионального стресса и компонентов саморегуляции

Шкалы опросника саморегуляции	$R_{эмп}$
	Уровень стресса
Общий уровень саморегуляции	-0,313
Планирование	-0,164
Моделирование	-0,306
Программирование	-0,215
Оценка результатов	-0,204
Гибкость	0,082
Самостоятельность	-0,037

Кроме того, установлены обратные корреляционные связи между шкалами «моделирования» ($r = -0,306$; $p \leq 0,05$), «программирования» ($r = -0,215$; $p \leq 0,05$) и показателями уровня стресса. Такая связь свидетельствует о том, что в стрессовых ситуациях у педагогов возникают трудности в определении цели и программы действий, адекватных сложившимся обстоятельствам, в связи с чем они действуют импульсивно, непоследовательно, зачастую путем проб и ошибок.

На следующем этапе исследования мы применили шкалу Спилбергера — Ханина для выявления тревожности как личностного свойства (личностная тревожность) и как психического состояния, обусловленного определенной жизненной ситуацией (ситуативная или реактивная тревожность). Анализ результатов исследования показал, что 27 % испытуемых имеют устойчиво выраженную личностную тревожность и 33 % — высокий уровень ситуативной тревожности. Проведенный корреляционный анализ выявил, что имеет место достоверная взаимосвязь состояния ситуативной тревожности и тревожности как свойства личности, с одной стороны, и компонентов профиля саморегуляции — с другой (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционная матрица взаимосвязей показателей тревожности и компонентов саморегуляции

Шкалы опросника саморегуляции	$R_{эмп}$	
	Личностная тревожность	Ситуативная тревожность
Общий уровень саморегуляции	-0,404	-0,390
Планирование	-0,091	-0,110
Моделирование	-0,313	-0,306
Программирование	-0,381	-0,102
Оценивание результатов	-0,190	-0,102
Гибкость	0,213	0,040
Самостоятельность	-0,139	-0,129

Установлена прямая связь личностной тревожности со шкалой «гибкость» ($r = 0,213$; $p \leq 0,05$), которая свидетельствует об увеличении способности личности перестраивать, вносить коррективы в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий в случаях возникновения у человека острого состояния напряжения, беспокойства, нервозности.

Также нами выявлено, что личностная тревожность находится в обратной связи с регуляторными процессами «Моделирование» ($r = -0,313$; $p \leq 0,01$) и «Программирование» ($r = -0,381$; $p \leq 0,01$), это обуславливает возникновение регуляторных сбоев, трудностей в определении целей действий, адекватных текущей ситуации, склонность индивида к импульсивным действиям и поступкам. В. И. Моросанова отмечает, что респонденты мало задумываются о своем будущем, их действия и поступки определяются требованиями ситуации, что проявляется в недостаточной последовательности. Их больше интересуют конкретные задачи. Они небрежны, нарушают договоренности и сроки выполнения обязательств. Не умеют организовать свое время и работу. Смотрят на жизнь легко, подвижны, энергичны. Жизненные цели малореалистичны, подвержены частой смене [3]. Сниженная способность моделирования ($r = -0,306$; $p \leq 0,01$) и низкие показатели по шкале «самостоятельность» ($r = -0,129$; $p \leq 0,01$) непосредственно связаны с ситуативной тревожностью. Это свидетельствует о

снижении способности саморегуляции поведения, неспособности самостоятельно разрабатывать планы действий, следовании чужим советам, зависимости от мнений и оценок окружающих в случаях возникновения у человека острого состояния напряжения, беспокойства, нервозности.

Полученные результаты позволяют нам прийти к следующим выводам. Личностная и ситуативная тревожность находятся во взаимосвязи с различными сторонами саморегуляции. Личностная тревожность связана со звеном моделирования, программирования и гибкостью. Ситуативная тревожность связана со звеном моделирования и самостоятельности. Корреляционный анализ показывает, что осознанная саморегуляция произвольной активности человека испытывает на себе влияние тревожности как личностного свойства, а устойчивая индивидуальная характеристика личности, проявляющаяся в его предрасположенности к тревоге, оказывает воздействие на процесс саморегуляции.

Высокий уровень ситуативной тревожности может изменять характер некоторых регуляторных процессов, снижая способность человека формировать процесс моделирования в слабом развитии целей, потребностей деятельности, а также гибко действовать в изменяющихся условиях, порождая неуверенность в себе. Иначе говоря, высокая ситуативная и личностная тревожность может неблагоприятно влиять как на функционирование отдельных компонентов, так и на всю структуру саморегуляции поведения.

Однако, учитывая характер выявленной корреляционной связи шкалы общего уровня саморегуляции и личностной тревожности, можно говорить о существующей роли устойчивых индивидуальных характеристик, отражающих предрасположенность испытуемых к тревоге.

Таким образом, вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность» дискутируется в литературе и решается неоднозначно. С нашей точки зрения, общие закономерности саморегуляции соотносимы с понятием субъекта деятельности и сознания, а когда мы обращаемся к личности как субъекту деятельности и сознания, необходимо развивать представления об индивидуальных особенностях саморегуляции в их взаимосвязи с эмоциональными состояниями, различными структурами самосознания и бессознательного.

Литература

1. Волкова М. Н. Психология субъекта: хрестоматия. — Владивосток, 2007.
2. Гунзунова Б. А. Концептуальная модель системы саморегуляции эмоциональных состояний в профессиональной педагогической деятельности // Мир науки, культуры, образования. — Горно-Алтайск, 2012. — № 4(35). — С. 150–155.
3. Гунзунова Б. А. Теоретико-методологические основы саморегуляции в профессиональной педагогической деятельности. — Улан-Удэ, 2012.
4. Осницкий А. К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. — 2009. — Ч. 1. — № 5(7).

References

1. Volkova M. N. *Psikhologiya sub"ekta* [Psychology of subject]. Vladivostok, 2007.
2. Gunzunova B. A. *Kontseptual'naya model' sistemy samoregulyatsii emotsional'nykh sostoyanii v professional'noi pedagogicheskoi deyatel'nosti* [Conceptual model of the system of emotional states self-regulation in professional teaching activities]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya — The world of science, culture and education*. Gorno-Altaiisk, 2012. No. 4(35). Pp. 150–155.
3. Gunzunova B. A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy samoregulyatsii v professional'noi pedagogicheskoi deyatel'nosti* [Theoretical and methodological basis of self-regulation in professional teaching]. Ulan-Ude, 2012.
4. Osnitskii A. K. *Regulyatornyi opyt, sub"ektnaya aktivnost' i samostoyatel'nost' cheloveka. Chast' 1* [Regulatory experience, subjective activity and independence of a human. Part 1]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal — Psychological research: electronic scientific journal*. 2009. No. 5(7).

УДК: 159.942

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ
МОТИВАЦИИ*****Пырьев Евгений Александрович***

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Оренбургского государственного педагогического университета

Россия, 460000, г. Оренбург, ул. Советская, 19

E-mail: evgpyrev@yandex.ru

В статье раскрывается проблематика мотивации, построенной на эмоциях человека. Дается определение явлению «эмоциональная мотивация». Предлагаются способы диагностики этого феномена психики человека. Истоки эмоциональной мотивации выводятся из эмоциональных связей личности с различными сторонами ее жизнедеятельности. Проявляясь в отношениях человека, эмоциональная мотивация имеет предметное содержание, на которое оказывает влияние.

Объектом исследования настоящей работы выступили эмоции студентов, появляющиеся в процессе отношений к своей учебно-профессиональной деятельности.

Предметом исследования стала диагностика мотивации деятельности, основанная на эмоциях человека. Особенностью такой мотивации выступают эмоции в своем огромном многообразии, придающем специфику побудительным действиям в адрес явлений, с которыми установлена крепкая и устойчивая связь.

Организован и проведен эксперимент, в котором рассмотрены побудительные действия эмоций. Эмоции поделены на 4 группы, каждая из которых осуществляет в адрес предметов побудительные действия. Эти действия выступают вспомогательными средствами в направленном поведении на предмет, с которым эмоция связана эмпирически.

Экспериментальное исследование позволило установить, что эмоциональная мотивация отличается некоторым временем существования в психике, бессознательностью влияния на предмет, ассоциативностью появления. Данные переменные объективнее исследовать с помощью цветового ассоциативного теста, который обоснован и применен нами на практике. В основе теста лежит цветовая ассоциация респондента в адрес предмета. Изучение цветовых ассоциаций испытуемых в адрес предметов, а также их различных сторон позволяет раскрыть особенности их эмоциональной мотивации.

Ключевые слова: мотивация; эмоции; эмоциональная мотивация; эмоциональные отношения; эмоциональные ассоциации; учебная и профессиональная деятельность студентов.

EXPERIMENTAL STUDY OF EMOTIONAL MOTIVATION***Evgenii A. Pyr'ev***

PhD, A/Professor, Orenburg State Pedagogical University

19, Sovetskaya Str., Orenburg 460000, Russia

The article deals with the problem of motivation based on human emotions. The definition of the phenomenon "emotional motivation" and the ways of its diagnosis in human psyche were given. The origins of emotional motivation were derived from emotional connection of a person with various parties of his/her life. Being manifested in human relations emotional motivation has substantive content and influences on it.

The object of study was the emotions of students, which came out from their attitude to educational and professional activities. The diagnosis of activities motivation based on human emotions was the subject of study. Emotions in there huge variety, that gives specifics for incentive actions to the phenomena with strong and stable relationship become the peculiarity of this motivation.

In the conducted experiment incentive actions of emotions was considered. Emotions were divided into 4 groups, each of which carried out incentive actions to the objects. These actions serves as aids in behavior directed on an object with which the emotion is related empirically.

The experimental investigation revealed that emotional motivation differs by lifetime in psyche, unconsciousness of influence on the object, and associativity of appearance. These variables could be studied more objectively with the help of color-association test, which proved and used by us in practice. The basis of this test was color association of respondent to an object. Study of testees' color associations to objects, as well as to their various parties can reveal features of emotional motivation.

Keywords: motivation, emotions, emotional motivation, emotional relationships, emotional associations, educational and professional activities of students.

Диагностика эмоций представляет определенную проблему. Исключением является шкала дифференциальных эмоций К. Изарда. Автор предлагает диагностику элементарных эмоций, которые называет «базовыми». Данное название они получили на основании своей врожденной или биологической детерминации [3].

По словам К. Изарда, базовых эмоций от трех до семи. Он, в частности, выделяет семь: страх, радость, удивление, гнев, обида, отвращение, презрение. Остальные эмоции, а их может быть несколько сотен и даже тысяч, – производные базовых.

Шкала эмоций К. Изарда, а также другие попытки диагностики базовых эмоций имеют один существенный недостаток — производится диагностика беспредметных эмоций, т. е. эмоции диагностируются без привязки к предметному миру. Такой подход следует признать не совсем корректным. Дело в том, что любая элементарная эмоция имеет предметное содержание. Элементарные эмоции привязаны к предметному окружению человека и существуют только в этой связке. Таким образом, если рассматривать эмоции в качестве мотивационных, то их нужно исследовать вместе с предметным содержанием.

Известно, что эмоциональные реакции человека на ситуацию основаны на его личном или субъективном опыте. В процессе жизнедеятельности человека в его памяти устанавливается связь эмоции и ситуации (предмета, явления, деятельности). Эмоциональная память на конкретные события очень устойчивое явление и сохраняется годами. Существует такая память в форме «аффективного образа», помещенного в глубины психики.

Наличие аффективного образа можно рассмотреть с позиции бессознательной установки, готовой развернуться в любой момент. Как правило, это происходит при восприятии человеком известной или похожей ситуации. Например, первоначальные эмоциональные реакции студента-первокурсника на учебный процесс в вузе, как правило, являются похожими на его школьные эмоции. Если в прошлом в адрес учебы переживались эмоции печали, то, попадая в вуз, студент начинает переживать аналогичные или похожие эмоции. Конечно, в процессе новой учебной деятельности эмоции могут меняться, но происходит это достаточно медленно.

Аффективные образы, рассмотренные в аспекте установки, обладают рядом специфических мотивационных характеристик. В частности, они существуют на бессознательном уровне психики в форме напряжения, т. е. обладают определенной энергетикой. В момент встречи с предметом установка автоматически раскрывается и человек начинает переживать эмоции гнева, ярости, печали, радости. Переживание эмоций относительно воспринимаемого предмета является источником направленных на него бессознательных непреднамеренных действий. Каждой эмоции соответствуют свои действия, обусловленные модальностью переживания.

Встреча аффективной установки с предметом есть акт ее опредмечивания. Раскрывается установка в момент встречи человека с предметом в процессе его оценивания. П. Экман называет этот процесс «автооцениванием» [10]. Данный акт в российской психологии рассматривается в аспекте «отношение».

Впервые понятие «отношение личности» было введено в начале XX века российским психологом А. Ф. Лазурским в книге «Очерк науки о характере» [4]. Автор рассматривает многообразие отношений человека к внешним объектам и среде вообще. В дальнейшем концепция «отношений личности» разрабатывалась В. Н. Мясищевым, он же дал понимание этого явления. В своей книге «Психология отношений» он указывает, что отношение — это целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности [7].

Особенностью «концепции отношений» В. Н. Мясищева является положение о сознательной детерминации эмоций. Данная точка зрения доминирует в российской психологии. В рамках этой позиции эмоции появляются в процессе сознательных отношений личности к предметному миру как побочный продукт ее активности. Так, значимость ситуации для человека и прогнозная оценка удовлетворения его потребностей приводят к положительным эмоциям, а оценка неудовлетворения — к отрицательным.

Практика показывает, что эмоции появляются гораздо раньше сознательного отражения реальности. Эмоция является продуктом бессознательного в психике, как результат интуитивной оценки реальности. В эмоциях человек реагирует быстро, бездумно, не взвешивая свой выбор на весах «альтернативы» и не стараясь выглядеть с более «выгодной стороны». В этой непосредственности специфичная особенность появления эмоций.

Первая реакция человека на ситуацию, как правило, неосознаваемая. Однако в процессе жизнедеятельности отношение человека к явлению может меняться, соответственно, меняются и эмоции. Например, с отрицательных на положительные, а также наоборот.

При встрече с предметом происходит его автоматическая оценка в соответствии с имеющимся опытом. Появляются эмоции, связанные с предметом, в результате длительных сознательных и неосознаваемых взаимодействий.

Мы придерживаемся точки зрения, что отношение человека к предмету есть не что иное, как процесс формирования связи эмоции с предметом. В процессе отношения формируется аффективный образ, существующий в психике как связь конкретной эмоции с конкретным образом предмета.

Существование аффективного образа позволяет преодолевать позицию отечественной психологии о динамичном, импульсивном и краткосрочном характере элементарных эмоций. Данное мнение легко преодолевается положением о предметности эмоций. Если эмоции привязаны к предмету и следуют за его восприятием, то смена эмоций происходит по факту смены восприятия предмета. Эмоция следует за восприятием предмета, но до его осмысления и осознания.

С восприятием знакомой ситуации появляется ассоциативная эмоция, выполняющая в адрес предмета мотивационную функцию. В качестве мотива эмоция, в зависимости от своей модальности, направляет в адрес предмета непреднамеренные действия. Так, действия человека, побуждаемые эмоциями, могут быть направлены на укрепление, совершенствование, преобразование, разрыв... связи с предметом. Одни эмоции направлены на разрыв связей с предметом, другие на укрепление связей, третьи — на удержание связей и т. д. [9].

По итогам многолетнего изучения проблемы мотивационной функции эмоций возможна формулировка определения изучаемого явления. Итак, под явлением «эмоциональная мотивация» следует понимать: «...комплексное реагирование человека на ситуацию, включающее в себя неосознаваемую установку, основанную на аффективном образе, сформированном в процессе отношений человека, эмоцию определенной модальности, появившуюся в процессе автоматического оценивания человеком предмета, и побудительные действия в адрес этого предмета, вызвавшего эмоцию».

Нами организован и проведен эксперимент, где рассмотрены побудительные действия эмоций. В эксперименте эмоции поделены на 4 группы, каждая из которых осуществляет в адрес предметов восприятия побудительные действия. Эти действия выступают вспомогательными средствами в направленном поведении на предмет, с которым эмоция связана эмпирически.

Эмоции поделены на активно положительные (радость, ликование, восторг); активно отрицательные (гнев, ярость, злость); пассивно положительные (покой, равнодушие, безмятежность); пассивно отрицательные (страх, печаль, страдание, разочарование).

Было установлено, что *активно положительные эмоции* (радость, ликование, восторг) являются ответом на существование крепкой связи с предметом и направлены на преобразование и совершенствование этой связи. *Активно отрицательные эмоции* (гнев, ярость, злость) являются ответом на разрыв связи и побуждают человека на укрепление связей посредством волевого усилия. Связь эмоции с предметом в этом случае сохраняется, но с участием волевого напряжения. *Пассивно положительные эмоции* (покой, равнодушие, безмятежность) являются также ответом на существование связи. В свою очередь, связь эмоции с предметом в этом случае не разрывается, но имеет пассивно оборонительный характер. *Пассивно отрицательные эмоции* (страх, печаль, страдание, разочарование) появляются в ответ на разрыв связей с предметом, поэтому побуждают человека к избеганию активных действий, к бездействию или поиску нецелевых альтернатив. Побудительные действия, используемые эмоциями этого рода, направлены не только на разрушение связи, но и на поиск новых объектов и явлений.

Теоретическое осмысление вопросов эмоциональной мотивации. Все теории мотивации, созданные на сегодня, обобщенно можно разделить на два подхода: диспозиционный и процессуальный. Согласно первому подходу, мотивация — это диспозиция, существующая в психике человека. Такая диспозиция представлена в различных формах. Например, по К. Левину — это потребности [5], а по Г. Олпорту — это личностная черта [8]. Существовая в психике как напряжение, потребности и личностные черты выступают в качестве источников, побуждающих поведение человека.

В соответствии с процессуальным подходом мотивация появляется в процессе сознательной активности человека по отражению реальности. Ярким представителем процессуального подхода к мотивации являлся российский исследователь А. Н. Леонтьев. Мотивацию как явление он раскладывает на две переменные: потребности и мотивы. Первые отвечают за напряжение, вторые — за разрядку этого напряжения. На уровне потребностей происходит побуждение к импульсивному поведению, а

также к интеллектуальному поиску предмета (явления), способного снять напряжение. Поиск предмета, отвечающего потребности, приводит к формированию мотива. С его появлением человек принимает решение действовать. Он понимает, куда и зачем ему двигаться. Мотив у А. Н. Леонтьева — это осознанный и осмысленный предмет потребности, отвечающий на вопрос: «Ради чего?» [6].

Эмоциональная мотивация укладывается в рамки как процессуального, так и диспозиционного подхода. В частности, аффективный образ — это диспозиция, готовая развернуться в любой момент. Эта диспозиция, помещенная в глубины психики, выражает связь эмоции с предметом. В зависимости от модальности переживаемых эмоций в адрес предмета энергетика диспозиции будет иметь либо положительную, либо отрицательную напряженность. Обнаруживается данная диспозиция в процессе автооценивания субъектом реальности, а также в побудительных действиях, направленных в адрес предмета связи. Важно подчеркнуть, что автооценивание — это неосознаваемый процесс оценки реальности, однако существует и сознательное оценивание, когда человек специально выстраивает эмоции в адрес предмета. Чаще всего это происходит из-за социальной целесообразности, например, когда человек сознательно начинает испытывать эмоции, помогающие, с его точки зрения, решить текущую задачу.

Эмоциональная мотивация отличается от интеллектуальной, сознательной мотивации. Данный тезис виден на примере учебных мотивов студентов вуза. Например, смысловой мотив «Учеба ради диплома» (малозначимый для эффективности деятельности по А. Н. Леонтьеву) соотносится с положительными эмоциями в адрес учебы. Также может быть и другая ситуация: эмоции в адрес учебы отрицательные, а учится студент для получения знаний. В этом примере мотив «высокозначимый» (опять же по Леонтьеву). Данная ситуация называется «не хочу, но надо», «стерпится — слюбится» и т. д.

Соотношение явлений эмоциональной и интеллектуальной мотивации неравноправно. Иногда верх берет первое явление, иногда второе. Так, «эмоционально зависимый» человек будет прикладывать усилия, если его отношение к делу переживается в эмоциях радости и удовольствия. В свою очередь, «интеллектуальный человек» будет ориентироваться на доводы рассудка. Его мотивация и усилия будут во многом определяться мышлением и сознательной оценкой реальности.

Экспериментальное исследование. Со времени первой психологической лаборатории В. Вундта, а еще раньше И. В. Гете, принято считать, что цвет — это эмоция, а эмоция — это цвет [1; 2]. Соответственно, в настоящем эксперименте эмоции изучались с помощью восьми базовых цветов, известных в психофизиологии: синий, зеленый, красный, желтый, фиолетовый, коричневый, черный, серый. Был разработан «Цветовой ассоциативный тест», в основе которого лежит цветовая ассоциация респондента в адрес предмета. Данный диагностический подход отвечает теоретическим конструктам, изложенным выше. Изучение цветовых ассоциаций студентов в отношении учебно-профессиональной деятельности, ее различных сторон позволяет раскрыть особенности их эмоциональной мотивации.

Психологическое значение цветов позволяет объяснить специфику мотивации по каждой эмоции. В основе мотивации, основанной на эмоциях, — особенности побуждения человека в адрес явления, с которым существует тесная эмпирическая связь. При экспериментальном исследовании эмоциональной мотивации с помощью «цветового ассоциативного теста» мы исходили из следующих посылок:

- активно положительные эмоции (радость, ликование, восторг, интерес). Ассоциации респондента с явлением в зеленом и желтом цветах;
- активно отрицательные эмоции (злость, гнев, ярость, страх) — красный и черный цвета;
- пассивно положительные эмоции (покой, равнодушие, безмятежность) — фиолетовый и синий цвета;
- пассивно отрицательные эмоции (печаль, разочарование, отчаяние) — серый и коричневый цвета.

Побудительные действия эмоций, проявившиеся в процессе ассоциации цвета с различными сторонами деятельности, находят предметное воплощение в объективных показателях. В качестве таких показателей учебно-профессиональной деятельности студентов вуза выступают: среднеарифметический балл успеваемости, уровень абсентеизма, вовлеченность в учебный процесс и т. д. Установление корреляции между эмоцией, переживаемой в адрес деятельности, и объективными показателями деятельности свидетельствует о наличии эмоциональной мотивации человека. В свою очередь, выбор цвета в ассоциации говорит об эмоциональных особенностях мотивации.

При исследовании мотивации с помощью «Цветового ассоциативного теста» мы исходили из следующих психологических значений цветов:

Синий цвет — глубокая привязанность как инструмент достижения внешней защиты, эмоционального комфорта, покоя. Эмоции цвета: удовольствие и безмятежность. Ассоциация с синим цветом говорит о переживании студентами по отношению к своей учебе нейтральных эмоций: покоя и удовольствия.

Зеленый — это символика открытости внешнему миру, состояние легкости, свободы, веселого настроения. Испытуемый переживает положительные эмоции в адрес своей учебы: интереса и любопытства. Данные эмоции реализуются в стремлении к освоению знаний и навыков.

Красный — стремление к достижению, обладанию, лидерству, наступательная агрессивность, целенаправленность, высокая поисковая активность. Испытуемый переживает амбивалентные эмоции — злости, гнева и радости, которые «питают» друг друга и направляют активность в адрес явления, с которым красный цвет ассоциируется.

Желтому цвету присущи радость, бодрость и нежное возбуждение. Данный цвет ассоциируют с учебной студентами, ищущие разные способы разрядить возбужденное напряжение и иметь возможность раскрыться, достичь желаемого. Эмоции радости и нежного возбуждения приводят к эксцентрической разрядке и изменению своего текущего положения.

Фиолетовый цвет диагностирует склонность к мрачно-меланхолической серьезности и взволнованно-тоскливому настроению; неопределенность ожидания, фантазирование. Ассоциация учебы с фиолетовым цветом свидетельствует о желании уйти от реальной действительности, об иррациональности притязаний, нереальных требованиях к учебе, субъективизме.

Коричневый — переживание тревоги и беспокойства. Человек, ассоциирующий явление с коричневым цветом, не удовлетворен и разочарован. Для устранения этого состояния стремится к психологическому и физическому комфорту.

Черный цвет является показателем эмоции страха. Ассоциация черного цвета с учебной говорит об агрессивности, носящей защитный характер. Черный — это показатель независимости через протест и негативизм по отношению к учебе. Черный цвет символизирует несогласие с реальным положением вещей и готовность сопротивляться обстоятельствам.

Серый цвет в ассоциации символизирует переживание эмоций печали, горя и страдания. Испытуемый, выбирающий серый цвет в ассоциации, утомлен и не готов к активному эмоциональному реагированию относительно предмета ассоциации. Пассивность и уход в себя являются способом восстановления утраченных сил.

Классификация цветов по психологическому значению позволяет установить параметры эмоциональной мотивации. Так, об активной положительной эмоциональной мотивации по отношению к учебе говорят ассоциации с зеленым и желтым цветом; активная отрицательная эмоциональная мотивация — красный и черный цвета; пассивно положительная эмоциональная мотивация — синий и фиолетовый; пассивно отрицательная эмоциональная мотивация — коричневый и серый.

Использование терминов «мотивация» и «демотивация» позволяет утверждать, что о наличии эмоциональной мотивации можно судить по ассоциации с красным, зеленым, желтым и синим цветами; соответственно наличие демотивации в отношении учебно-профессиональной деятельности респондент обнаруживает в черных, серых, коричневых и фиолетовых цветах.

Таким образом, эмоциональная мотивация отличается некоторым временем существования в психике в форме аффективного образа, который представляет собой связь эмоции с образом предмета. Существует аффективный образ как мотивационная установка, основанная на эмоции. В свою очередь, активизация эмоции при появлении предмета запускает в его сторону непреднамеренные действия, отвечающие модальности переживаемой эмоции. Эмоциональные непреднамеренные действия запускаются в адрес предмета с целью укрепления, совершенствования, сохранения, закрепления, разрыва связи с предметом.

Эмоциональные аспекты мотивации объективнее исследовать с помощью цветового ассоциативного теста, который обоснован и применен нами на практике. В основе теста лежит цветовая ассоциация респондента в адрес предмета. Изучение цветовых ассоциаций испытуемых, а также их различных сторон позволяет раскрыть особенности их эмоциональной мотивации.

Литература

1. Вундт В. Основы физиологической психологии. — М., 1880. — 589 с.
2. Гете И. В. К учению о цвете. Хроматика // Избранные сочинения по естествознанию. — М.: Из-во АН СССР, 1957. — С. 300–340.
3. Изард К. Э. Психология эмоций. — СПб.: Питер, 2002. — 464 с.
4. Лазурский А. Ф. Очерк науки о характерах. — М., 1995.
5. Левин К. Динамическая психология. — М.: Смысл, 2001. — 572 с.
6. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. — М., 1971.
7. Мясищев В. Н. Психология отношений. — М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995. — 286 с.
8. Олпорт Г. Личность в психологии. — М.: Ювента; СПб., 1998. — 345 с.
9. Пырьев Е. А. Оценка мотивационных возможностей эмоций // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2013. — Т. 15, № 2(4). — С. 972–976.
10. Экман П. Психология эмоций. — СПб.: Питер, 2012. — 275 с.

References

1. Wundt W. *Principles of physiological psychology*. London: Allen, 1874. (trans. from Ger.)
2. Goethe I. V. К учению о тsvete. Khromatika [Theory of colors. Chromatics]. *Izbrannyye sochineniya po estestvoznaniyu — Selected works on natural history*. Moscow: USSR Academy of Sciences publ., 1957. Pp. 300–340.
3. Izard C. E. *The psychology of emotions*. N. Y.: Plenum Press, 1991. 451 p.
4. Lazurskii A. F. *Ocherk nauki o kharakterakh* [Outline of science about characters]. Moscow, 1995.
5. Lewin K. *A dynamic theory of personality*. New York: McGraw-Hill, 1935.
6. Leont'ev A. N. *Potrebnosti, motivy i emotsii* [Needs, motives and emotions]. Moscow, 1971.
7. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnoshenii* [Psychology of relationships]. Moscow: Institute of Applied Psychology publ.; Voronezh: MODEK, 1995. 286 p.
8. Allport G. W. *Personality: A psychological interpretation*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1937.
9. Pyr'ev E. A. Otsenka motivatsionnykh vozmozhnoستي emotsii [Evaluation of emotions motivational opportunities]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk — Proceedings of Russian Academy of Sciences Samara Scientific Center*. 2013. V. 15. No. 2 (4). Pp. 972–976.
10. Ekman P. *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. Times Books, 2003. 288 p.

УДК 159.922.4–053.6

**ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
ОБРАЗА ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ*****Базарова Долгор Раднанимаевна***

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: dolgor.bazarova@yandex.ru

В статье отражены результаты исследования по психосемантическому дифференциалу «Образ жизни» В. П. Серкина современной молодежи. Впервые исследованы особенности образа мира молодежи Байкальского региона: когнитивные (самосознание, представления), эмоциональные (отношения, переживания), возрастные, этнокультурные и профессиональные. Доказано, что структурно-содержательные характеристики образа мира детерминированы ценностно-смысловыми особенностями молодежи. Раскрыто семантическое пространство образа мира молодежи, его основные смысловые сферы. Проведенное исследование позволяет расширить этнокультурные представления об образе мира молодежи в аспекте традиционных ценностей. Показана профессиональная специфичность образа мира молодежи. Также выделены факторы образа жизни молодежи. Исследование впервые выявило различия в результатах трех групп, полученных с помощью методов психосемантики, в семантическом описании структурно-содержательных характеристик образа мира молодежи, которые детерминированы этнокультурными ценностно-смысловыми особенностями: предпочтением родного языка, духовной и материальной культуры этноса, традиционными этническими и конфессиональными ценностями.

Ключевые слова: образ жизни, образ мира, картина мира, психосемантика, студенчество, молодежь, структурно-содержательные характеристики, компоненты, традиционные ценности, самосознание, этнокультурные особенности.

**FEATURES OF STRUCTURAL AND CONTENT CHARACTERISTICS
OF MODERN YOUTH'S LIFESTYLE*****Dolgor R. Bazarova***

PhD, A/Professor, Buryat State University
24a, Smolina Str., 670000 Ulan-Ude, Russia

This article presents the results of modern youth research according to V. P. Serkin's psychosomatic differential "Lifestyle". The cognitive (self-awareness, ideas), emotional (relationships, experiences), age, ethno-cultural and professional features of Baikal region youth's world image were studied for the first time. It was proved that structural and substantial characteristics of world image had been determined by value-semantic features of youth. The semantic space of youth's world image and its main semantic spheres were disclosed. This study extends ethno-cultural representations of young people's world image in terms of traditional values. The professional specificity of youth's world image was shown. Also youth lifestyle factors were highlighted. First of all the study showed differences in the results of three groups obtained by methods of psychosemantics in semantic description of structural and substantial characteristics of youth's world image, which were determined by ethnic and cultural value-semantic features: preference of native language, ethnic material and spiritual culture, traditional ethnic and religious values.

Keywords: lifestyle, world image, picture of the world, psychosemantics, students, youth, structural and content features, components, traditional values, identity, ethnic and cultural features.

Категория «образ мира» является одной из основных в современной психологии. Образ мира выстраивается в сознании человека в процессе интеллектуальной обработки, осмысления жизненных ситуаций, объяснение и понимание которых осуществляется в контексте жизненного опыта человека, профессиональной деятельности и особенностей его личности.

А. Н. Леонтьев определил понятие «образ мира» как сложное многоуровневое образование, обладающее системой значений и полем смысла, и отмечал, что проблема психического должна ставиться в ракурсе построения в сознании индивида многомерного образа мира как образа реальности. В картине мира, по А. Н. Леонтьеву, можно выделить три слоя сознания: 1 — чувственные образы; 2 — значения, носителями которых выступают знаковые системы, формируемые на основе интериоризации предметных и операциональных значений; 3 — личностный смысл [2].

Метод семантического дифференциала является основным инструментом психосемантики. Он представляет собой комбинацию метода контролируемых ассоциаций и процедур шкалирования. С его помощью можно построить субъективные семантические пространства, отражающие меру ассоциативной связи предлагаемых респондентам понятий.

В исследовании приняло участие 180 респондентов, разделенных на 3 группы: студенты ($n = 60$, студенты 2-х курсов); студенты ($n = 60$, студенты 5-х курсов) и работающая молодежь ($n = 60$, преподаватели, предприниматели, продавцы, менеджеры, врачи и др.).

Результаты семантического дифференциала представлены в таблице 1, в которую включены значимые универсалии для всех групп. Сходства в представлениях об образе жизни (ОЖ) 1-й и 2-й групп выделяют их возрастные особенности («веселый»), ценности («привлекательный», «компромиссный»), говорят об их достаточной зрелости в эффективной форме их общения. Дескрипторы «уважительный», «счастливый», «миролюбивый» и «комфортный» схожи у 2-й и 3-й групп, они указывают на более широкую социальную сферу их ОЖ ($t_{эмп} = 2,96$, $p < 0,01$), оценку ОЖ по параметру счастья; универсалии «понимающий», «недостойный» оказались незначимыми, но оцениваются во всех трех группах, что можно интерпретировать как стремление молодежи понять современный образ жизни.

Таблица 1

Семантические универсалии понятия «образ жизни» (по 90%-му интервалу) в трех группах испытуемых

1 группа	2 группа	3 группа
компромиссный (-2,4)	привлекательный (-2,8)	счастливый (2,4)
веселый (1,8)	Уважительный (-2,4)	осмысленный (2,3)
осмысленный (1,6)	веселый (-2,3)	миролюбивый (-2,1)
привлекательный (1,52)	компромиссный (-1,83)	комфортный (2,0)
	миролюбивый (-1,58)	уважительный (-1,9)
	комфортный (1,58)	

Оценка испытуемыми понятия ОЖ факторизируется по осям: активный — пассивный, обычный — особый, счастливый — несчастливый, бессмысленный — осмысленный, привлекательный — непривлекательный, компромиссный — непримиримый, беспокойный — спокойный, ответственный — безответственный, голодный — сытый. Исходя из этих данных, мы можем предполагать, что основными параметрами оценки ОЖ молодежи являются счастье, активность, осмысленность, обеспеченность, спокойствие. Образ жизни молодые люди видят с точки зрения возраста, выбранной профессии, когнитивных и эмоциональных характеристик, и в каждой группе семантическое пространство образа жизни различно. Это подтверждается результатами факторизации. Интерпретация факторов основывалась на общепринятом в психосемантике положении, согласно которому, психологический смысл семантического дифференциала состоит в том, что он ориентирован на различие не понятий, а реакций на понятия. Из факторного анализа характеристик образа жизни в 1-й группе студентов младших курсов видно, что наибольшим весом в его формировании обладает шкала «миролюбивый — агрессивный» (-0,758).

Высокая корреляционная связь ($p < 0,01$) этой категории с другими составляющими шкалами описываемого фактора: «бессмысленный — осмысленный» (0,733), «профанный — настоящий» (0,705), «напряженный — расслабленный» (0,552) и «насыщенный — ненасыщенный» (0,548) позволяет определить фактор «миролюбивый образ жизни» или «миролюбие» как ведущую структурно-содержательную характеристику образа жизни студентов младших курсов, детерминированную их ценностно-смысловой ориентацией. Все характеристики фактора имеют положительную когнитивно-оценочную направленность. Такое восприятие своей жизни характеризует достаточно благоприятное положение, оптимистичность.

В состав второго фактора вошли следующие шкалы: «активный — пассивный» (-0,683), «неуверенный — уверенный» (+0,569), «социальный — самодостаточный» (+0,541), «сонный — бодрый» (+0,530), «новый — старый» (-0,352). Наибольшим весом в его формировании обладает качество «активный». Его, а также качества «уверенный», «самодостаточный», «бодрый», «новый» можно отнести к положительно выраженному полюсу пространства

отношений «Сила» — «Активность», предложенных Ч. Осгудом. Исходя из состава фактора и характера их взаимодействия, назовем его «Активность».

Следующий значимый фактор № 3 имеет в своем составе такие шкалы:

«неподвижный — подвижный»	(+0,858)
«консервативный — радикальный»	(+0,734)
«творческий — рутинный»	(-0,713)
«беспорядочный — упорядоченный»	(+0,390)
«обеспеченный — необеспеченный»	(-0,358)

Исходя из состава характеристик, формирующих фактор, и наибольшего веса в нем характеристики «Подвижный», можно предположить, что описываемая им психическая реальность может определять позитивную направленность образа мира студентов-второкурсников, их удовлетворенность настоящим и веру в будущее. Результаты нашего исследования показывают, что студентами младших курсов эта способность к поступательному развитию оценивается позитивно. Семантика восприятия образа мира включает разные стороны организации жизни: подвижность, радикальность, творческую, упорядоченность, обеспеченность, составляющие важную ценностно-смысловую детерминанту — сохранение пусть и малого, но накопленного опыта и опоры на него в будущем. Это позволяет назвать данный фактор «Потенциал развития».

Аналогичным образом охарактеризуем результаты факторизации ответов на семантический дифференциал «Образ жизни» у студентов старших курсов во второй группе.

Фактор № 1 объединяет следующие шкалы:

«открытый — замкнутый»	(+0,781)
«привлекательный — непривлекательный»	(+0,753)
«активный — пассивный»	(+0,732)
«неподвижный — подвижный»	(+0,704)
«насыщенный — ненасыщенный»	(+0,691)

Характеристики, входящие в данный фактор, можно разделить на два смысловых класса: 1. «Замкнутый», «непривлекательный», «ненасыщенный» отнести к эмоциональному типу реагирования студентов старших курсов на жизненную (часто кризисную) ситуацию окончания обучения в вузе и неопределенность перспектив работы по профессии. Обладающая большим весом характеристика «замкнутый» указывает на тип реакции — неприятие всего, что не согласуется с индивидуальными представлениями о сегодняшнем мире, посредством ухода в негативную, ригидную психологическую защиту («Несправедливо, что государство, общество так обращается с молодыми специалистами»), а вторая и пятая — характеристики «непривлекательный», «ненасыщенный» — на повышенную сензитивность по отношению к внешним раздражителям, что делает их эмоционально уязвимыми по отношению к ним. 2. Характеристики «пассивный», «неподвижный», входящие в фактор, имеют оценочно-активное значение, причем активностные характеристики относятся к содержательно отрицательному полюсу. Общий образ фактора можно представить смысловыми диадами: «замкнутый» — «пассивный», «непривлекательный» — «неподвижный». Исходя из этого, данный фактор можно назвать «Эмоциональный диссонанс», так как он описывает модель поведения, основанную на пассивном восприятии молодыми людьми своих возможностей, некритическом восприятии окружающих, неопределенности приложения своих сил.

Фактор № 2 состоит из шкал:

«компромиссный — непримиримый»	(-0,747)
«опасный — безопасный»	(+0,745)
«враждебный — дружеский»	(+0,681)
«эгоистичный — альтруистичный»	(+0,614)
«миролюбивый — агрессивный»	(-0,455)

Данный фактор имеет высокий вес по шкале «компромиссный — непримиримый» с положительным значением всех характеристик: «компромиссный», «безопасный», «дружеский», «альтруистичный», «миролюбивый». Доминируют когнитивно-оценочные характеристики понятия «образ жизни», в целом достаточно оптимистичное восприятие жизни. Часто второй фактор, который называют более латентным и сильным, чем даже первый фактор, выделяет наиболее важные проблемы испытуемых. Поэтому студенты старших курсов, находясь в достаточно критичной ситуации профессионального самоопределения, понимают важность компромиссных подходов к решению своих проблем, что их личностная и профессиональная безопасность детерминирована системой дружеских,

альтруистичных и миролюбивых ценностно-смысловых ориентаций. Данный фактор получил название «Компромиссность».

Фактор № 3 включает шкалы:

«голодный — сытый»	(+0,786)
«сонный — бодрый»	(+0,708)
«трусливый — смелый»	(+0,424)
«неподвижный — подвижный»	(+0,346)
«истинный — ложный»	(-0,333)

Как видно, три характеристики данного фактора относятся к смысловой категории «Активность» в ее положительной выраженности: «бодрый», «смелый», «подвижный», одна характеристика «силовая» — «сытый», одна «оценочная» — «истинный». В целом они помогают в достижении поставленных целей в жизни, являются необходимыми условиями для этого, поэтому данный фактор можно назвать «Реализация целей жизни».

Результаты факторизации ответов на семантический дифференциал «Образ жизни» в 3 группе работающей молодежи можно охарактеризовать как наиболее соответствующие выявленным методом семантической универсалии дескрипторам, значимым для большинства в данной выборке испытуемых.

Фактор № 1 включает в себя следующие характеристики:

«беспокойный — спокойный»	(+0,740)
«сонный — бодрый»	(+0,709)
«неуверенный — уверенный»	(+0,693)
«скудный — интересный»	(+0,669)
«целостный — разрозненный»	(-0,652)

Жизнь воспринимается спокойной, бодрой, уверенной, интересной, целостной. Данный фактор объясняет, по всей видимости, такое отношение к жизни, когда уже нет большой необходимости изменять что-либо в жизни, она удовлетворяет тридцатилетних как благоприятное условие существования. Причины подобного отношения могут быть самыми разными: это и семейное, и профессиональное самоопределение, налаженность быта, успешность в делах — все, что позволяет назвать данный фактор «Уверенность в жизни». Отметим, что название этому фактору мы дали на основании общего смысла этого наиболее значимого фактора.

Исходя из содержания второго фактора, можно обозначить его как «Динамичность жизни»:

«неподвижный — подвижный»	(+0,828)
«активный — пассивный»	(-0,825)
«статичный — динамичный»	(+0,573)
«творческий — рутинный»	(-0,371)
«независимый — зависимый»	(+0,337)

Все пять характеристик, формирующие фактор, относятся, с точки зрения оценочных критериев, к категории активности в ее позитивной выраженности. Когнитивная характеристика «творческий» придает данному фактору в целом положительную личностную окраску.

Фактор № 3 состоит из следующих шкал:

«голодный — сытый»	(+0,746)
«несчастливый — счастливый»	(+0,698)
«творческий — рутинный»	(+0,389)
«напряженный — расслабленный»	(-0,387)
«безнравственный — нравственный»	(+0,374)

Характеристики, образующие этот фактор, несут содержательную сторону «Оценка», опираясь на различные формы отношения к образу мира: морально-этического («нравственный»), эмоционального («рутинный», «расслабленный»), личностно окрашенного («счастливый»), образного («сытый»). В этом факторе соединились как бы все возможные формы оценочного отношения к образу жизни без необходимой мотивации простого человеческого счастья. Исходя из этого, данный фактор можно определить как «эмоциональное отношение», или «счастье».

Таким образом, на основании результатов расчета семантической универсалии были выявлены психосемантические компоненты ценностно-смысловых ориентаций как детерминант важных структурно-содержательных характеристик образа мира молодежи в совокупности с факторным анализом семантического дифференциала «Образ жизни».

Литература

1. Базарова Д. Р. Образ мира молодежи Байкальского региона. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — 160 с.
2. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избр. психол. произведения. — М.: Педагогика, 1983. — Т. 2. — С. 251–261.
3. Монсонова А. Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций личности: монография. — Улан-Удэ, 2010. — 182 с.
4. Санжаева Р. Д., Дагбаева С. Б. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект. — Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. — 135 с.

References

1. Bazarova D. R. *Obraz mira molodezhi Baikal'skogo regiona* [The World Image of Baikal region Youth]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2012. 160 p.
2. Leont'ev A. N. *Obraz mira* [A World Image]. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya — Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika, 1983. V. 2. Pp. 251–261.
3. Monsonova A. R. *Etnokonfessional'naya prinadlezhnost' kak faktor formirovaniya sistemy tsennostnykh orientatsii lichnosti* [Ethno-confessional affiliation as a factor of individual value orientations formation]. Ulan-Ude, 2010. 182 p.
4. Sanzhaeva R. D., Dagbaeva S. B. *Tsennostnye orientatsii sovremennykh studentov: etnopsikhologicheskii aspekt* [Value orientations of modern students: ethnopsychological aspect]. Chita: Transbaikalian State University publ., 2008. 135 p.

II. ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛА

УДК 159.98:159.922.4

ОСОБЕННОСТИ Я-ОБРАЗА СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ СО СРЕДНИМ УРОВНЕМ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА

Данные исследования были получены при финансовой поддержке РГНФ в рамках выполнения исследовательского проекта № 09–06–62601 а/Т

Миронова Татьяна Львовна

доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: kafedra_osp_bsu@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования самосознания, его когнитивного аспекта, проведенного на выборке студентов-психологов со средним уровнем перфекционизма, направленного на себя. Цель исследования: изучить состав структуры я-образа студентов-психологов, склонных к перфекционизму. Методы исследования: метод свободного самоописания при отражении себя как субъекта учебно-профессиональной деятельности; методика, направленная на выявление уровня перфекционизма Хьюитта — Флетта. Выявлен состав структуры я-образа обучающихся в Астане (Республика Казахстан) при отражении себя как субъекта учебно-профессиональной деятельности. Установлено, что в данный состав включаются свойства направленности, нравственно-психологические, волевые, интеллектуальные свойства, особенности эмоциональной сферы, подготовленность личности, отношение субъекта к общению, коммуникативные свойства, а также отношение к учебно-профессиональной деятельности, к социальным условиям ее осуществления.

Ключевые слова: личность, уровень перфекционизма, перфекционизм, ориентированный на себя, самосознание, я-образ, субъект деятельности, профессия, учебно-профессиональная деятельность, общение, качества.

SELF-IMAGE PECULIARITIES OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS WITH AVERAGE LEVEL OF PERFECTIONISM

Tat'yana L. Mironova

Lett. D., Professor, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article presents the results of consciousness and its cognitive aspect empirical study, carried out on a sample of students-psychologists with average level of self-directed perfectionism. We studied the composition of self-image structure of psychology students who are prone to perfectionism with the help of the method of free self-description while a person reflects him/herself as a subject of professional teaching activity and Hewitt — Flett methodology aimed at identifying of perfectionism level. The composition of self-image structure of Astana (Kazakhstan) students' in reflection of themselves as subjects of professional teaching activity was revealed. It included orientation, moral, psychological, volitional, intellectual properties, peculiarities of emotional sphere, personality preparedness, attitude of a subject to communication, communicative properties, as well as relation to educational and professional activity, social conditions of its implementation.

Keywords: personality, level of perfectionism, perfectionism, self-oriented, self-consciousness, self-image, subject of activity, profession, educational and professional activity, communication, qualities.

Республика Казахстан вошла в состав Евразийского экономического союза. Между Россией и Казахстаном активно складываются многообразные связи и отношения не только в сфере экономики, но и в социальной сфере, в частности культуры, образования и т. д. Для двух государств, имеющих не только общую границу, но и тесное экономическое сотрудничество, актуальна задача развития и формирования межнационального общения между народами. В этих двух государствах проживает более 100 этносов. Сближение позиций между вышеуказанными странами позволит динамично развиваться, наращивать экономический и культурный потенциал, понимать менталитет народов, проживающих в них, и учитывать психологические особенности людей, вступающих во взаимодействие.

Формирование личности нового типа в соответствии с требованиями времени, а также современными требованиями общества к подрастающему поколению становится важным фактором устойчивого развития государства. Президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым была поставлена задача: войти в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира, преодолеть и выстоять в глобальном кризисе. Эти идеи были изложены в программе, представленной им на XII съезде НДП «Инновационно-индустриальное развитие Казахстана» [6, с. 89].

В XXI в. в молодежной среде стали появляться новые ценности, в частности направленность на успех и ориентация на высокие достижения. Эти ценности стали одним из доминирующих мотивов поведения и деятельности студентов, проживающих в Казахстане. Все это обуславливает актуальность исследования личностных характеристик современного студенчества, склонного к перфекционизму, в частности сложнейшего личностного образования — системы «я».

Целью нашего исследования явилось изучение особенностей я-образа студентов с я-ориентированным перфекционизмом при отражении себя как субъекта учебно-профессиональной деятельности (на примере освоения профессии психолога).

Объектом исследования является структура самосознания будущих психологов, в частности когнитивный аспект, факторы, существенно влияющие на развитие самосознания.

Предметом исследования — вербальные проявления самосознания при отражении себя как субъекта учебно-профессиональной деятельности (самохарактеристики) студентов-психологов казахской национальности в зависимости от уровня перфекционизма, ориентированного на себя.

Задачи исследования:

- 1) выявить социально-типичный я-образ у студентов-психологов как субъектов учебно-профессиональной деятельности со средним уровнем перфекционизма, ориентированного на себя.
- 2) выявить социально-типичный я-образ у студентов-психологов как субъектов учебно-профессиональной деятельности с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на себя.

Нами была использована методика Хьюитта — Флетта «Многомерная шкала перфекционизма» в адаптации И. И. Грачевой с целью выявления уровня перфекционизма, в частности я-ориентированного перфекционизма [1].

При получении материала с целью выяснения я-образа студента как субъекта учебно-профессиональной деятельности был использован метод свободного самоописания. Инструкция к самоописанию будущим профессионалом собственных качеств и особенностей предусматривала необходимость указания вышеуказанных характеристик, которые соответствуют их мотиву или цели учебно-профессиональной деятельности. Всего был опрошен 51 студент-казах, осваивающий профессию психолога. Исследование проводилось фронтально в студенческих группах в 2009 г. в г. Астане (Республика Казахстан), в Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева.

При обработке текстов самохарактеристик респондентов, полученных в ответ на вопрос «Какие Ваши качества и особенности (характеристики) могут способствовать достижению успеха или неуспеха в учебно-профессиональной деятельности?», был использован метод контент-анализа. Данный метод и разработанную нами методику обработки эмпирических данных, полученных при самоописании характеристик «я», мы использовали при исследовании самосознания учащихся ПТУ и врачей хирургического профиля. Результаты данного исследования представлены в нашей докторской диссертации [3] и монографии «Самосознание профессионала» [2]. При анализе текстов мы осуществляли следующие операции:

- 1) расчленение текста самохарактеристики каждого студента на смысловые единицы (высказывания, слова), так или иначе раскрывающие качества и особенности субъекта учебно-профессиональной деятельности;
- 2) упорядочение и распределение смысловых единиц из всех текстов данной группы по категориям анализа;
- 3) подсчет частоты смысловых единиц, включенных в соответствующую категорию. Мы полагаем, что частота вышеуказанных единиц является показателем осознанности соответствующих черт для респондентов, включенных в данную группу.

Результаты теоретико-эмпирического исследования самоотношения студентов с я-ориентированным перфекционизмом представлены в нашей статье «Особенности самоотношения студентов, склонных к перфекционизму» [6, с. 88–100], а результаты эмпирического исследования — в статье «Самоотношение студентов-казахов, склонных к перфекционизму» [7, с. 299–301].

Авторы методики, выявляющей разные аспекты перфекционизма, П. Хьютт и Г. Флетт под перфекционизмом понимают стремление быть совершенным, безупречным во всем.

Результаты исследования перфекционизма у студентов позволили нам сформировать две группы респондентов. В первую группу включены респонденты со средним уровнем перфекционизма, ориентированного на себя (ПОС). В нее вошли 17 человек, общее количество баллов у них составляло от 35 до 69. Вторая группа — с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на себя, 43 человек от 70 до 105 баллов.

Лицам с высоким уровнем перфекционизма (ПОС) свойственна ориентация на предъявление к себе чрезвычайно высоких требований, а у лиц со средним, соответственно, уровень требований к себе не является завышенным. В вышеназванных группах мы изучали особенности я-образа как субъекта учебно-профессиональной деятельности.

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования самосознания у студентов-психологов со средним уровнем перфекционизма. А результаты исследования, полученные на респондентах с высоким уровнем перфекционизма, мы намечаем опубликовать на следующий год в «Вестнике Бурятского госуниверситета».

В составе я-образа студентов данной группы находятся компоненты, раскрывающие свойства направленности, нравственно-психологические качества, волевые, интеллектуальные свойства, эмоциональность и ее проявления, общение и коммуникативные свойства, подготовленность личности, отношение субъекта к деятельности и к условиям деятельности, саморазвитие и самореализация личности.

Как видно из таблицы 1, для студентов со средним уровнем перфекционизма наиболее актуально отражение собственной деятельности. Общее число употреблений в самохарактеристиках, раскрывающих отношение субъекта к деятельности, равно 24 (29,2 % от 82 смысловых единиц).

Таблица 1

Разновидности характеристик «я» при описании себя как субъекта учебно-профессиональной деятельности у студентов-психологов со средним уровнем перфекционизма

№ п/п	Разновидности характеристик (указания на...)	Абс. число	Отн. число	Ранг
1	Направленность	7	8,5	5,5
2	Нравственно-психологические качества	7	8,5	5,5
3	Волевые свойства	10	12,1	3
4	Интеллект	2	2,4	9
5	Эмоциональность и ее проявления	4	4,9	7
6	Общение, коммуникативные свойства	17	20,7	2
7	Подготовленность, знания	8	9,7	4
8	Отношение к деятельности и к ее условиям	24	29,3	1
9	Самосовершенствование, самознание	3	3,7	8
	Количество смысловых единиц	82		
	Всего (в %)		100	

Деятельность личности побуждается различными мотивами. Студенты осознают свойства направленности. Общее число употреблений в самохарактеристиках составляет немногочисленную группу и равно 7 (8,5 % от 82). Репертуар смысловых единиц, раскрывающих свойства направленности, включает мотивы учебно-профессиональной деятельности субъекта: профессиональные интересы; личностные мотивы — потребность в самореализации; позиционные мотивы — желание выделиться; потребность в достижениях — желание получить «красный диплом». Среди осознаваемых мотивов большую актуальность для студентов имеет профессиональный мотив. Например, «Интерес к профессии».

Социум, профессиональная деятельность предъявляют высокие требования к нравственно-психологическому облику психолога. Эта профессия относится к профессиям «помогающего типа». Психологи стоят на страже психического здоровья населения.

В статье «Профессия психолога» нами был осуществлен обстоятельный анализ профессиональной деятельности психолога [5, с. 55–83], который позволил нам прийти к следующим выводам:

Профессия — понятие многозначное. Профессия представляет собой социально ценную область приложения физических и духовных сил человека, дающую ему возможность получать средства для его существования и развития. Успешное занятие субъекта той или иной профессией требует от него определенной подготовленности (знаний, умений, навыков), соответствующих способностей, профессионально важных качеств. Профессия психолога относится к типу профессий, по Е. А. Климову, «Человек — Человек» (Ч.-Ч.).

Психолог работает в различных структурах, учреждениях и осуществляет научно-исследовательскую, научно-практическую, педагогическую, методическую, организаторскую деятельность. Спектр направлений его работы разнообразен. Он познает психологию людей посредством методов психологического исследования, оказывает психологическую помощь конкретным людям или группам людей.

К психологу предъявляются квалификационные требования, представленные в тарифно-квалификационных характеристиках по должностям служащих. Выделяются профессионально важные качества, способности, необходимые для успешного осуществления его профессиональной деятельности.

От психологов, работающих по каждой из психологических специальностей (психолога-исследователя, практического психолога, психолога-преподавателя, психолога-организатора), требуется различный склад и тип личности.

Психолог выполняет ряд профессиональных функций. Профессор Бурятского госуниверситета А. Д. Карнышев выделил основные функции психолога: исследовательско-диагностическая, психотерапевтическая, психокоррекционная, психопрофилактическая, профориентационная, организаторская, обучающая. Наряду с вышеуказанными функциями психолог осуществляет психоконсультационную функцию и выступает в роли психолога-консультанта. Практический психолог выполняет полезные действия, направленные на человека: сохранение психического здоровья людей, создание условий, способствующих правильному развитию личности ребенка и взрослого. И в этом заключается социальный и гуманистический смысл работы психолога [5, с. 55–83].

Е. С. Романова проанализировала профессиограмму психолога [8], выделила способности, личностные качества, обеспечивающие успешность профессиональной деятельности психолога, а также качества, препятствующие эффективному выполнению его работы. К личностным качествам, интересам, склонностям психолога она относит следующие: высокая степень ответственности; терпимость, безоценочное отношение к людям; интерес и уважение к другому человеку; стремление к самопознанию, саморазвитию; оригинальность, находчивость, разносторонность; любознательность и обучаемость; тактичность; воспитанность; склонность к сопереживанию; инициативность; целеустремленность, настойчивость; интуиция, умение прогнозировать события; находчивость; умение хранить тайну; творческое начало; эрудированность. По ее мнению, осуществлению профессиональной деятельности мешают следующие качества: психическая и эмоциональная неуравновешенность; агрессивное отношение к людям; замкнутость; нерешительность; отсутствие склонности к работе с людьми; неумение понять другого человека; ригидность мышления (неспособность изменять способы решения задач в соответствии с изменяющимися условиями среды); низкий интеллектуальный уровень развития [8, с. 299–301].

Таблица 2

Распределение указаний о нравственно-психологических качествах в самоописаниях студентов-психологов со средним уровнем перфекционизма

№ п/п	Категории	Абс. число	Отн. число
1	Отношение к людям: Внимательное и чуткое отношение к людям	3	42,8
	Открытость	1	14,3
	Принципиальность	1	14,3
	Воспитанность	1	14,3
2	Отношение к делу: Ответственность	1	14,3
	Количество смысловых единиц	7	
	Всего (в %)		100

Черты, характеризующие отношение к людям, помогают личности поддерживать контакты с людьми и взаимодействовать с социальным окружением. Репертуар высказываний об отношении к людям у будущих психологов небольшой (табл. 2). Сюда включаются гуманистические свойства: внимательное, чуткое отношение к людям; отношение к социальному окружению как открытость к взаимодействию с людьми; синтетические моральные свойства: принципиальность, воспитанность.

Одним из базовых отношений личности является отношение к делу. Но, к сожалению, в группе обучающихся данного рода свойства редко фиксируются. Ответственное отношение к делу (учебе, работе) является крайне неактуальным.

Следовательно, в структуре профессионального самосознания нравственный компонент в этой группе студентов не занимает ведущего места. Данные черты важно развивать у будущих профессионалов, что, в свою очередь, может стать объектом рефлексии.

Велика роль воли в учебе, труде человека. С помощью мышления человек определяет, где, когда и какое он может приложить волевое усилие, чтобы реализовать свою цель. Воля — это сознательная организация и регулирование своего поведения и деятельности, выражающиеся в умении преодолевать внешние и внутренние преграды, стоящие на пути к реализации поставленной им цели. В ходе волевой деятельности личность осуществляет анализ сложившейся ситуации, принимает решение, ставит цели, намечает мысленный план исполнения, при этом выбирает пути будущего действия, средства, способствующие достижению цели, а затем исполняет намеченный ею план на практике и дает оценку полученного результата. Многократное выполнение субъектом учебно-профессиональной деятельности волевых действий способствует формированию волевых свойств — настойчивости, сдержанности, терпения и т. д. Волевые свойства, развивающиеся и формирующиеся в деятельности студента, становятся объектом самоотражения. К ним относятся: настойчивость и упорство, сдержанность и терпение, решительность. Наряду с позитивными волевыми свойствами нечасто объектом рефлексии становится негативное свойство — упрямство.

Таблица 3

Распределение значимости волевых свойств по рангам у студентов-психологов со средним уровнем перфекционизма

№ п/п	Волевые свойства	Абс. число	Отн. число	Ранги
1	Настойчивость, упорство	5	50	1
2	Сдержанность	2	20	2
3	Терпение	1	10	4
4	Решительность	1	10	4
5	Упрямство	1	10	4
	Количество смысловых единиц	10		
	Всего (в %)		100	

Как видно из таблицы 3, чаще всего студенты выделяют следующие волевые свойства: настойчивость и упорство в достижении поставленных целей, эти свойства характеризуются рангом 1, реже фиксируют волевые свойства, в которых выражается тормозная функция воли, в частности сдержанность, терпение. Остальные свойства мало актуальны для учащейся молодежи.

Важную роль в процессе профессиональной подготовки психолога играют познавательные процессы и интеллектуальные свойства. Профессия психолога относится к профессии умственного труда. В процессе решения учебно-познавательных задач в проблемной ситуации студент выполняет различные мыслительные операции: анализа, синтеза, сравнения, обобщения, абстрагирования, конкретизации. В учебно-профессиональной деятельности студента-психолога при решении учебно-профессиональных задач актуализируются психологическое мышление и интуиция, интеллектуальные свойства: глубина, самостоятельность, быстрота, гибкость мышления, рассудительность, сообразительность, наблюдательность и т. д. Но, к сожалению, обучающиеся редко отражают собственные интеллектуальные свойства. Объектом рефлексии студентов явились только два интеллектуальных свойства: рассудительность, сообразительность, отмечаемые с частотой 2. В их самохарактеристиках не были представлены указания на познавательные процессы, имеющие профессиональную специфику. Хотя в профессиограмме, описанной Е. С. Романовой, отмечается, что для психолога необходимы следующие способности: высокий уровень развития концентрации и устойчивости внимания; высокий уровень развития переключения и распределения внимания; хорошее развитие образной и

словесно-логической памяти; хорошее развитие логического мышления, мнестических способностей (долговременная и кратковременная память) [4, с. 113].

Учебно-профессиональная деятельность становится источником разнообразных эмоций и эмоциональных состояний: сомнения, тревоги, волнения, радости, огорчения, стресса, фрустрации, нервно-психической напряженности, удовлетворенности и т. д. В молодом возрасте в основном царит положительный фон настроения, так как молодежь — это люди, направленные в будущее, а студенчество — самая беззаботная пора жизни. Репертуар высказываний об эмоциональных проявлениях и состояниях является очень скудным и включает эмоциональное состояние: жизнерадостность (частота 2), интеллектуальное чувство — чувство юмора (частота 1), а также этическое чувство — гордость за себя (1). Все это свидетельствует о том, что у молодых людей объектом рефлексии становятся в основном эмоциональные переживания с положительным знаком.

Общение представляет собой процесс установления и развития контактов между людьми, обусловленный потребностями деятельности. Согласно Г. М. Андреевой, оно состоит из трех сторон: коммуникативной, интерактивной и социально-перцептивной. В процессе общения люди используют не только вербальные средства коммуникации, но и невербальные. Педагогическое общение является неотъемлемой стороной учебно-воспитательного процесса. Общение разворачивается в системе «преподаватель — студент», «студент — студент», а во время производственной практики «будущий психолог — клиент».

В процессе учебно-профессиональной деятельности у студента-психолога развиваются коммуникативные способности и умения. Е. С. Романова отмечает, что для психолога необходимы коммуникативные способности; умение слушать, вербальные способности (умение говорить четко, ясно, выразительно), ораторские способности (грамотное выражение своих мыслей), способность самопознания [4, с. 113; 8, с. 307–308].

Репертуар высказываний об общении небольшой и включает деятельность общения в целом, социально-психологическую атмосферу в группе, интерактивную сторону общения — психологический контакт, в частности осознание взаимоотношений с друзьями (табл. 4).

Таблица 4

Распределение значимости характеристик общения и коммуникативных способностей у студентов со средним уровнем перфекционизма

№ п/п	Разновидности характеристик	Абс. число	Отн. число	Ранг
1	Общение, социально-психологическая атмосфера	3	17,7	4
2	Коммуникативные способности:	14		
	Общительность	5	29,4	1
	Эмпатия	1	5,9	5
	Понимание других людей	4	23,5	2,5
	Осознание самого себя	4	23,5	2,5
	Количество смысловых единиц	17		
	Всего (в %)		100	

Коммуникативные способности психолога — это те качества и умения, которые позволяют налаживать целесообразные отношения с клиентами, с учащимися, с группами людей. Сюда включаются умения чувствовать и понимать различного рода состояния людей (интеллектуальные, эмоциональные, нравственные, состояния волевой деятельности), качества и проникать во внутренний мир другого человека, умение говорить и слушать, выражать себя, воспринимать и понимать личность другого человека и собственную личность. Наиболее широко в самоотчетах представлены коммуникативные способности субъекта, они характеризуются рангом 2 (табл. 1). Среди них наиболее актуально отражение коммуникативного качества «общительность». Далее значимы коммуникативные умения — понимание других людей, а также самого себя, они характеризуются рангом 2,5. Менее актуально также такое коммуникативное качество, как эмпатия.

Обучение в вузе предъявляет определенные требования к уровню подготовленности студента. Выпускник должен обладать не только профессиональными компетенциями, но и общекультурными и общепрофессиональными компетенциями.

Е. В. Стрюкова в профессиограмме психолога отмечает содержание деятельности профессионала, основные операции и действия. Профессионал осуществляет разные виды деятельности: научно-исследовательскую, научно-практическую, педагогическую, методическую, информационно-практическую. Психолог занимается изучением не только отдельных личностей, но и групп людей, способствует оптимизации социально-психологического климата в группах, осуществляет разработку мероприятий, направленных на оказание психологической помощи человеку. Важной стороной деятельности психолога является психопрофилактическая работа с целью предупреждения возможных нарушений в развитии психики людей. Он способствует созданию условий для полноценного психического развития человека и становления его личности. Профессионал должен обладать следующими специальными знаниями: знание общей, возрастной, педагогической, социальной психологии, психологии личности, управления, труда и инженерной психологии, нейропсихологии, патопсихологии, психотерапии, психогигиены, профориентации; психологических методов исследования, коррекции развития личности. Он должен обладать следующими умениями и навыками: владеть методами психодиагностики, психокоррекции, психопрофилактики, психологического развития, психотерапии, психологического консультирования, уметь создавать психологический инструментарий, в частности составлять опросники и анкеты, а также проводить психологические исследования, составлять заключения, разрабатывать рекомендации и проводить занятия по определенным коррекционным программам и т. д. [5, с. 55–83].

Репертуар характеристик подготовленности субъекта у респондентов недостаточно разнообразный (табл. 5).

Таблица 5

Распределение значимости характеристик опыта, подготовленности по рангам у студентов-психологов со средним уровнем перфекционизма

№ п/п	Характеристики опыта, подготовленности субъекта	Абс. число	Отн. число	Ранги
1	Знания	4	50	1
2	Образованность	3	37,5	2
3	Умения	1	12,5	3
	Количество смысловых единиц	8		
	Всего (в %)		100	

Как видно из таблицы 5, для достижения целей учебно-профессиональной деятельности студентов наибольшую значимость имеют знания. Для респондентов характерно обобщенное отражение собственных знаний, они не указывают наименования областей науки, с которыми они соотносят свои знания. Из категорий подготовленности рангом 2 характеризуется образованность. Менее актуально отражение профессиональных умений.

Таблица 6

Разновидности характеристик учебно-профессиональной деятельности у студентов-психологов со средним уровнем перфекционизма

№ п/п	Разновидности характеристик	Абс. число	Отн. число	Ранги
1	Практика	1	4,3	7
2	Учеба	5	21,7	2
3	Отношение к социальным условиям деятельности:			
	Отношение к преподавателю	5	21,7	2
	Оценка качеств преподавателя	3	13	4
	Отношение к вузу	1	4,3	7
4	Отношение к предметным условиям деятельности:	2	8,7	5
	Специальная литература			
5	Результат учебно-профессиональной деятельности	5	21,7	2
6	Оценка результата деятельности — «успешность»	1	4,3	7
	Количество смысловых единиц:	23		
	Всего (в %)		100	

Рассмотрим отношение обучающихся к деятельности. Человек является деятельным, действующим существом. В структуре любой деятельности выделяются ее составляющие: мотивы, цели, являющиеся предвосхищаемым результатом деятельности, средства, результаты, оценка деятельности. В деятельности это внешние и внутренние условия деятельности. В свою очередь, внешние условия деятельности подразделяются на предметные и социальные. Обучающиеся фиксируют разнообразные характеристики осуществляемой ими деятельности.

Среди характеристик деятельности респонденты чаще всего выделяли учебную деятельность, они отмечали сам учебный процесс, изучение ими психологических дисциплин и основных направлений психологии. Например, «Изучаю историю психологии»; «Изучаю основные направления психологии». Объектом рефлексии становится и прохождение ими практики, во время которой они осваивают профессию.

Для студентов актуально отношение к социальным условиям осуществления деятельности. Они выражают свое отношение к учебному заведению, например, «Нравится вуз Евразийский национальный университет», а также к преподавателям. Например, «Нравятся преподаватели»; «Высококвалифицированные преподаватели»; «Высокообразованный преподаватель». Объектом отражения становятся качества и профессиональные умения преподавателя: требовательность, критичность, объективность при оценивании студентов, например, «Для меня важна обоснованная критика со стороны преподавателя»; «Объективность преподавателя при оценивании студентов».

Реже студенты выражают отношение к предметным условиям осуществления своей деятельности, в частности к материально-технической базе. Например, «Интересная специальная литература».

Объектом самоотражения становится процесс и результат учебно-профессиональной деятельности при обучении в вузе. Например, «Я получаю качественное, хорошее образование»; «Результат моей учебы — получение образования». Редко дается оценка деятельности со стороны ее успешности/неуспешности, например, «Хочу быть успешным человеком в деятельности».

В самохарактеристиках респондентов были представлены единичные указания на саморазвитие и самореализацию личности. Например, «Занимаюсь саморазвитием личности»; «Стараюсь получить качественное образование, чтобы в дальнейшем самореализовать себя».

Итак, можно подвести итоги.

Нами осуществлен качественно-количественный анализ самохарактеристик студентов бакалавров Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, осваивающих профессию психолога.

Содержательная характеристика я-образа студентов-психологов со средним уровнем перфекционизма, ориентированного на себя, является разносторонней, но недостаточно дифференцированной. В состав структуры я-образа студента как субъекта учебно-профессиональной деятельности входят следующие компоненты, выделенные нами при осуществлении качественно-количественного анализа: направленность, нравственно-психологические, волевые, интеллектуальные свойства, особенности эмоциональной сферы, подготовленность и опыт, общение и коммуникативные способности, отношение к учебно-профессиональной деятельности, саморазвитие и самореализация личности.

У респондентов данной группы в самохарактеристике были представлены в среднем 4,8 смысловых единиц.

Для обучающихся наиболее актуально отражение своего отношения к деятельности, в частности к социальным условиям осуществления учебно-профессиональной деятельности; общения, коммуникативных способностей, проявляющихся в общении; волевых свойств.

Объектом самоотражения крайне редко становятся интеллектуальные свойства, а также особенности аффективной сферы субъекта.

Освоение профессии психолога является важным фактором становления профессионального самосознания студентов-казахов. Студенты отражают те нравственно-психологические качества, коммуникативные способности и умения, которые необходимы им в будущей их профессии.

Для обучающихся характерно обобщенное представление о себе как субъекте учебно-профессиональной деятельности, что связано, в свою очередь, со свойственным для лиц юношеского возраста абстрактно-логическим уровнем отражения действительности и себя как психической реальности.

Литература

1. Грачева И. И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьютта, Г. Флетта // Психологический журнал. — 2006. — № 6. — С. 73–89.
2. Миронова Т. Л. Самосознание профессионала. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999.
3. Миронова Т. Л. Структура и развитие профессионального самосознания: дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1999.
4. Миронова Т. Л. Психология как профессия // Психология личности, субъекта деятельности: материалы межвуз. науч.-практ. конф. (20 сентября 2004 г.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. — С. 102–136.
5. Миронова Т. Л. Профессия психолога // Вестник Бурятского университета. Сер. 10: Психология. — 2006. — Вып. 3. — С. 55–83.
6. Миронова Т. Л., Дондупова Э. В. Особенности самоотношения студентов, склонных к перфекционизму // Вестник Бурятского государственного университета. — Вып. 5. Психология. Социальная работа. — 2010. — С. 88–100.
7. Миронова Т. Л. Самоотношение студентов-казахов, склонных к перфекционизму // АТР в XXI веке: культурно-цивилизационный и социопсихологический контекст: научные труды IX Азиатско-Тихоокеанского международного конгресса психологов (Пекин (Китай) — Хабаровск (Россия) — Харбин (Китай), 13–17 декабря 2010 г.). — Хабаровск, 2010. — С. 299–301.
8. Романова Е. С. 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. — СПб.: Питер, 2004.

References

1. Gracheva I. I. Adaptatsiya metodiki «Mnogomernaya shkala perfektsionizma» P. Kh'yutta, G. Fletta [Adapting of P. Hyutt's and G. Flett's technique "Multidimensional Perfectionism Scale"]. *Psikhologicheskii zhurnal — Psychological Journal*. 2006. No. 6. Pp. 73–89.
2. Mironova T. L. *Samosoznanie professionala* [Consciousness of a professional]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 1999.
3. Mironova T. L. *Struktura i razvitie professional'nogo samosoznaniya. Dis. ...d-ra psikhol. nauk* [Structure and development of professional identity. Dr. psychol. sci. diss.]. Moscow, 1999.
4. Mironova T. L. *Psikhologiya kak professiya* [Psychology as a profession]. *Psikhologiya lichnosti, sub"ekta deyatel'nosti — Psychology of personality, activity subject*. Proc. Intercoll. sci. and pract. conf. (September 20, 2004). 2005. Pp. 102–136.
5. Mironova T. L. *Professiya psikhologa* [Profession of psychologist]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 10. Psikhologiya — Bulletin of Buryat State University. Ser. 10. Psychology*. 2006. V. 3. Pp. 55–83.
6. Mironova T. L., Dondupova E. V. *Osobennosti samootnosheniya studentov, sklonnykh k perfektsionizmu* [Self-attitude features of students inclined to perfectionism]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 5. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota — Bulletin of Buryat State University. V. 5. Psychology. Social work*. 2010. Pp. 88–100.
7. Mironova T. L. *Samootnoshenie studentov-kazakhov, sklonnykh k perfektsionizmu* [Self-attitude of Kazakh students inclined to perfectionism]. *ATR v XXI veke: kul'turno-tsvilizatsionnyi i sotsiopsikhologicheskii kontekst — APR in the 21st century: cultural-civilizational and socio-psychological context*. Sci. works of 9th Asia-Pacific Int. Congress of Psychologists. Beijing (China) — Khabarovsk (Russia) — Harbin (China), (December 13–17, 2010). Khabarovsk, 2010. Pp. 299–301.
8. Romanova E. S. *99 populyarnykh professii. Psikhologicheskii analiz i professiogrammy* [99 popular professions. Psychological analysis and profессиogram]. St Petersburg: Piter, 2004.

УДК 159.923

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ САМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Дарижапова Марина Николаевна

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: mdarig@yandex.ru

Исследование автора раскрывает самоотношение как компонент системы отношений человека и самосознания. Показано, что как компонент системы отношений самоотношение, с одной стороны, обеспечивает процессы самоопределения и самореализации человека, а с другой — выступает как их результат. Как компонент самосознания самоотношение обеспечивает оценку своих характеристик как способствующих, так и препятствующих самоопределению и самореализации и одновременно эмоционально-ценностное принятие себя. Исследование показало сущностную характеристику самоотношения как акмеологического феномена в системе государственной службы. Показано, что содержанием самоотношения как процесса является переживание своей самости, скрытых и открываемых в себе личностных сил; содержанием самоотношения как состояния — ощущение себя в качестве носителя некоторого опыта личностной (субъектной) саморегуляции своей жизнедеятельности, своего места среди людей; содержанием самоотношения как свойства — ощущение самоуважения к себе и своей самоценности.

Обобщены функции самоотношения: оценочная, ценностная и регуляторная. Показано, что реализация данных функций обеспечивается сформированностью самоотношения как системно-структурного образования. Содержание эмоционально-оценочного компонента самоотношения составляют самоуверенность, отраженное самоотношение и самообвинение, которые обеспечивают субъекту самоотношения оценку собственной эффективности в достижении поставленных целей за счет сравнения своих достижений с социальными стандартами, успехами и оценками других людей. Содержание эмоционально-ценностного компонента образуют самоценность, самоприятие и самопривязанность, которые обеспечивают субъекту самоотношения обобщенную оценку своего Я. Содержание эмоционально-регуляторного компонента формируют открытость, саморуководство и внутренняя конфликтность.

Ключевые слова: акмеологические особенности, самоактуализация, самореализация, самоценность, государственные служащие.

TO THE PROBLEM OF STUDYING CIVIL SERVANTS' SELF-ATTITUDE

Marina N. Darizhapova

PhD, A/Professor, Buryat State University
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The author revealed self-attitude as a component of human relationship system and as a component of self-consciousness. It was proved that self-attitude as a component of self-relation, on the one hand, provided processes of self-determination and self-realization, on the other hand, acted as their result. Self-attitude as a component of self-consciousness provided an assessment of its characteristics contributing and hindering self-determination and self-realization and at the same time emotional-value self-acceptance. The research showed the essential characteristics of self-attitude as phenomenon of personal achievement in the system of public service. The content of the self-attitude as a process was the experience of one's self, hidden and discovering personal forces; the content of self-attitude as a state was feeling as a carrier of some actual experience of personal (subjective) self-regulation of life and place among other people; the content of self-attitude as a property was feeling of self-esteem and self-worth.

The functions of self-attitude as evaluation, value and regulatory were summarized. These functions implementation provided by self-attitude as a systemic-structural formation. Self-confidence, reflected self-attitude and self-incrimination made the content of self-attitude emotional and evaluative component. They provided to a subject of self-attitude assessment of effectiveness in achieving goals by comparing of personal achievements with social standards, successes and estimates of other people. Self-worth, self-acceptance, self-attachment, that provided to a subject of self-attitude generalized self-assessment, formed

the content of emotional-valuable component. Openness, self-leadership and internal conflicts composed emotionally-regulatory component.

Keywords: personal achievement features, self-actualization, self-realization, self-worth, civil servants.

Одной из важнейших внутренних детерминант саморазвития и самоосуществления человека является его отношение к себе (самоотношение). Самоотношение человека проявляется в оценке реальной действительности и других людей, в формировании собственных представлений о мире и себе самом, в прогнозировании своей социальной эффективности, в определении и ожидании отношения к себе окружающих и оказывает влияние на его поведение, деятельность, процессы самоактуализации, самосовершенствования, самореализации.

Особую актуальность приобретает проблема самоотношения, когда речь идет о государственных служащих, эффективностью деятельности которых во многом определяются темпы развития общества и успех многих преобразований в стране. В то же время специфика государственной службы оказывает негативное влияние на личность государственного служащего в первую очередь на его самоотношение, что приводит к переживанию своей ненужности, утрате своей ценности, трудностям в профессиональной самореализации.

Для подтверждения теоретических фактов, полученных в процессе анализа литературных источников, нами было проведено эмпирическое исследование.

Целью нашего исследования было выявление акмеологических особенностей самоотношения государственных служащих.

В качестве диагностических инструментов были использованы следующие методики [8]:

- методика исследования самоотношения (МИС) (В. В. Столин, С. Р. Пантिलеев);
- шкала мотивации одобрения (Д. Краун и Д. Марлоу);
- Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) (И. Г. Сенин).

С помощью МИС мы выявили внутреннюю структуру самоотношения государственных служащих, иерархию модальностей, их интегрированность, дифференцированность и реципрокность. Шкала мотивации одобрения позволила оценить их потребности в социальном одобрении. ОТеЦ дал возможность выявить уровень значимости для государственных служащих различных жизненных сфер и терминальных ценностей. Нами была обнаружена взаимосвязь самоотношения респондентов с потребностью в социальном одобрении.

Результаты проведенного эмпирического исследования самоотношения государственных служащих и его взаимосвязи с личностными характеристиками были показаны в нашей кандидатской диссертации «Акмеологические особенности самоотношения государственных служащих» [3].

В данной статье мы представили теоретико-методологические основания проведенного нами эмпирического исследования. В следующей статье Вестника БГУ мы намерены дать описание и психологическую интерпретацию результатов осуществленного нами эмпирического исследования, проведенного в 2005–2008 гг.

В качестве основного принципа организации компонентов самоотношения в единую систему, по мнению С. Р. Пантилеева, выступает принцип смысловой интеграции («динамической иерархии»). В соответствии с этим принципом компоненты самоотношения организованы в иерархическую систему, причем эта иерархия является динамической («релятивной»).

С позиций данного подхода компонент самоотношения, занимающий наиболее высокое место в иерархии, выступает в качестве ядерной структуры и в конечном итоге определяет содержание обобщенного и устойчивого отношения субъекта к самому себе, общий тон, или чувственную модальность, в которой смысл *Я* выражается субъекту. Другие компоненты системы входят в нее на правах иерархической соподчиненности, занимают менее значимое место, чем ядерная структура. Общий уровень итогового самоотношения определяется в первую очередь уровнем самоотношения по наиболее значимому содержанию, степени его положительности или отрицательности [15].

Компоненты самоотношения, выступая элементами единой системы, существуют во всем многообразии их взаимосвязей. Характер этих взаимосвязей и определяет наиболее полную картину самоотношения. Связь между составляющими отношения к себе возникает в зависимости от содержания и значимости социальных отношений человека, а также от уровня его акмеологической культуры.

А. М. Колышко показал, что связь компонентов самоотношения между собой в единой системе можно описать с помощью трех характеристик: интегрированность компонентов самоотношения в единую систему, их дифференцированность и реципрокность [7].

Интегрированность можно представить как континуум, один из полюсов которого означает высокую степень монолитности, слитности, сцепленности между собой компонентов самоотношения, а противоположный полюс — размытость, нечеткость этих связей, их низкую специализацию, отсутствие сбалансированного взаимодействия между элементами самоотношения. Показателем гармоничной интегрированности модальностей самоотношения в единую систему является их упорядоченность и сбалансированность [7].

Для нашего исследования важно замечание А. М. Кольшко о том, что интегрированность компонентов самоотношения в единую систему является индикатором его сформированности, зрелости, и одновременно монолитность самоотношения выступает исходным условием его повышенной хрупкости. Слитность компонентов самоотношения между собой приводит к тому, что даже при незначительном изменении одного из них деформируется система в целом. Слитность модальностей между собой чаще всего характерна для отношения личности к себе, которое выражает негативный или конфликтный смысл Я.

Дифференцированность компонентов самоотношения по С. Р. Пантилееву можно обозначить как характер связи между негативными и позитивными, оценочными и эмоциональными модальностями самоотношения. В основе высокой дифференцированности компонентов самоотношения лежит способность человека различать феноменологически разделенные, разные по своему содержанию и механизмам формирования оценочно-эмоциональные и позитивно-негативные переживания личностного смысла Я. Данная характеристика взаимосвязи компонентов самоотношения является индикатором структурного обеспечения функционирования механизмов защиты отношения к себе, которые определяют его устойчивость, независимость и автономность от внешних воздействий.

Первым показателем дифференцированности самоотношения является характер взаимосвязи его позитивных и негативных модальностей.

Компоненты самоотношения бимодальны по своему содержанию, то есть состоят из противоположных по эмоциональному тону модальностей.

При этом, с одной стороны, позитивные и негативные модальности самоотношения разделены в феноменологическом пространстве индивида в связи с необходимостью защиты Я от отрицательных эмоций и поддержания общего самоотношения на высоком позитивном уровне [10], с другой, как показали наши собственные эмпирические исследования, — позитивные и негативные модальности самоотношения могут интегрироваться в единый фактор.

В. В. Столин назвал механизм поддержания самоотношения на относительно постоянном позитивном уровне «защитным предохранительным клапаном» [13]. Его действие направлено в первую очередь на блокирование антипатии к себе, чтобы падение симпатии не приводило к нарастанию антипатии. Отсутствие самопохвалы, снисходительности благодаря этому механизму не обязательно означает присутствие самообвинения, самоприговора [14].

Вторым показателем дифференцированности самоотношения является характер взаимосвязи самоуважения (чисто когнитивной составляющей) и аутосимпатии (чисто аффективной составляющей) [7].

Феноменологическая разделенность в сознании личности самоуважения и аутосимпатии выступает структурной основой для функционирования особого механизма защиты самоотношения, когда из-за того, что личности есть за что не уважать себя, не следует, что она не должна себя любить [14]. Низкая дифференцированность оценочных и эмоциональных модальностей самоотношения резко сужает круг возможных источников повышения самоуважения, создает угрозу порождения нереалистичных защитных представлений человека о своем Я.

Наиболее общим показателем дифференцированности самоотношения является ее уровень. «Спаянность» в сознании личности между собой позитивных и негативных, оценочных и эмоциональных модальностей самоотношения указывает на низкий уровень дифференцированности отношения к себе. Слитность между собой лишь позитивных и негативных или оценочных и эмоциональных модальностей указывает на средний уровень дифференцированности самоотношения. Наконец, разделенность в субъективном пространстве сознания личности как позитивных — негативных, так и оценочных — эмоциональных переживаний личностного смысла Я свидетельствует о высоком уровне дифференцированности отношения к себе [6].

Низкий уровень дифференцированности самоотношения, обнаруживающий отсутствие структурного обеспечения функционирования защитных механизмов, связан, как правило, с актуализацией защитных процессов на уровне поведения [15]. Защитное поведение чаще всего характеризуется асоциальной направленностью, снижает эффективность социальной активности личности. Исключение

составляет лишь случай, когда в структуре самоотношения аутосимпатия непосредственно связана с самообвинением, причем последнее выступает в качестве ее отрицательного полюса. В этом случае снижение симпатии к себе, нарастание негативных эмоциональных состояний, свойственных самообвинению, способствует переструктурированию системы самоотношения, которое происходит либо на основе невротической дезадаптации, либо на основе «глубинного» самопринятия [15].

Третьей характеристикой взаимосвязи компонентов самоотношения является их реципрокность [15], противопоставленность друг другу. Индикатором реципрокности компонентов самоотношения является наличие между ними отрицательной корреляции. По мнению А. М. Колышко, реципрокность самоотношения отражает его конфликтность [7].

С нашей точки зрения, противопоставленность модальностей самоотношения друг другу отражает не просто его конфликтность, а поляризацию ценностно-смысловых образований в ходе развития внутриличностного конфликта [2]. Когда человек осознает существование в его ценностно-смысловой сфере взаимоисключающих ценностно-смысловых образований, чувство интеллектуальной и эмоциональной напряженности, проявляющееся прежде всего в сфере самоотношения, побуждает человека искать пути преодоления противоречия. Если такой путь найден и один из полюсов начинает доминировать, уровень реципрокности, противопоставленности модальностей самоотношения друг другу, снижается.

При исследовании акмеологических особенностей самоотношения мы исходили из предположения, что внутренняя структура самоотношения государственных служащих, уровень выраженности его отдельных модальностей, их интегрированность, дифференцированность и реципрокность обусловлены индивидуально-типологическими, социально-психологическими и профессионально-карьерными характеристиками, а также тесно взаимосвязаны со значимостью для них той или иной жизненной сферы и их направленностью на те или иные терминальные ценности.

В результате теоретического анализа нами были выявлены функции, которые выполняет самоотношение. В рамках оценочной функции самоотношение обеспечивает оценку личностью своего Я, собственных черт по отношению к мотивам, которые выражают ее потребность в самореализации. В рамках ценностной функции самоотношение обеспечивает принятие себя как уникальной индивидуальности, формирование представления о себе самом как ценности, выявление ценностного смысла собственных отношений к себе. Регуляторная функция самоотношения обуславливает адекватность и дифференцированность социальной активности человека.

Разрабатывая стратегию исследования, мы исходили из того, что на нынешнем этапе развития акмеологии ее объектом является прогрессивно развивающаяся зрелая личность, самореализующаяся главным образом в профессиональных достижениях [5]. В то же время акмеологические исследования показали, что выбор в качестве ведущей ценности саморазвития позволяет гораздо более согласованно реализовывать конкурирующие ценности, более продуктивно осуществлять акмеориентированные самоизменения, а в результате более эффективно продвигаться к самоосуществлению [4].

Разработка проблемы самоотношения в научной литературе освящена еще в недостаточной мере. Ее неразработанность чувствуется в конкретных сферах профессиональной деятельности, особенно в сфере управленческой деятельности, к которой относится деятельность государственных служащих.

Самоотношение изучалось у представителей разных профессиональных общностей, находящихся на разных этапах профессионального развития: адепта, адаптации, интернала, мастерства и наставничества (Л. Г. Комисарова, Т. Л. Миронова, 2011; Я. О. Жебрун, 2011; Т. Л. Миронова, 2005, 2006, 2011; В. И. Стенькова, 2007 и др.).

Исследование аффективного компонента самосознания посредством методики МИС проведено Т. Л. Мироновой в 2004 г. на выборке студентов-психологов Бурятского государственного университета, обучающихся на разных курсах — 1, 2, 3. Результаты ее эмпирического исследования изложены в статье «Самосознание, профессиональное самосознание и его эмоционально-оценочный аспект» [9, с. 39–71].

Рассмотрена динамика самоотношения у врачей-хирургов, определены детерминанты развития самоотношения в исследовании Т. Л. Мироновой и Э. В. Дондуповой [10]. Авторами были установлены особенности самоотношения врачей хирургического профиля безотносительно учета длительности работы в данной профессии. В зависимости от фактора длительности работы, а также уровня профессионализма у хирургов было выявлено своеобразие в отношении к себе [10, с. 256–262].

Т. Л. Мироновой и Э. В. Дондуновой изложены теоретико-методологические основания изучения самоотношения личности и проведено эмпирическое исследование самоотношения студентов-психологов казахской национальности со средним и высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на себя [11, с. 88–100].

Таким образом, высокая значимость сферы профессиональной жизни и деятельности и преимущественная направленность личности на ценность саморазвития и самореализации могут выступать как акмеологические параметры, определяющие своеобразие самоотношения и ценностно-смысловых отношений в целом.

Литература

1. Визгина А. В., Пантеев С. Р. Проявление личных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопросы психологии. — 2001. — № 3. — С. 91–100.
2. Грешнев Д. В. Психологические особенности внутриличностного конфликта: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Тамбов, 2002. — 22 с.
3. Дарижапова М. Н. Акмеологические особенности самоотношения государственных служащих: дис. ... канд. психол. наук. — М., 2008. — 165 с.
4. Деркач А. А., Селезнева Е. В. Акмеологическая культура личности: содержание, закономерности, механизмы развития. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во Модэк, 2006. — 496 с.
5. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во Модэк, 2004. — 752 с.
6. Кольшко А. М. Особенности межличностного взаимодействия педагогов с различными типами самоотношения // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. — 2001. — № 1(6). — С. 172–178.
7. Кольшко А. М. Психология самоотношения. — Гродно: Изд-во ГрГУ, 2004. — 102 с.
8. Методы диагностики мотивационно-ценностной сферы и самосознания личности: методические материалы к курсу «Психодиагностика» / сост. А. С. Мельничук. — М., 2005.
9. Миронова Т. Л. Самосознание, профессиональное самосознание и его эмоционально-оценочный аспект // Актуальные проблемы современной психологии. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. — С. 39–71.
10. Миронова Т. Л., Дондунова Э. В. Самоотношение врача-хирурга // Вестник Бурятского государственного университета. — 2006. — Вып. 3. — С. 256–262.
11. Миронова Т. Д., Дондунова Э. В. Особенности самоотношения студентов, склонных к перфекционизму // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — Вып. 5. — С. 88–100.
12. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. — М.: МГУ, 1989. — 215 с.
13. Столин В. В. Познание себя и отношение к себе в структуре самосознания личности: дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1985.
14. Столин В. В. Самосознание личности. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — 284 с.
15. Пантеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 108 с.

References

1. Vizgina A. V., Pantileev S. R. Proyavlenie lichnykh osobennostei v samoopisaniyakh muzhchin i zhenshchin [Manifestation of personal characteristics in men and women self-description]. *Voprosy psikhologii — Problems of psychology*. 2001. № 3. Pp. 91–100.
2. Greshnev D. V. *Psikhologicheskie osobennosti vnutrilichnostnogo konflikta. Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological characteristics of intrapersonal conflict. Author's abstract of Cand. psychol. sci. diss.]. Tambov, 2002. 22 p.
3. Darizhapova M. N. *Akmeologicheskie osobennosti samootnosheniya gosudarstvennykh sluzhashchikh. Dis. ... kand. psikhol. nauk* [Personal achievement features of government employees' self-attitude. Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2008.
4. Derkach A. A., Selezneva E. V. *Akmeologicheskaya kul'tura lichnosti: sodержanie, zakonomernosti, mekhanizmy razvitiya* [Personal achievement culture of personality: content, patterns, mechanisms of development]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute publ.; Voronezh: Modek, 2006. 496 p.
5. Derkach A. A. *Akmeologicheskie osnovy razvitiya professionala* [Personal achievement basis for professional development]. Moscow Psychological and Social Institute publ.; Voronezh: Modek, 2004. 752 p.
6. Kolyshko A. M. *Osobennosti mezhlchnostnogo vzaimodeistviya pedagogov s razlichnymi tipami samootnosheniya* [Features of interpersonal interaction of teachers with different self-attitude types]. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Yanki Kupaly. Ser. 1 — Bulletin of Hrodna State University. Ser. 1*. 2001. No. 1(6). Pp. 172–178.
7. Kolyshko A. M. *Psikhologiya samootnosheniya* [Psychology of self-attitude]. Hrodna: Hrodna State University publ., 2004. 102 p.

8. *Metody diagnostiki motivatsionno-tsennostnoi sfery i samosoznaniya lichnosti* [Methods of motivational value sphere and self-consciousness diagnosis]. Moscow, 2005.
9. Mironova T. L. Samosoznanie, professional'noe samosoznanie i ego emotsional'no-otsenochnyi aspekt [Self-consciousness, professional identity and its emotional and evaluative aspects]. *Aktual'nye problemy sovremennoi psikhologii — Actual problems of modern psychology*. 2005. Pp. 39–71.
10. Mironova T. L., Dondupova E. V. Samoотношение vracha-khirusga [Self-attitude of a surgeon]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 10. Psikhologiya — Bulletin of Buryat State University. Ser. 10. Psychology*. 2006. Vyp. 3. Pp. 256–262.
11. Mironova T. D., Dondupova E. V. Osobennosti samoотношения studentov, sklonnykh k perfektsionizmu [Self-attitude features of students inclined to perfectionism]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota — Bulletin of Buryat State University. Psychology. Social work*. 2010. No. 5. V. 5. Pp. 88–100.
12. Sokolova E. T. *Samosoznanie i samoотsenka pri anomal'yakh lichnosti* [Self-consciousness and self-esteem at anomalies of personality]. Moscow: Moscow State University, 1989. 215 p.
13. Stolin V. V. *Poznanie sebya i otnoshenie k sebe v strukture samosoznaniya lichnosti. Dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Self-knowledge and self-attitude in the structure of person's self-consciousness. Dr. psychol. sci. diss.]. Moscow, 1985.
14. Stolin V. V. *Samosoznanie lichnosti* [Self-consciousness of a person]. Moscow: Moscow State University publ., 1983. 284 p.
15. Pantileev S. R. *Samoотношение kak emotsional'no-otsenochnaya sistema* [Self-attitude as emotional and evaluative system]. Moscow: Moscow State University publ., 1991. 108 p.

III. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ, ВОСПИТАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9 : 394

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ И ИХ НИВЕЛИРОВАНИЕ СРЕДСТВАМИ ТРЕНИНГОВЫХ ЗАНЯТИЙ

Тудупова Туяна Цибановна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: tuyanatu@mail.ru

Межэтническое восприятие людьми друг друга является одним из ключевых условий понимания и эффективного взаимодействия представителей различных этнических групп. Важной составляющей межэтнического восприятия являются этнические стереотипы. В статье представлен анализ результатов эмпирического исследования авто- и гетеростереотипов русских и бурятских подростков — учащихся этнически однородных и этнически смешанных классов общеобразовательных школ и национального лицея г. Улан-Удэ Республики Бурятия. Исследование показало, что содержание и направленность авто- и гетеростереотипов, национальное самоопределение подростков обусловлены этнической спецификой социализации. Факт пребывания в определенной этносоциальной группе оказывает влияние на содержание этнических стереотипов: эмоционально-оценочный компонент этнического стереотипа подростков детерминирован непосредственным обыденным опытом их общения с представителями других этносов. В статье раскрыты особенности работы с подростками в форме этнопсихологического тренинга, направленных на нивелирование негативных этнических стереотипов. Эффективность проведенных тренинговых занятий подтверждена статистически.

Ключевые слова: этнические стереотипы, автостереотипы, гетеростереотипы, межэтническое восприятие, подростковый возраст, этнопсихологический тренинг, русские, буряты.

ETHNIC STEREOTYPES OF MODERN TEENAGERS AND THEIR LEVELING THROUGH TRAINING SESSIONS

Tuyana Ts. Tudupova

PhD, A/Professor, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

People's interethnic perceptions of each other are one of the key conditions for understanding and effective interaction of different ethnic groups. The important component of interethnic perceptions is ethnic stereotypes. The paper presents an analysis of the results of empirical research of auto- and heterostereotypes of Russian and Buryat teenagers – pupils of ethnically homogeneous and ethnically mixed classes of the Buryat Republic comprehensive schools and Ulan-Ude National Lyceum. The study showed that the content and direction of auto- and heterostereotypes, national self-determination of teenagers had been caused by the specifics of ethnic socialization. The fact of staying in a particular ethno-social group influenced the content of ethnic stereotypes: emotional-evaluative component of teenagers' ethnic stereotype determined by direct experience of their everyday communication with representatives of other ethnic groups. The article revealed the peculiarities of work with young people in a form of ethno-psychological training aimed at negative ethnic stereotypes leveling. The efficiency of organized training sessions was confirmed statistically.

Keywords: ethnic stereotypes autostereotypes, heterostereotypes, interethnic perceptions, adolescence, ethno-psychological training, Russians, Buryats.

В зарубежной и отечественной литературе достаточно распространенным является понятие этнического стереотипа как вида социального стереотипа. Этнический стереотип составляет ту часть системы психологических знаний о мире, которая отражает различия между народами. Основным содержанием этнического стереотипа являются семантические элементы естественного языка — вербальные значения. В основном это общечеловеческие качества, с помощью которых можно описать

любого человека. Этнические стереотипы являются одним из наиболее популярных и распространенных объектов исследования из всех видов социальных стереотипов.

В зарубежной психологии существуют многочисленные подходы, направленные на изучение этнических стереотипов. Первое направление составляют исследования в русле классических теорий о предрассудках. В рамках данного направления этнические стереотипы отождествляются с этническими предрассудками либо рассматриваются в качестве когнитивного аспекта предрассудков. Второе направление исследований составляют когнитивистские теории о влиянии этнических стереотипов на восприятие и оценку при взаимодействии представителей различных этнических групп. Стереотипы рассматриваются в данных теориях как индивидуально-психологические явления в качестве одного из специфических проявлений когнитивной структуры личности. Третье направление исследований, выполненных в рамках теории каузальной атрибуции, рассматривает возникновение этнического стереотипа как следствие связей между воспринимаемым субъектом и его характеристиками. Указанные подходы, которые разрабатываются в рамках совершенно различных направлений, тем не менее объединяет общая черта — то, что они исходят из общего методологического принципа этноцентризма.

В отечественной науке слабая разработанность данной проблемы связана с недостаточной методической вооруженностью исследователей. Наиболее разработанными являются психосемантические методы. Использование психосемантических методов дает большие возможности для проведения кросс-культурных исследований, направленных, в частности, на выявление особенностей содержания этнических стереотипов, обусловленных их этнокультурным компонентом. Вместе с тем надо отметить, что сама процедура проведения и обработки результатов данных методов является достаточно громоздкой, чтобы использовать их на больших выборках. Среди отечественных исследований в области этнических стереотипов наиболее известным является целостный подход, автором которого является Г. У. Кцоева [1]. Суть этого подхода состоит в сочетании социально-психологического анализа с рассмотрением функционирования этнических стереотипов на личностном уровне. Разработанная Г. У. Кцоевой методика «Диагностический тест отношений» (ДТО) является одним из наиболее популярных методов в отечественной этнопсихологии и используется для выявления содержания этнических стереотипов. Среди наиболее существенных свойств этнических свойств выделяют их эмоционально-оценочный характер, который рассматривается доминирующим в структуре этнического стереотипа из-за его включенности в систему субъектных отношений личности [2]. В когнитивном содержании этнических стереотипов основное ядро составляют этнокультурные особенности, связанные с осознанием представлений о внешнем облике, историческом прошлом, традициях и обычаях своей или иной этнической группы. Другим важным свойством этнических стереотипов считается их устойчивость. В значительной степени она определяется его собственными механизмами, обеспечивающими, с одной стороны, сохранение стереотипа и ограждение его от противоречивой информации, с другой — накопление потенциала возможных изменений.

Структура этнических стереотипов диалогична и состоит из двух компонентов: автостереотипа и гетеростереотипа. Автостереотип представляет собой совокупность мнений, суждений, оценок о действительных или воображаемых специфических чертах собственной этнической группы, а гетеростереотип — совокупность суждений и оценок о других народах. Надо сказать, что авто- и гетеростереотипы в зависимости от исторического опыта общения могут быть как позитивными, так и негативными. Различия между автостереотипом и гетеростереотипом отражают уровень взаимопонимания между народами и степень их психологической тождественности. Функционирование этнических стереотипов на уровне отдельной личности связывают с существованием универсальной потребности в позитивной этнической идентификации. При высокой идентификации личности с собственной или, в случае полной ассимиляции, с какой-либо другой этнической группой аффилиативная потребность удовлетворяется членством в позитивно оцениваемой группе. При непосредственном межличностном контакте с представителями иноэтнической группы происходит расширение границ своей группы путем либо включения представителей других групп в качестве «своих», либо объединения в другую социальную группу не по этническому признаку.

В поисках ответа на вопрос, что же делает этнические ценности столь значимыми в современном мире, следует обратиться к анализу психологических аспектов включенности человека в этническую группу. Известно, что в условиях все большей индивидуализации современного общества человек нуждается в групповой защите и поддержке, а многие формы объединений политического и экономического характера не обеспечивают человеку эмоциональных отношений типа родственных, которые дает ему членство в этнической группе. Особый интерес представляет, на наш взгляд, вопрос о функционировании этнической идентичности в этнически смешанной среде. При этом особой обла-

стью изучения является рассмотрение оснований этнической идентичности. Человек относит себя к этнической группе на основании признаков, характеризующих этнос: общность исторического происхождения, общая территория проживания, культура и другие. Своеобразие исторических путей развития этнических групп проявляется в том, что ключевые этноопределяющие признаки имеют неодинаковое значение для разных этнических групп. Главные компоненты этнического стереотипа — автостереотипы («этноинтегрирующие» представления о собственной группе) и гетеростереотипы («этнодифференцирующие» представления о других этнических группах) — отражают основные элементы структуры этнической идентичности. Исследование эмоционально-оценочных компонентов этнических стереотипов, а именно измерение их знака («позитивности» или «негативности») и величины общей эмоциональной направленности авто- и гетеростереотипов, проводилось на основе методики ДТО. В сравнительном исследовании этнических стереотипов современных подростков мы попытались выявить на уровне их структурных компонентов — автостереотипов и гетеростереотипов — существующие между народами общие семантические зоны понимания и зоны непонимания. Если общие семантические зоны — основа позитивного межэтнического взаимодействия, то семантические различия могут оказаться серьезными психологическими барьерами при развитии контактов между народами.

В основе нашего исследования лежит положение, что для формирования позитивной этнической идентичности, то есть условной «нормы», необходимо наличие положительного образа «Мы» (автостереотипа) и позитивного образа «Они» (гетеростереотипа) при условии выраженного предпочтения своей группы. При интерпретации результатов методики ДТО мы исходили из того, что этнические стереотипы представляют собой содержательную опору этнической идентичности и процессы идентификации и категоризации являются взаимодополняющими и взаимосвязанными процессами.

В нашем исследовании основное внимание было уделено определению знака и величины общей эмоциональной направленности субъекта по отношению к данному объекту при оценке всех качеств теста, так называемому диагностическому коэффициенту валентности стереотипа (D). Основной методический принцип заключался в том, что при познании другого человека субъект не только указывает на определенные психические качества, но и оценивает степень их выраженности у познаваемого объекта, в роли которого может выступать как отдельная личность, так и группа в целом. Первой процедурой ДТО явилась самооценка по предложенным качествам, проводимая по 4-балльной шкале. Основанием для этого послужили указания ряда психологов на существенную роль образа «я», определяющего характер оценочных суждений и выступающих в качестве одного из показателей самоопределения личности (А. В. Захарова, И. С. Кон, Г. Олпорт). На втором этапе респонденты оценивали по данным качеств абстрактный образ «Идеал», который в контексте каждой личности нами рассматривается как «правильная» или «нормативная» отношенческая атрибуция. Следующими процедурами ДТО явились последовательно оценки респондентами абстрактного «типичного» представителя собственной этнической общности и типичных представителей иноэтнической группы, участвующих в процессе межэтнического взаимодействия. Такая последовательность процедур основана на предположении, что процесс самооценки или оценки «Идеала», произведенных на основе социального сравнения, может быть сопоставлен с оценками «других» как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Вероятно, что оценка других личностей или целых групп будет использовать те же самые сравнительные уровни, которые применяются для самооценки.

Анализ результатов констатирующего эксперимента носил сравнительный характер и проводился по трем группам (двум бурятским выборкам с этнически смешанным и этнически однородным составами и группе русских подростков из г. Улан-Удэ). В исследовании приняли участие подростки 8–9-х классов (всего 450 человек) русской и бурятской национальностей, проживающие в г. Улан-Удэ. Поскольку опыт проведения исследований показывает трудность выделения репрезентативной выборки представителей той или иной нерусской национальности в пределах России, мы сочли целесообразным осуществлять исследование бурятских подростков как из классов с этнически смешанным составом учащихся, так и из этнически однородных классов национального лица г. Улан-Удэ. Все испытуемые — учащиеся старшего подросткового возраста (средний возраст 15 лет).

Средние значения расчетных показателей диагностического коэффициента по группам и объектам оценивания даны в таблице 1. Из таблицы следует, что во всех трех группах самую высокую определенность, характеризующую существенной позитивной выраженностью и направленностью, имеет оценка Идеала. Если рассматривать оценку Идеала в качестве нормативной точки отсчета, то ближе всего по степени позитивной эмоциональной определенности располагаются самооценки и

автостереотипы. Самую высокую неопределенность во всех выборках имеют гетеростереотипы, а их позитивная выраженность в сравнении с оценкой Идеала снижена в среднем почти в три раза.

Таблица 1

Средние показатели диагностических коэффициентов
(по результатам методики ДТО)

Группы	Параметры			
	Самооценка	Идеал	Автостереотип	Гетеростереотип
Русские	0,25	0,45	0,24	0,16
Буряты (этнически смешан. классы)	0,29	0,49	0,21	0,20
Буряты (этнически однород. классы)	0,22	0,51	0,30	0,21

Данные показывают, что у всех трех групп испытуемых позитивные авто- и гетеростереотипы. Однако этническая идентичность выражена сильнее у бурятских подростков из этнически однородных классов. У данных испытуемых и автостереотипы, и гетеростереотипы позитивнее, чем стереотипы русских подростков и бурят из этнически смешанных классов. Для этих же испытуемых характерна также тенденция к более выраженному эмоциональному предпочтению своей группы при наличии позитивного образа типичного русского (гетеростереотипа), что проявляется в более высоком значении диагностического коэффициента автостереотипа по сравнению со средним значением гетеростереотипа. Результаты свидетельствуют о том, что испытуемые этой группы имеют положительный образ «Мы» и положительный образ «Они», что при условии выраженного предпочтения своей этнической группы позволяет предположить позитивную идентичность со своей этнической группой.

В отличие от учащихся из этнически однородных классов автостереотипы их сверстников из этнически смешанных классов оцениваются ниже. Уровень самооценки превышает оценки автостереотипов и гетеростереотипов. В полученных данных диагностического коэффициента бурятских подростков из этнически смешанных классов проявляется специфика этой выборки. С одной стороны, учащиеся из этнически смешанных классов находятся под влиянием бурятской и русской культур (язык повседневного общения — русский); с другой стороны, возрождение национального самосознания, распространение бурятской культуры через средства массовой информации способствуют усилению чувства принадлежности к собственной этнической группе. Можно сделать предположение о существовании иерархической структуры этнической идентичности у подростков-бурят из этнически смешанных классов, т. е. наличия в ней элементов, по которым человек относит себя к разным этническим группам. Выбор оснований этнической идентичности определяется, прежде всего, особенностями исторического развития этносов. Специфика современной этнолингвистической ситуации в Бурятии состоит в языковой неоднозначности этнических групп: большинство населения в качестве языка повседневного общения использует русский язык. Это явление сложилось исторически. В советское время наблюдалось снижение роли бурятского языка во всех сферах общественной и государственной жизни и повышение доли лиц с родным инонациональным языком, в роли которого выступал, прежде всего, русский язык. Эти процессы, определяющиеся в основном политическими причинами, способствовали деэтнизации и повлияли на трансформацию этнической идентичности представителей бурятского этноса.

Рассмотрим соотношение авто- и гетеростереотипов для каждой группы. Согласно полученным данным, предпочтение собственной группы выражено у подростков всех трех выборок. Сравнение средних значений диагностических коэффициентов автостереотипов показывает, что у бурятских подростков из этнически однородных классов национальных школ образ типичного представителя своей этнической группы является более позитивным. Полученные результаты дают возможность предположить, что этнические особенности микросреды (однородность или неоднородность межэтнического общения) являются фактором, который определяет зависимость между высокой автоидентификацией и собственно межэтнической дифференциацией. Этнические стереотипы как эмоционально непосредственная форма отражения социальной действительности подвергаются значительному влиянию субъективных факторов. В частности, бурятские подростки — учащиеся национальных школ с высокой субъективной степенью приверженности к традиционным системам своей этнокультуры более идентифицируют себя с собственной этнической группой, чем респонденты из этнически смешанных классов.

Сравнительный анализ диагностических показателей коэффициентов гетеростереотипов подростков трех групп показывает, что у русских испытуемых имеется менее позитивный образ типичного бурята (гетеростереотип — 0,16), тогда как среди бурят из этнически смешанных классов оценка образа типичного русского составляет 0,20, а среди бурят из этнически однородных классов гетеростереотип составляет 0,21.

Особый интерес представляет вопрос о том, какой именно компонент в структуре этнического стереотипа (эмоционально-оценочный или когнитивный) является наиболее подверженным влиянию фактора пребывания в своей или другой этнической среде. Исходя из этой задачи, была рассмотрена динамика когнитивного содержания стереотипов. Для каждой из групп были вычислены средние баллы оценок по всем 24 качествам диагностического теста отношений. Качества, получившие наиболее высокие баллы, рассматривались нами как составляющие содержания авто- и гетеростереотипов. Сравнительный анализ автостереотипов показывает, что русские испытуемые среди положительных характеристик как наиболее характерные отмечают такие качества, как общительность (средний балл 3,4), дипломатичность (3,1), активность (3,1), остроумие (3,0), находчивость (3,0). В автостереотипе подростков из обеих бурятских групп позитивные оценочные компоненты значительно преобладают над негативными. Среди положительных качеств автостереотипа буряты из этнически смешанных классов особенно ценят общительность (3,4), находчивость (3,3), дипломатичность, активность (3,2), а бурятские подростки из этнически однородных классов отмечают: аккуратность (3,2), настойчивость (3,0), остроумие (3,0), находчивость (3,0). Однако в автостереотипе бурятских подростков отсутствует тенденция к исключительно благоприятной оценке представителей своей национальности. Наряду с положительными качествами респонденты чаще отмечали и некоторые негативные: хитрость, осторожность, упрямство. Если обратиться к бурятскому фольклору, то очень часто в сказках, легендах, сказаниях благородные цели достигались с помощью хитрости, осторожности. Исходя из этого, можно предположить, что данные качества, рассматриваемые как отрицательные, приобретают у наших испытуемых позитивную коннотацию. Содержание автостереотипов бурятских подростков отражает, прежде всего, бытующие в обыденном сознании представления об этническом характере, усвоенных в процессе социализации. Поэтому, анализируя результаты нашего исследования, можно предположить, что стабильность и устойчивость когнитивного содержания автостереотипов связана, прежде всего, с устойчивостью их этнокультурного компонента.

Возвращаясь к вопросу о том, какой компонент в структуре автостереотипов более «чувствителен» к изменению этносоциальной среды, можно сделать вывод, что эмоционально-оценочный компонент оказывается более подвержен влиянию этого фактора. Этот факт связан с тем, что при попадании в другую этносоциальную среду (в данном случае в этнически смешанную среду) в первую очередь происходит трансформация системы взаимоотношений личности с новым социальным окружением, а также с представителями своей этнической группы. В связи с этим выводом рассмотрим структуру гетеростереотипов обеих бурятских групп. При небольшой тенденции снижения позитивности гетеростереотипа у бурят из этнически смешанных классов статистически значимые различия между диагностическими коэффициентами гетеростереотипов обеих групп отсутствуют. Этот факт позволяет предположить, что на эмоционально-оценочном уровне отношение к типичному русскому существенно не изменяется под влиянием этнически смешанной среды.

Анализ содержания гетеростереотипов показывает, что большинство бурятских подростков из этнически однородных классов как наиболее характерные отмечают такие черты, как общительный (средний балл — 3,4), активный (3,3), дипломатичный (2,9), экономный (2,9), гордый (2,8), остроумный (2,7), т. е. качества с позитивной коннотацией. У русских испытуемых все качества получили достаточно низкие оценки. В гетеростереотипах выделяются такие качества: экономность (2,8) осторожность (2,6), хитрость (2,6), дипломатичность (2,5), упрямство (2,4).

Исходя из этого факта, можно сделать предположение о том, что у русских подростков складывается достаточно противоречивый образ типичного бурята, так как наряду с позитивными качествами в содержании гетеростереотипа достаточно большой вес получили такие негативные качества, как хитрость, вспыльчивость, упрямство. Этот факт в какой-то степени противоречит гипотезе контакта, согласно которой непосредственный контакт при соблюдении определенных условий (близкого личностного контакта и т. д.) снижает негативность стереотипов. Амбивалентность гетеростереотипа у русских подростков может быть связана с некоторой этнической предубежденностью к представителям коренного этноса. Особый интерес в связи с этим представляет вопрос о том, насколько содержание автостереотипов совпадает с содержанием гетеростереотипов. Показательным является то, что у бурятских подростков из этнически однородных классов, для которых характерна тенденция к раз-

ведению на эмоциональном уровне отношения к бурятам и русским, существует субъективная граница между своими и чужими, когнитивное содержание авто- и гетеростереотипов оказывается достаточно близким. С высокой внутригрупповой согласованностью типичному буряту и типичному русскому приписываются такие важные для взаимодействия коммуникативные черты, как общительность, находчивость, активность, аккуратность, дипломатичность.

Таким образом, можно утверждать, что совпадение между автостереотипом и гетеростереотипом у бурят и русских по важнейшим для взаимодействия коммуникативным характеристикам является одним из основных условий позитивного взаимодействия и общения этих этнических групп.

Следующим этапом нашего исследования явилось выявление роли занятий этнопсихологического тренинга в нивелировании негативных этнических стереотипов, развитии толерантного отношения к своей и другим этническим группам. Формирующий эксперимент проводился в 3 этапа: 1) разработка методологического обоснования эксперимента, подбор методов и психодиагностических методик для реализации поставленной цели; 2) проведение занятий этнопсихологического тренинга, направленного на развитие толерантности и нивелирование негативных этнических стереотипов; 3) исследование особенностей этнической идентичности до и после проведения тренинговой сессии. Степень достоверности полученных данных устанавливалась с помощью процедур математико-статистического анализа.

В исследовании приняли участие подростки бурятской и русской национальностей: 3 тренинговые группы по 12 человек — 1 группа — контрольная, 2 группы — экспериментальные. Состав тренинговых групп был этнически неоднороден, т. е. это этнически смешанные группы.

Этнически смешанный состав, в свою очередь, имеет определенные достоинства и недостатки [5]. К достоинствам неоднородных групп можно отнести следующие: участники группы имеют возможность ознакомиться с самыми разнообразными мнениями по поводу обсуждаемых проблем и увидеть различные формы поведения в одних и тех же ситуациях; участники могут получить важную для них обратную связь от людей, не похожих на них самих; неоднородная группа представляет больше возможностей для неадекватных этнопсихологических аспектов восприятия себя и окружающих. К недостаткам этнически неоднородных групп, на наш взгляд, относится следующее: для получения видимых результатов групповой работы возможны большие временные затраты; сплоченность группы достигается большими усилиями; в начале работы существует опасность напряжения, поскольку участникам трудно быстро наладить взаимодействие.

В качестве психодиагностической методики входного и выходного этапов исследования, наряду с методикой ДТО, применялась методика «Типы этнической идентичности» (автор Г. У. Солдатова). Основным критерием выявления трансформаций этнической идентичности по данной методике является степень межэтнической толерантности, которая оценивается по следующим параметрам: 1) уровень «негативизма» к собственной и другим этническим группам; 2) уровень порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение; 3) степень выраженности агрессивных и враждебных реакций по отношению к аутгруппам.

Результаты, полученные с помощью методики «Типы этнической идентичности» до проведения тренинга, показывают, что 69 % испытуемым в равной мере присущи позитивная этническая идентичность, этническая индифферентность и в меньшей степени крайняя форма проявления гиперидентичности — национальный фанатизм (рис. 1). Все это позволяет говорить о том, что позитивность отношений к собственному и другим народам, сочетающаяся в «норме», вовсе не предполагает эмоциональной однозначности этих отношений. Безусловно, понятию «норма» тут не придается абсолютного значения. Когда говорят о «норме», имплицитно допускается, что она колеблется в известных пределах и не может быть жестко очерчена. Следующую позицию занимают тенденции этноэгоизма (33,9 %). Исходя из этого, можно предположить, что для данной группы испытуемых характерно превалирование интересов народа как целого над всем остальным. Идентификация себя с этнической точки зрения всегда стоит на первом месте. Эта форма может вызвать напряженность в общении с представителями других этнических групп.

Предпочтение своего народа всем остальным; стремление к замкнутости, к этноизоляции, негативное отношение к межнациональным бракам, а также элементы агрессии ко всем остальным можно наблюдать у 21 % испытуемых в данной выборке. Говоря об этнической индифферентности, можно сказать, что у большинства испытуемых такая позиция дополняет общую установку на межэтническое взаимодействие. Можно предположить, что испытуемые, у которых выражены тенденции к этнической индифферентности, предпочитают оставаться несколько в стороне от этнополитической жизни общества. Возможно, что у кого-то такая тенденция носит своего рода защитный характер

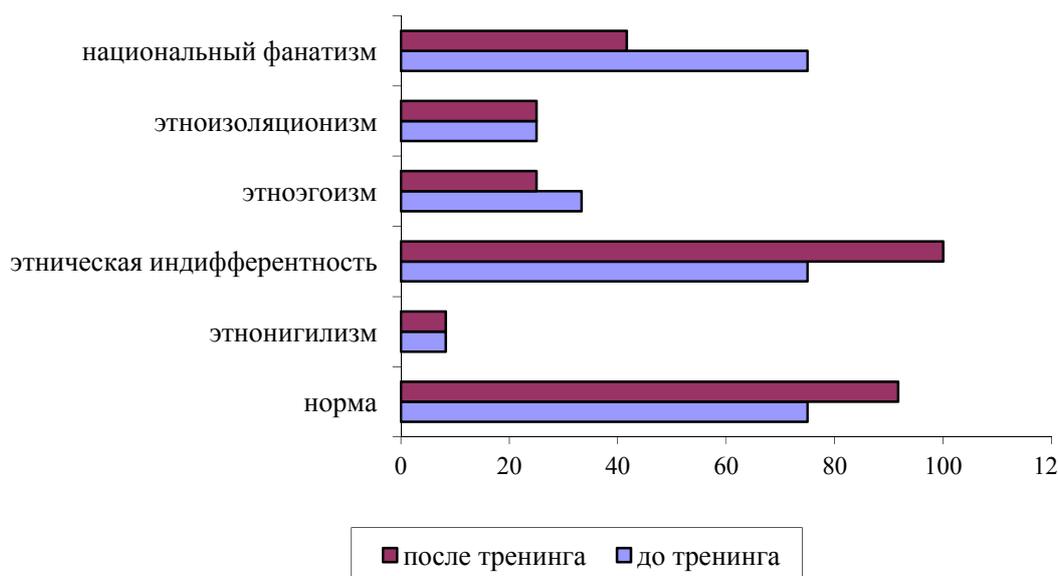

Рис. 1. Диаграмма распределения типов этнической идентичности

в условиях возросшей актуальности этнического фактора в данном возрасте и является одним из способов адаптации к окружающей действительности.

Подростков с этнической идентичностью по типу «нормы» характеризует высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам. Позитивность отношений к собственным и другим народам, сочетающаяся в норме, вовсе не предполагает эмоциональной однозначности такого рода отношений. Для людей с «нормальной» этнической идентичностью свойственно отдавать предпочтение собственной культуре и ценностям. Это как бы начальная ступень этноцентризма, когда стремление к позитивной этнической идентичности является необходимым условием сохранения целостности и неповторимости этнической общности в этнокультурном многообразии мира.

Анализ результатов исследования по методике ДТО (входная и выходная диагностика) носил сравнительный характер и проводился по двум группам: подростки бурятской и русской национальностей. Следует отметить, что в формирующей части эксперимента наряду с гетеростереотипом 1 («типичный бурят» для русских подростков или «типичный русский» для бурят) выявлялся гетеростереотип 2 («типичный американец»). Средние значения расчетных показателей диагностического коэффициента по группам и объектам оценивания представлены в следующей таблице.

Таблица 2

Средние показатели диагностических коэффициентов входной диагностики (по результатам методики ДТО)

Группы	Параметры				
	Самооценка	Идеал	Автостереотип	Гетеростереотип 1	Гетеростереотип 2
Буряты	0,25	0,34	0,13	0,16	0,03
Русские	0,16	0,36	0,13	0,10	0,01

Из таблицы следует, что в обеих группах самую высокую определенность, характеризующую существенной позитивной выраженностью и направленностью, имеет оценка Идеала. Если рассматривать данную оценку в качестве нормативной точки отсчета, то ближе всего по степени позитивной эмоциональной определенности располагаются параметры самооценок и автостереотипов. Самую высокую неопределенность в обеих выборках имеют гетеростереотипы. Приведенные в таблице данные показывают, что в обеих группах присутствуют позитивные авто- и гетеростереотипы. Причем показатели автостереотипов в обеих выборках одинаковы. Но этническая идентичность сильнее выражена у подростков русской национальности. Однако коэффициенты по остальным параметрам в данной выборке испытуемых ниже, чем у подростков бурятской национальности. Интересным представляется отметить тот факт, что в выборке подростков бурятской национальности не наблюдается явного предпочтения своей группы при

наличии позитивного образа типичного русского. Разница между значениями не столь велика, но нам представляется необходимым отметить этот факт. Сравнивая образ типичного представителя своей этнической группы и образ типичного американца, мы наблюдаем тенденцию к ярко выраженному эмоциональному предпочтению своей этнической группы при наличии тем не менее позитивного образа типичного американца. Полученные результаты свидетельствуют о том, что испытуемые бурятской национальности имеют положительный образ «Мы» и положительный образ «Они». Одинаковые диагностические коэффициенты оценивания автостереотипа позволяют говорить о выраженной позитивной идентичности со своей этнической группой в обеих выборках.

Таблица 3

Средние показатели диагностических коэффициентов выходной диагностики
(по результатам методики ДТО)

Группы	Параметры				
	Самооценка	Идеал	Автостереотип	Гетеростереотип 1	Гетеростереотип 2
Буряты	0,18	0,39	0,12	0,16	0,03
Русские	0,19	0,36	0,14	0,10	0,05

Анализируя представленные в таблице 3 данные, полученные после проведения тренинга, мы видим, что в обеих группах также остались позитивные авто- и гетеростереотипы. По результатам выходной диагностики мы видим, что этническая идентичность наиболее выражена у испытуемых бурятской национальности. Образ «я» и образ типичного русского позитивнее, чем у испытуемых русской национальности. Опять же при наличии позитивного образа русского не наблюдается явного предпочтения своей этнической группы.

Другая ситуация складывается по отношению к образу типичного американца: здесь наблюдается явное предпочтение своей этнической группы. Говоря об авто- и гетеростереотипах подростков русской национальности, нужно сказать, что показатели до и после проведения этнопсихологического тренинга положительные и одинаковые, то есть в данной группе испытуемых существуют абсолютно одинаковые положительные образы «Мы» и «Они». В полученных данных диагностического коэффициента проявляется особенность данной выборки. Во-первых, это этнически смешанная группа подростков, состоящая наполовину из русских и наполовину из бурят. С одной стороны, подростки находятся под влиянием бурятской и русской культур, языком их повседневного общения является русский. С другой стороны, все усиливающееся возрождение национального самосознания и национальной культуры через средства массовой информации способствует усилению чувства принадлежности к собственной этнической группе. Можно сделать предположение о существовании некой иерархии в структуре этнической идентичности, то есть о наличии в ней элементов, по которым человек относит себя к разным этническим группам.

Рассматривая соотношение авто- и гетеростереотипов для каждой группы, видим, что предпочтение собственной группы в обеих выборках выражено не очень ярко. Разница между показателями не так уж и велика. Сравнение гетеростереотипов в данных группах показывает, что у русских испытуемых создается менее позитивный образ типичного бурята (гетеростереотип — 0,10), тогда как среди бурят оценка образа типичного русского составляет 0,13. Хотя вновь подчеркнем, что разница между показателями не очень велика.

Для определения значимости различий в группах нами был применен математико-статистический метод — t-критерий Стьюдента, эмпирическое значение которого показало также отсутствие различий между авто- и гетеростереотипами в обеих выборках испытуемых: критическое значение по таблице — 2,45 (при $p=0,05$), $t_{эмп}=1,06$, т. е. $t_{эмп} < t_{кр}$, и, следовательно, гипотеза о значимости различий результатов в сравниваемых группах отвергается и принимается нулевая гипотеза о незначимости различий. Полученные результаты дают нам возможность предположить, что этнические особенности микросреды (однородность или неоднородность) являются фактором, который определяет зависимость между высокой автоидентификацией и собственно межэтнической дифференциацией. Этнические стереотипы как эмоционально непосредственная форма отражения социальной действительности подвергаются значительному влиянию субъективных факторов. В частности, подростки из этнически однородных групп с высокой субъективной приверженностью традициям и обычаям своей этнической культуры более идентифицируют себя с собственной этнической группой, нежели подростки из этнически смешанных групп, какой и является наша выборка испытуемых.

Сравнительный анализ показателей гетеростереотипов в обеих группах показывает, что среди испытуемых бурят и испытуемых русских существуют позитивные образы друг о друге. Позитивен и образ типичного американца, но диагностические коэффициенты в обеих группах очень малы. Причем у испытуемых русской национальности коэффициент выше, чем у испытуемых бурятской национальности. Все это позволяет сделать предположение о том, что и буряты, и русские, осознавая и принимая во внимание существование данной этнической группы, все же с недоверием относятся к ее представителям. Это может быть следствием влияния СМИ на сознание подростков, учитывая наметившееся в последний год ухудшение отношений между нашими странами в связи с событиями на Украине. Начал формироваться негативный образ представителей американской нации. Тем не менее мы можем сказать, что испытуемые обеих выборок, несмотря на вышеуказанные особенности, являются людьми достаточно толерантными по отношению к другим этническим группам. Для статистической проверки данных был использован Т-критерий Вилкоксона. Данный критерий применяется для сопоставления показателей, измеренных в двух разных условиях на одной и той же выборке испытуемых. Он позволяет установить не только направленность изменений, но и их выраженность. С его помощью определяется интенсивность сдвига показателей в том или ином направлении. Согласно полученным данным, в нашей выборке испытуемых по окончании тренинговой сессии наблюдается увеличение коэффициента гетеростереотипов. $T_{эмп} > T_{кр}$ (при $p=0,05$), значит принимается гипотеза об интенсивности сдвига в типичном направлении, то есть об увеличении диагностических показателей. Это позволяет говорить о том, что этнопсихологический тренинг способствовал снижению негативных оценок представителей другой этнической группы.

Итак, рассмотренные нами показатели этнического самосознания, такие как степень и знак этнической идентификации, содержание и направленность авто- и гетеростереотипов, национальное самоопределение подростков, обусловлены этнической спецификой социализации. Этнопсихологический тренинг играет важную роль в процессе нивелирования негативных этнических стереотипов современных подростков.

Литература

1. Кцоева Г. У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал. — 1986. — Т. 1, № 2. — С. 41–51.
2. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. — М.: Смысл, 1998. — 358 с.
3. Тишков В. А. Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах // Толерантность и культурная традиция / под ред. М. Ю. Мартыновой. — М., 2002.
4. Тудупова Т. Ц. Этнопсихологическая подготовка подростков к толерантному общению. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун-та, 2006. — 204 с.
5. Тудупова Т. Ц. Этнопсихологический тренинг с подростками. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун-та, 2006. — 144 с.
6. Тудупова Т. Ц., Сангадиев Ч. А. Этнопсихологический тренинг общения в воспитательном процессе // Воспитание школьников. — 2012. — № 3. — С. 46–51.

References

1. Ktsoeva G. U. Opyt empiricheskogo issledovaniya etnicheskikh stereotipov [Empirical research of ethnic stereotypes]. *Psikhologicheskii zhurnal — Psychological Journal*. 1986. V. 1. No. 2. Pp. 41-51.
2. Soldatova G. U. *Psikhologiya mezhetnicheskoi napryazhennosti* [Psychology of ethnic tensions]. Moscow: Smysl, 1998. 358 p.
3. Tishkov V. A. Tolerantnost' i soglasie v transformiruyushchikhsya obshchestvakh [Tolerance and harmony in transforming societies]. *Tolerantnost' i kul'turnaya traditsiya — Tolerance and cultural tradition*. Moscow, 2002.
4. Tudupova T. Ts. *Etnopsikhologicheskaya podgotovka podrostkov k tolerantnomu obshcheniyu* [Ethnopsychological preparation of teenagers for tolerant communication]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2006. 204 p.
5. Tudupova T. Ts. *Etnopsikhologicheskii trening s podrostkami* [Ethnopsychological training of teenagers]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2006. 144 p.
6. Tudupova T. Ts., Sangadiev Ch. A. Etnopsikhologicheskii trening obshcheniya v vospitatel'nom protsesse [Ethnopsychological communication training in educational process]. *Vospitanie shkol'nikov — Education of schoolchildren*. 2012. No. 3. Pp. 46–51.

УДК 577.4:301:15+378.180.6

О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗЕ

Анонова Светлана Иннокентьевна

старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: anonova.s@gmail.com

В статье рассматриваются такие понятия, как адаптация, социально-психологическая адаптация, учебная мотивация, особенности учебно-профессиональной деятельности. В статье выделены теоретические основания исследования социально-психологической адаптации студентов и учебной мотивации. Раскрыта структура социально-психологической адаптации личности, дано описание учебно-профессиональной деятельности студента, системы мотивов учебной деятельности. В работе отражены основные признаки и условия социально-психологической адаптации личности студента. В эмпирическом исследовании были выявлены различия показателей социально-психологической адаптации и мотивов учебной деятельности обучающихся. Целью исследования явилось изучение социально-психологической адаптации первокурсников высшего учебного заведения и мотивов учебно-профессиональной деятельности. В эмпирическом исследовании была использована методика К. Роджерса и Р. Даймонда — диагностика социально-психологической адаптации — и методика изучения мотивов учебной деятельности в модификации А. А. Реана, В. А. Якунина. В результате эмпирического исследования установлено, что учебно-профессиональная деятельность побуждается различными мотивами: социальными, коммуникативными, профессиональными, учебными и т. д. Наибольшую значимость для студентов имеют социальные — и профессиональные мотивы, а менее ценными являются учебно-познавательные. Установлены статически значимые связи между показателями социально-психологической адаптации и мотивами учебно-профессиональной деятельности: коммуникативными, учебно-познавательными и мотивами престижа.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, мотивы учебной деятельности, социализация, учебно-профессиональная деятельность, социальные способности, коммуникативные способности, познавательные способности.

TO THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF STUDENTS IN HIGH SCHOOL

Svetlana I. Anonova

Senior Lecturer, Buryat State University,

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article deals with the concept of adaptation, social and psychological adaptation, learning motivation, peculiarities of professional education activity. The theoretical foundations of studying students' social and psychological adaptation and academic motivation were highlighted. The structure of social and psychological adaptation of a person, the description of students' professional education activity and the system of educational activity motives were given. In the article we displayed the main features and conditions of student' social and psychological adaptation. In the empirical study the differences in indicators of social-psychological adaptation and motives of students' educational activity were revealed. To investigate social-psychological adaptation of high school freshmen, motivation of professional education activity we used the technique of K. Rogers and R. Diamond – diagnostics of socio-psychological adaptation and methods of studying educational activity motives in modification of A. A. Rean, V. A. Yakunin. The research found that professional education activity was prompted by different motives: social, communicative, professional, educational, etc. Social and professional reasons had the greatest importance for students, and less significant were educational and informative. The statically significant relations between indicators of socio-psychological adaptation and professional education motives (communicative, educational and cognitive, motives of prestige) were set.

Keywords: social and psychological adaptation, motives of educational activity, socialization, educational and professional activity, social skills, communication skills, cognitive abilities.

Проблема адаптации в настоящее время в процессе профессиональной подготовки квалифицированного специалиста занимает одно из ведущих мест в ряду психологических исследований. Необходимым условием для обеспечения оптимальной социализации личности является социально-психологическая адаптация, которая дает возможность человеку проявить свои возможности, умения,

навыки в различной социальной ситуации, коммуникативные способности при взаимодействии с другими людьми и в учебно-профессиональной деятельности, продемонстрировать активное участие в социальных процессах и явлениях, обеспечить свое естественное социальное самосовершенствование. Удовлетворенность социальной средой, активность самопроявления и приобретение соответствующего опыта являются критериями успешной социально-психологической адаптации человека. По мере приобретения опыта социальной адаптации, у человека формируется такое свойство, как адаптивность (приспособительность), необходимое человеку в условиях учебно-профессиональной деятельности, общения с другими людьми и т. д. В учебно-профессиональной деятельности студентов адаптивность определяет умение студентов ориентироваться в содержании, формах и методах обучения, используемых в вузе. Процесс адаптации студентов-первокурсников проходит достаточно динамично и детерминируется целым рядом объективных и субъективных факторов. Адаптация студентов к учебно-профессиональной деятельности является важным элементом в системе профессионального обучения.

Проблему социально-психологической адаптации изучали такие ученые, как Н. В. Литвиненко, Т. Д. Молодцова, И. Р. Перережко, И. А. Фурманов, Т. Н. Вершинина и др. Имеется множество научных подходов, исследований, посвященных социально-психологической адаптации. Данная проблема остается актуальной и в настоящее время, и это связано с тем, что большинство молодых людей испытывает психологическую и социальную дезадаптацию в социальной среде.

Социально-психологическая адаптация рассматривается как процесс постепенной интеграции личности в определенный коллектив, включающий ее в систему межличностных отношений, а также процесс эффективного взаимодействия с социальной средой. Под социально-психологической адаптацией понимается состояние взаимоотношений личности и группы, когда личность без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно включается в ведущую деятельность, удовлетворяет собственные социальные потребности, соответствует ролевым ожиданиям со стороны группы, может себя самореализовать и раскрыть творческие способности. Одним из условий и результатов успешной социализации является социальная адаптивность, которая, как известно, проявляется в следующих сферах: деятельности, общении и сознании.

Источником активности студентов в учебно-познавательной деятельности является мотивация учения. Учебная мотивация оказывает существенное влияние на социально-психологическую адаптацию студентов.

Социально-психологические исследования показывают, что мотивация учебной деятельности зависит от следующих факторов: индивидуально-личностных особенностей студентов, уровня интеллектуального развития, активности, творческого подхода к изучению дисциплин и т. д. Мотивами поведения человека могут быть убеждения, ценностные ориентации, установки личности, идеалы, намерения, цели и т. д.

Усвоение социальных норм, ценностей и стандартов поведения, принятых в определенной среде, к которой может относиться как учебное заведение, так и студенческая группа, обычно начинается с первых дней включения в нее. В процессе учебно-профессиональной деятельности формируются навыки общения и основные условия для профессионального роста. С первых же дней поступления в вуз у студентов начинается процесс адаптации к студенческой среде, профессорско-преподавательскому составу и учебно-профессиональной программе. От того, насколько успешно пройдет эта адаптация, зависит учебная успеваемость студентов, социальное самочувствие, настроение, активность, все это будет оказывать влияние на качество образования, их профессиональную подготовку [9].

Изучением социально-психологической адаптации студентов занимались такие ученые, как Г. М. Андреева, Г. В. Аكوпова, В. В. Балашова, В. И. Панова, А. В. Петровский, А. Н. Сухова, В. И. Слободчиков, С. В. Сарычев, Л. И. Уманский и др.

Актуальность проблемы адаптации студентов к учебно-профессиональной деятельности обусловлена тем, что в период обучения в вузе закладываются основы профессионализма, формируются готовность и потребность к непрерывному самообразованию в изменяющихся условиях [9]. В этой связи особенно важно, чтобы студент-первокурсник с первых же дней обучения в вузе активно включился в процесс овладения учебно-профессиональными знаниями и способами их освоения.

Студент-первокурсник, поступив в вуз, сталкивается с принципиально другой учебной обстановкой, условиями и требованиями. Исследования показывают, что у первокурсников практически не сформированы такие качества, как самостоятельность в подготовке к семинарским, лабораторным, лекционным, практическим занятиям, самоконтроль, умение оценивать свои возможности и способ-

ности, организовывать свое учебное и внеучебное время, потому что школа приучила их к постоянной опеке и систематическому контролю со стороны учителей. Поэтому у некоторых первокурсников отсутствует способность самостоятельно принимать элементарные решения. Студент-первокурсник попадает в другую обстановку, в которой нет необходимости каждый день выполнять домашнее задание как в школе, и формируется мнение о том, что готовиться по различным дисциплинам необязательно. При этом возникает уверенность наверстать пробелы и освоить их перед сессией и развивается беспечное отношение к учебе. Студент, который не сдал вовремя экзаменационную сессию (зачеты, экзамены), у которого очень низкий уровень работоспособности, слабая самоорганизация и отсутствует высокий уровень мотивации, чаще всего теряет интерес к учебе, у него снижается уровень самооценки, что негативно сказывается на учебной деятельности.

Многие первокурсники сталкиваются с первыми трудностями, связанными с отсутствием навыков самостоятельной работы (конспектирование, проработка лекционных материалов, четкое и ясное изложение мыслей при выполнении самостоятельных заданий, работа с учебниками и первоисточниками, анализ большого объема учебной информации). Можно выделить следующие критерии успешности социально-психологической адаптации студентов: социальные способности, коммуникативные способности, познавательные способности. К социальным способностям можно отнести приспособленность к требованиям вуза, формирование самосознания и ролевого поведения. Коммуникативные способности могут включать социабельность, коммуникабельность, самоконтроль и индивидуальный стиль поведения. Познавательные способности — готовность к активной деятельности и успешное овладение профессиональными теоретическими знаниями, практическими умениями и навыками.

Условиями успешной адаптации студента могут быть:

- формирование у студентов адекватного представления о выбранной профессии;
- помощь в осознании общественной значимости профессии и привитие любви к ней;
- формирование адекватной самооценки;
- повышение волевой активности;
- проведение психолого-педагогической диагностики процесса адаптации;
- овладение методами психической саморегуляции;
- деятельность психологической службы вуза, так как без профессионального психологического сопровождения процесс адаптации в полной мере невозможен [9].

В процессе постепенной интеграции студента в учебно-профессиональную деятельность социально-психологическая адаптация обучающихся требует включения следующих ее видов, имеющих психологическое содержание:

- организационная — изучение учебного заведения и организационной среды в нем, требований и норм, внутреннее принятие и соответствующее построение своего организационного поведения;
- деятельностная — определение ответственности, прав студента, обязанностей, требований к качеству учебной деятельности;
- профессиональная — понимание характера профессии, места специальности в общей системе, а также стремление овладеть профессией — возникновение мотивации;
- бытовая — привыкание к рабочему режиму жизни, повышенным психологическим и умственным нагрузкам, решению вопросов питания, досуга, в том числе нередко и жилищных, особенно если студент иногородний;
- социально-психологическая — привыкание к студентам своей группы, налаживание деловых и личных доброжелательных отношений с ними, завоевание признания своей личности и, таким образом, самоутверждения в группе. Важным аспектом этого вида адаптации является установление отношений с преподавателями, администрацией [9].

Особый интерес представляет изучение связи учебной мотивации и социально-психологической адаптации студентов. Мы предположили, что одним из факторов успешной адаптации студентов является стремление к достижению успеха в учебно-профессиональной деятельности. Между мотивацией и свойствами личности существует взаимосвязь: свойства личности влияют на особенности мотивации, а особенности мотивации, закрепившись, становятся свойствами личности, которые, в свою очередь, влияют на адаптацию в социальной среде.

Учебная мотивация определяется как частный вид мотивации, включенный в определенную деятельность, в данном случае — учебную деятельность. Побудителем учебной деятельности является система мотивов, органично включающая в себя познавательные потребности, цели, интересы, стремления, идеалы, мотивационные установки, которые придают ей активный и направленный ха-

рактар, входят в структуру и определяют ее содержательно-смысловые особенности. Названная система мотивов образует учебную мотивацию, которая характеризуется как устойчивостью, так и динамичностью. На основе вышеперечисленных источников активности выделяют следующие группы мотивов: социальные, познавательные, личностные [2].

Структура мотивов студента, формирующаяся в период обучения, становится стержнем личности будущего специалиста. Следовательно, развитие позитивных учебных мотивов — неотъемлемая составная часть формирования социально-психологической адаптации студента-первокурсника [2].

Основная задача состоит в том, чтобы определить пути социально-психологической адаптации и формирования учебно-профессиональной мотивации студентов, которые могут быть сложными и противоречивыми. Для каждого студента социально-психологическая адаптация и мотивы учебно-познавательной деятельности индивидуальны.

Как отмечают исследователи, большинство студентов-первокурсников рассчитывают, что процесс обучения в учебных заведениях начинается сразу с получения профессии, конкретного и практического дела. Но в реальной действительности появляется неудовлетворенность тем, что приходится снова заниматься изучением общетехнических и гуманитарных дисциплин, возникает неуверенность в своих способностях, некоторая неприязнь или безразличие.

Осваивая новую социальную роль, студент всматривается в свое профессиональное будущее, пытается адаптироваться в новых условиях и новых учебных ситуациях. И поэтому социально-психологическая адаптация студента-первокурсника непосредственно будет связана с учебной мотивацией. При успешной адаптации у студента появляется самооценка правильности принятого решения, постепенно формируется отношение к избранной профессии, особенностям учебного процесса и его требованиям, товарищам по группе и преподавателям.

Мы провели исследование по адаптации обучающихся на базе Бурятского государственного университета в количестве 100 человек. Активное участие под нашим руководством приняла студентка А. В. Макарова. Цель нашего исследования — изучение социально-психологической адаптации обучающихся и мотивов учебно-профессиональной деятельности. Предметом исследования является взаимосвязь социально-психологической адаптации обучающихся с учебной мотивацией.

На основе результатов эмпирического исследования были выделены различные группы мотивов. На 1-м месте находятся социальные мотивы, на 2-м — коммуникативные, 3-м — профессиональные, 4-м — учебно-познавательные, 5-м — мотивы престижа и на 6-м — мотивы избегания.

Первые два места занимают социальные и коммуникативные мотивы, которые важны в реализации целей и задач совместной учебно-профессиональной деятельности и оптимизации межличностных отношений. Профессиональные и учебно-познавательные мотивы позволяют получить более глубокие и всесторонние знания для успешного продолжения обучения на последующих курсах и в будущей профессиональной деятельности.

Для выявления социально-психологической адаптации была использована методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда.

Данная методика была использована Т. Л. Мироновой для диагностики социально-психологической адаптации безработных женщин, что позволило ей выделить две группы, характеризующиеся разным уровнем социально-психологической адаптированности — высоким и низким. Она выявила существенные различия в личностных характеристиках у испытуемых с высоким и низким уровнем адаптации: ситуативной и личностной тревожности; жесткости-чувствительности, спокойствия-тревожности, нормативности поведения; самоотношения. Ею было убедительно доказано, что процесс адаптации является неоднозначным по своему конечному результату. Достижение того или иного уровня адаптации у личности в ситуации безработицы осуществляется благодаря механизмам регуляции, прежде всего личностных [3, с. 76–86].

Т. Л. Мироновой и А. А. Могордоевой изучена взаимосвязь социально-психологической адаптации и личностных особенностей на примере безработных женщин. Установлено, что у женщин с низким уровнем социально-психологической адаптированности отмечается тенденция к повышенной невротизации личности, депрессивному поведению, заниженной самооценке. А у женщин с высоким уровнем социально-психологической адаптированности была выявлена ярко выраженная фемининность, уравновешенность, уверенность в себе [4, с. 270–277].

По результатам нашего эмпирического исследования, полученным по методике К. Роджерса и Д. Даймонда, испытуемые были разделены на 3 группы по уровню социально-психологической адаптированности: выше нормы, в пределах нормы и ниже нормы. У наибольшего количества испытуемых по двум компонентам «адаптивность» и «дезадаптивность» интегрального показателя «адаптация»

(65 и 68 %) выявлен средний уровень. Студенты, имеющие средний уровень социально-психологической адаптации (68 %), хорошо входят в социальную среду и могут адекватно реагировать на происходящие в ней изменения. У наименьшего количества испытуемых выявлен высокий уровень адаптации (у 13 % студентов — высокий уровень адаптации, у 11 % — низкий уровень дезадаптации). Низкий уровень адаптации имеют 22 % обучающихся, а с высоким уровнем дезадаптации — 21 % обучающихся. Это означает, что для них характерны трудности адаптации в студенческой среде, усвоения социального опыта, норм и требований, принятых в вузе, а это, в свою очередь, может негативно сказаться на всей дальнейшей учебной деятельности студентов. Определенный уровень социальной дезадаптации означает не только трудности в приспособлении к социуму, но и нарушение самореализации, личностных перспектив, снижение творческого потенциала субъекта, в осмыслении своего настоящего и его связи с прошлым и будущим [10].

Для выявления различий в уровне социально-психологической адаптации в зависимости от мотивов учебной деятельности студентов нами использовался ранговый дисперсионный анализ Краскелла — Уоллиса и коэффициент корреляции Пирсона. Выборка студентов была разделена на 6 групп в зависимости от преобладающего мотива.

Корреляционный анализ показал, что уровень социально-психологической адаптации связан с такими мотивами, как коммуникативные ($r = 0,5$; $p < 0,01$), учебно-познавательные ($r = 0,5$; $p < 0,01$) и мотивы престижа ($r = 0,49$; $p < 0,01$). Следовательно, коммуникативные мотивы связаны с построением взаимоотношений с однокурсниками, преподавателями и другими студентами вуза. Характер построения взаимоотношений можно разделить на деловые и личностные. Деловые взаимоотношения выполняют функции принуждения на основе требований учебно-профессиональной деятельности. Личностные отношения предполагают свободный обмен мнениями, обсуждение идей со своими однокурсниками, преподавателями и другими людьми, позитивное отношение к нововведениям, справедливость, требовательность, доброжелательность, а также поощрение инициативы и т. д.

Учебно-познавательные мотивы являются ведущими, так как способствуют успешному усвоению учебного материала, который в ходе познавательной деятельности превращается в личный опыт и выступает в роли результата этой деятельности, ее продуктом. Высокие интеллектуальные способности обеспечивают осуществление творческой интеллектуальной деятельности. Совокупность знаний, умений и навыков, приобретаемых в процессе учебно-профессионального обучения, обеспечивает наиболее полное развитие таких профессионально-личностных характеристик, как:

- а) способность к широкому мысленному охвату большого числа аспектов проблемной ситуации;
- б) легкость дифференцирования и выделения отдельных элементов из общего целого;
- в) построение суждений на основе использования наиболее широких категорий и профессиональных понятий;
- г) последовательное выстраивание собственных действий, прогнозирование возможных изменений проблемных ситуаций;
- д) способность оценивать собственные интеллектуальные возможности в предметной деятельности;
- е) способность переходить от одного способа действия к другому, умение синтезировать разные познавательные позиции [1].

Мотивы престижа — желание студентов реализовать свои социальные устремления, принять участие в учебно-профессиональной и общественно значимой деятельности. Мотивы престижа определяются внутренними установками человека, системой ценностей, созданной в высшем учебном заведении, а также системой применяемых стимулов и поощрений.

Таким образом, для успешной социально-психологической адаптации наиболее значимыми являются социальные и коммуникативные мотивы, профессиональные и учебно-познавательные мотивы. Взаимосвязь данных мотивов с социально-психологической адаптацией, на наш взгляд, обусловлена тем, что в студенческом коллективе происходят определенные процессы: проявление интереса к учебно-профессиональной деятельности, формирование межличностных отношений, системы установок и ценностей, в целом — формирование специалиста-профессионала.

Литература

1. Анонова С. И. Профессионально-личностные характеристики студентов-менеджеров // Актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы X Юбил. междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск, 2009. — С. 478.

2. Донцов И. И., Белокрылова Г. М. Профессиональные представления студентов психологов // Вопросы психологии. — 1999. — № 2.
3. Миронова Т. Л. Личностные особенности безработных женщин в зависимости от фактора социально-психологической адаптированности // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. — С. 76–86.
4. Миронова Т. Л., Могордоева А. А. Взаимосвязь личностных особенностей и социально-психологической адаптированности безработных женщин // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 270–277.
5. Молодцова Т. Д. Дезаптация подростков: анализ и диагностика // Воспитательная работа в школе. — 2009. — № 1. — С. 109–112.
6. Овчинников М. В. Структура и динамика мотивации учения студентов педагогического вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2008.
7. Перельгина Е. Б. Психология имиджа. — М., 2002. — С. 223.
8. Розум С. И. Психология социализации и социальной адаптации человека. — СПб.: Речь, 2006. — 364 с.
9. Селезнева Н. А. К вопросу о социально-психологической адаптации студентов к условиям учебной работы в вузе // Ученые записки Казан. гос. акад. вет. мед. им. Н. Э. Баумана. — 2010. — Т. 202. — С. 331–336.
10. Чернышева О. В. Особенности социально-психологической адаптации студентов к обучению в вузе // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. — 2012. — № 4. — С. 261–264.

References

1. Anonova S. I. Professional'no-lichnostnye kharakteristiki studentov-menedzherov [Professional-personal characteristics of students-managers]. *Aktual'nye teoreticheskie i prikladnye problemy — Recent theoretical and applied problems*. Proc. 10th ann. Int. sci. and pract. conf. Irkutsk, 2009. P. 478.
2. Dontsov I. I., Belokrylova G. M. Professional'nye predstavleniya studentov-psikhologov [Professional representations of students-psychologists]. *Voprosy psikhologii — Problems of Psychology*. 1999. No. 2.
3. Mironova T. L. Lichnostnye osobennosti bezrabotnykh zhenshchin v zavisimosti ot faktora sotsial'no-psikhologicheskoi adaptirovannosti [Personal characteristics of unemployed women according to the factor of social and psychological adaptation]. *Ekonomicheskaya psikhologiya: aktual'nye teoreticheskie i prikladnye problemy — Economic Psychology: Current theoretical and applied problems*. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law publ., 2010. Pp. 76–86.
4. Mironova T. L., Mogordoeva A. A. Vzaimosvyaz' lichnostnykh osobennostei i sotsial'no-psikhologicheskoi adaptirovannosti bezrabotnykh zhenshchin [The relationship of personal characteristics and socio-psychological adaptation of unemployed women]. *Ekonomicheskaya psikhologiya: aktual'nye teoreticheskie i prikladnye problem — Economic Psychology: Current theoretical and applied problems*. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law publ., 2011. Pp. 270–277.
5. Molodtsova T. D. Dezadaptatsiya podrostkov: analiz i diagnostika [Adolescents maladjustment: analysis and diagnosis]. *Vospitatel'naya rabota v shkole — Educational work in school*. 2009. No. 1. Pp. 109–112.
6. Ovchinnikov M. V. *Struktura i dinamika motivatsii ucheniya studentov pedagogicheskogo vuza. Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Structure and dynamics of learning motivation of pedagogical high school students. Author's abstract of Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2008.
7. Perelygina E. B. *Psikhologiya imidzha* [Psychology of image]. Moscow, 2002. P. 223.
8. Rozum S. I. *Psikhologiya sotsializatsii i sotsial'noi adaptatsii cheloveka* [Psychology of socialization and social adaptation]. St Petersburg: Rech', 2006. 364 p.
9. Selezneva N. A. K voprosu o sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii studentov k usloviyam uchebnoi raboty v vuze [To the problem of students' socio-psychological adaptation to academic work conditions at the university]. *Uchenye zapiski Kazanskoi Gosudarstvennoi Akademii veterinarnoi meditsiny im. N. E. Bauman — Scientific notes of N. E. Bauman Kazan State Academy of Veterinary Medicine*. 2010. V. 202. Pp. 331–336.
10. Chernysheva O. V. Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii studentov k obucheniyu v vuze [Features of students' social and psychological adaptation to training in high school]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta — Proceedings of South-Western State University*. 2012. No. 4. Pp. 261–264.

IV. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

УДК 152.32

МОДИФИКАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ: ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Дугарова Туяна Цыреновна

доктор психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: dugarovatts@mail.ru

В статье рассматриваются модификации этнического самосознания, обостряющиеся в эпоху нестабильности общества. Раскрыта психологическая природа экстремальных форм этнического самосознания. Выявлена типология экстремальных форм этнического самосознания, включающая экстремальный и маргинальный типы. Обобщены сведения о том, что крайние типы модификации этнического самосознания личности (гиперидентичность, маргинальность) ведут к развитию экстремистских установок как социально опасного психологического феномена. Проведенное исследование в рамках международного проекта «Студенческая молодежь о межнациональных контактах» на территории Иркутской области (опрошено 638 студентов) и Республики Бурятия (опрошено 342 студента) выявило наличие ксенофобии, предубеждений в студенческой среде. На основе анализа проведенных исследований намечены направления профилактики экстремизма в студенческой среде.

Ключевые слова: этническое самосознание, ксенофобия, гиперидентичность, маргинальная идентичность, профилактика экстремизма.

MODIFICATIONS OF ETHNIC IDENTITY: PREVENTION OF EXTREMISM AMONG STUDENTS

Tuyana Ts. Dugarova

Let. D., A/Professor, Buryat State University
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article deals with modifications of ethnic identity, escalating in the era of society instability; psychological nature of ethnic identity extreme forms was revealed. We first identified a typology of ethnic identity extreme forms, including extreme and marginal types. Modification of ethnic self-consciousness leads to development of xenophobia and extremist attitudes as socially dangerous psychological phenomenon. It was established that extreme types of modifications of person's ethnic identity (hyperidentity, marginality) caused extremist attitudes formation. The research within the project "Student youth about international contacts", carried out on the territory of Irkutsk Oblast (638 respondents) and the Republic of Buryatia (342 respondents), revealed the presence of xenophobia, prejudice among students. On the base of the research analysis directions of extremism prevention among students were identified.

Keywords: ethnic identity, xenophobia, hyperidentity, marginal identity, extremism preventing.

В условиях изменения привычной системы ценностей возникает опасность кризиса идентичности в ходе приспособления к постоянно меняющимся условиям, где представлены противоположные по своей направленности ценности. Человек современного общества, занятый мифотворчеством, характеризуется «парадоксальной» мозаичностью самосознания (Ж. Т. Тощенко). Известно, что в условиях неопределенности, миф становится одним из немногих средств, способных соединить (интегрировать) «расколотую» реальность. Исследователи выделяют специфичные черты молодежного сознания: социальное дезертирство; алогичность социального мышления, доводимая в своих крайних формах до легитимации абсурда; тотальная негативная саморефлексия и самооценка, проявляющаяся в типично мазохистском унижении собственной истории, культуры, в отрицании социальной перспективы; массовая общественная апатия и равнодушие. Данные характеристики массового сознания молодежи делают его максимально восприимчивым к мифологии, в том числе и к мифологии экстремизма.

Особое отношение к «чужим» на осознаваемом и неосознаваемом уровнях, конфликтность демонстрируют подростки и молодежь с низким уровнем принятия себя и других, недостаточным уровнем развития ответственности. Усиливается необходимость принятия профилактических мер во избежание противопоставления «своих» и «чужих», профилактики межэтнических конфликтов.

Идентичность человека формируется на протяжении всего жизненного пути через процессы идентификации и обособления в условиях взаимодействия с другими. В обыденной жизни, как правило, у индивидов преобладает личностный уровень, в кризисных жизненных ситуациях, в условиях радикальных изменений в обществе индивид ищет социальную группу поддержки для усиления своего «Я». Он выходит за пределы своего «Я», ищет группу, групповую идентичность, сознательно декларируя свою неразрывную связь с общностью, этносом.

В условиях взаимодействия «своих — других» формируются три типа этнической идентичности:

- нормальная позитивная идентичность, при которой позитивный этнический образ не влияет на толерантность к другой(им) культуре(ам);
- экстремальные типы идентичности: эгоцентрическая идентичность, приводящая к обособлению или нетерпимости к другим этносам; этнодоминирующая идентичность с идеями собственного превосходства (ксенофобия, этноцентризм); этнический фанатизм (от экстремизма до терроризма);
- маргинальные типы идентичности: этническая индифферентность (безразличие), этнонигилизм (отрицание); амбивалентная идентичность.

Понятие позитивной идентичности включает в себя позитивное отношение к «собственной» и «другим» группам. Позитивная идентичность рассматривается как психологическая «норма» многообразия, которая выступает условием мирного взаимодействия в многополярном мире. Позитивная групповая идентичность членов группы — гарантия стабильности и самостоятельности личности, адекватного функционирования личности в социуме.

Гиперидентичность — это выраженное стремление человека идентифицировать себя со «своей» группой, преувеличение положительного образа «своей» группы на основе абсолютной убежденности превосходства «своей» над «чужой» группой. В основе гиперидентичности лежит *этноцентризм* — радикальное разделение на «своих» и «чужих», отрицательно окрашенные образы «чужих» и негативные установки по отношению к ним, абсолютизация «своей» группы. В случае формирования сознания по типу гиперидентичности человек определяет врагов — «чужих», от которых ему надо защищать себя и свою группу. Данная модификация этнического самосознания личности ведет к развитию ксенофобии, экстремистских установок как социально опасного психологического феномена.

Ксенофобия (боязнь чужих) как социально опасный феномен рассматривается в ряду наиболее актуальных проблем современного мира. Психологический механизм «мы — они» определяет формирование негативных стереотипов и предрассудков, отталкивающих образов врага, разных форм дискриминации. Согласно Г. В. Солдатовой, стремление человека делить мир на «мы» и «они» — одна из базовых особенностей человеческой природы и центральный психологический механизм ксенофобии. Стратегия предпочтения «мы — группы» и стратегия отчуждения по отношению ко всем чужим «они — группам» были обусловлены законами выживания в обществе и оказались востребованными в современном обществе. «Ксенофобия осталась в нас со времен первобытно-племенного строя — нетерпимость к чужакам, доходящая до физиологического отвращения, желание уничтожить или как минимум дискриминировать. Ксенофобия сформировалась как естественная реакция племени на внешнюю угрозу со стороны других племен. Но в ходе эволюции в нас возникли и другие стремления — к равенству, свободе, миру и солидарности с другими людьми. Свои расистские импульсы важно научиться осознавать и контролировать», — объясняет социальный философ, эксперт Совета Европы Андрей Юров.

Ксенофобия проявляется как защита от «других» и выражается через формы отчуждения (стремление к полной или частичной изоляции, предрассудки, дискриминация, насилие, агрессия).

Своеобразие толерантного (или интолерантного) отношения к другим этносам в существенной степени определяется особенностями собственной этнической идентичности. В исследованиях выявлено, что принятие (актуализация) этнической позиции, этнического самосознания принципиально изменяет смысловой горизонт видения национальной проблематики. Также установлено, что позиции подростков относительно «национального вопроса» в значительной степени зависят от того, идентифицируют ли они себя как представители национального большинства или меньшинства. Необходимо отметить, что представители национального большинства в значительной степени склонны проявлять жесткие, порой интолерантные установки. В то же время представители национальных мень-

шинств склонны, по мнению В. С. Собкина и В. А. Рабиновича, достаточно остро переживать «национальный вопрос», что зачастую приводит к защитным реакциям, к кажущемуся «отсутствию мнения» по «национальному вопросу».

Проблема маргинальной личности рассматривается как одна из наиболее актуальных в контексте проблем межэтнического взаимодействия. Маргинальное самосознание как модификация этнического самосознания отражает отсутствие идентификации как со своей, так и другой этнической группой. Маргинальность рассматривается многими исследователями как кризисная ситуация с негативными последствиями для личности.

Основной характеристикой «гибридов культур» является одновременное присутствие элементов двух различных этнокультур в языке, стереотипах поведения и т. д. А. Б. Мулдашева выделяет две основные формы этнокультурной маргинальности: 1) объективная этнокультурная маргинальность при отсутствии субъективного ощущения кризиса этнической идентичности; 2) этнопсихологическая двойственность отличается наличием выраженного субъективного переживания кризиса этнической идентичности. Проявление этнокультурной маргинальности в форме этнопсихологической двойственности сопровождается аффективной насыщенностью восприятия ситуации маргинальности, увеличением возможности негативной окраски отношения к «другим», лабильностью, неустойчивостью межэтнических установок. На уровне личности этнопсихологическая двойственность может проявляться в различных вариантах и возможно выделение личностной типологии маргиналов.

Н. М. Лебедева также подчеркивает, что индивиды с маргинальной идентичностью «балансируют» между двумя культурами, не овладевая нормами и ценностями ни одной из них. Подобные маргиналы, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты, симптомами которых могут являться тревога, неуверенность, беспомощность, что в согласии с теорией управления тревожностью/неопределенностью может привести к негативным межэтническим установкам и стереотипам, т. е. этнической интолерантности.

По результатам исследования С. Мутерперель у группы подростков-маргиналов проявляется особый драматизм переживания собственной национальной принадлежности, особый внутренний конфликт, связанный с национальным самоопределением. Подобный конфликт сопровождается переживанием чувства стыда, желанием «отказаться» от собственной национальности.

Как показали исследования, отсутствие отношения к проблеме межнационального взаимодействия приводит к отчуждению морально-культурных норм как своего, так и другого этноса. Неудовлетворенность своим этническим статусом, низкая самооценка и переживание чувства ущербности либо стыда часто приводят к тому, что другие культурные этнические группы воспринимаются человеком враждебно. Интенсивная позитивная этническая идентичность благоприятствует межкультурному восприятию и общению. Человек с такой этнической идентичностью лишен предубеждений и враждебности. Будучи патриотом своей культуры, он заинтересованно и толерантно воспринимает представителей других культур. Отметим, неопределенность этнического самосознания вкупе с ее позитивностью допускает наличие как этнической толерантности, так и этнической интолерантности.

Следующей модификацией этнического самосознания выступает «неоформленность» этнического самосознания. Это может быть результатом взаимодействия объективных и субъективных факторов: низкой значимости этнической категоризации, близости взаимодействующих культур и т. д. Сочетание позитивности и амбивалентности этнической идентичности предполагает реализацию тех стратегий межкультурного взаимодействия, которые нацелены на более четкое позиционирование себя в этнокультурном пространстве посредством манипуляции социальной дистанцией, активизацией установок на поддержание своей культуры и на разделение по этническому и конфессиональному признакам. Все эти стратегии выполняют роль культурных маркеров, способствующих росту четкости и определенности этнической идентичности.

Обобщая основные положения теории этнического самосознания, отметим, что это сложный процесс, сопряженный со множеством проблем и препятствий для взаимного понимания и принятия. Усилия исследователей направлены на поиски путей преодоления проблем межэтнического взаимодействия.

Нами проведено исследование в рамках международного проекта «Студенческая молодежь о межнациональных контактах» на территории Иркутской области (опрошено 638 студентов) и Республики Бурятия (опрошено 342 студента). В ходе исследования использовалась специально разработанная анкета (автор А. Д. Карнышев) для сбора стандартной информации и высказываний респондентов об их ценностных ориентациях, отношении к своей этнической группе и доминантной этно-

культурной группе, общей оценке жизненной ситуации, специфике социального положения и обстоятельств жизни. Сравнительный анализ данных показал, что для студентов, независимо от места проживания, в равной степени свойственны способность избегать межэтнических конфликтных ситуаций, терпимость к противоположным взглядам и мнениям, понимание своеобразия разных народов, умение найти подход к представителям других национальностей. По мнению студентов, причинами, больше всего влияющими на ухудшение межнациональных отношений, являются «самолюбие, этноцентризм у представителей некоторых народов». При ответе на вопрос «Кого бы вы постарались избежать любыми способами при выборе попутчика с конкретными религиозными предпочтениями для длительного путешествия?» респондентами обеих групп был выбран ответ «Мусульманство» (22,4 и 13,5 %). Наше исследование выявило, что ксенофобия проявляется как защита от «других» через формы отчуждения (стремление к полной или частичной изоляции от «кавказцев» (18,8 и 6,2 %), предрассудки, дискриминация, агрессия).

Анализ опыта разных стран в области профилактики экстремизма показывает, что соответствующим образом построенное образование является важнейшим фактором осознания общности человечества, развития толерантного мышления, свободного от предубеждений и ксенофобии. Образование, повышение общей культуры позволяют в той или иной степени снять недостатки повседневного мышления, и это одна из существенных причин, определяющая мощное позитивное влияние фактора образования на развитие позитивной этнической идентичности, профилактики и преодоление экстремистских установок. Н. М. Лебедевой, О. В. Луневой, Т. Г. Стефаненко представлена программа обучения навыкам конструктивного межкультурного диалога для старшеклассников полиэтнических регионов школ Российской Федерации. В программу включены методы тренинга этнокультурной сензитивности и компетентности, преодоления этнических предубеждений и негативных стереотипов, нацеленные на формирование этнической толерантности и единой для всех народов России позитивной общероссийской идентичности.

В зарубежных странах большое внимание уделяется дошкольной подготовке детей, развитию у них этнокультурной компетентности. Дети, прошедшие обучение в подготовительных центрах, как правило, быстрее адаптируются к школьной среде, у них «снимаются» межэтнические барьеры, затрудняющие процесс освоения школьной программы. В процессе дошкольной подготовки реализуются программы подготовки к школе.

Психологический аспект оптимизации межэтнического взаимодействия, профилактики экстремизма неразрывно связан с усилением когнитивного аспекта обучения молодежи, рационализацией воздействия на молодых людей. В содержательном отношении рационализация (повышение общего уровня когнитивного развития) означает:

- развитие логического мышления, утверждение понятийного мышления, проявляющегося в способности дать дефиниции широкому кругу явлений, в том числе и относящихся к психоэмоциональным состояниям, возникающим в ходе межличностного и межгруппового взаимодействия (вербализация);
- формирование навыков критического мышления на основе использования научных знаний;
- наличие ясного представления о собственных целях и целях окружающих, формулируемых в адекватных понятиях;
- обретение способности к альтернативному мышлению, предполагающему допущение различных вариантов развития ситуации, умение выбрать наиболее оптимальный вариант и обосновать этот выбор (развитие дивергентного мышления).

Тема экстремизма и ксенофобии в студенческой среде должна рассматриваться как актуальная и обсуждаться на уровне работников органов государственного и муниципального управления с привлечением общественности, церкви и ученых. Реализация программы профилактики экстремизма в студенческой среде должна быть направлена для повышения эффективности процесса самореализации, социальной адаптации студентов. Речь идет о комплексе программ психолого-педагогической поддержки студентов, включая подготовку кураторов студенческих групп, профессорско-преподавательского состава, специалистов студенческих научных обществ, школ, центров.

Комплекс мероприятий по профилактике экстремизма и ксенофобии включает преподавание предметов и ведение факультативов правового, гражданского и духовно-нравственного воспитания, проведение дней родного и русского языка, активизацию исследовательских работ, тренинги по развитию критического мышления, уверенного поведения, межкультурной сензитивности. Внеурочная деятельность предполагает проведение круглых столов, направленных на профилактику экстремизма

и ксенофобии, родительские собрания по профилактике терроризма, экстремизма, ксенофобии с участием работников правоохранительных органов, представителей религиозных организаций.

Психолого-педагогические технологии профилактики экстремизма в молодежной среде — это система специальных мер, применяемых в процессе воспитания и обучения подростков и молодежи, направленных на развитие позитивной этнической идентичности, на выявление и устранение причин и условий возникновения и развития физических, психологических и социокультурных характеристик, способствующих формированию экстремистских установок личности.

Литература

1. Апанасюк Л. А. Теоретико-методологические основы профилактики ксенофобии в студенческой среде средствами социально-культурной деятельности: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. — Тамбов, 2014. — С. 26.
2. Бузыкина Ю. С. Психологические аспекты отношения к проявлениям экстремизма у студентов вузов и учащихся школ // Пенз. психол. вест. — 2014. — С. 19–37.
3. Батуева В. Б., Дугарова Т. Ц. Гиперидентичность как феномен деструктивной личности // Актуальные проблемы развития личности в онтогенезе: сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. студ. и асп. — Киров, 2014. — С. 24–26.
4. Дугарова Т. Ц. Особенности этнического самосознания современных бурят России: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2011.
5. Кирсанов А. И., Давыдов Д. Г., Завальский А. В., Скрибцова Н. А. Экстремизм в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) // Психологическая наука и образование. — 2014. — № 1. — С. 85–99.
6. Мухина В. С. Дугарова Т. Ц. Ментальные особенности современных бурят России // Развитие личности. — 2010. — № 2. — С. 164–175.
7. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета: учеб. / под ред. И. В. Абакумовой, П. Н. Ермакова. — М.: Кредо, 2013.
8. Солдатова Г. В. Психологические механизмы ксенофобии // Психологический журнал. — 2006. — № 6. — С. 5–17.
9. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. — М.: Академический проект, 1999. — 320 с.
10. Тощенко Ж. Т. Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. — 2004. — № 12.
11. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности // Психологический журнал. — 2005. — Т. 26, № 3. — С. 51–65.
12. Мутерперель С. Этническая идентичность и толерантность в подростковой субкультуре // Проблемы еврейского самосознания: сб. ст. — 2004. — Вып. 14. — С. 158–177.
13. Собкин В. С., Рабинович В. А. Идентичность и политическое самоопределение подростка: национальный и религиозный аспекты // Социокультурные трансформации подростковой субкультуры: тр. по социологии образования. — 2006. — Т. 11, вып. 20. — С. 31–62.
14. Мулдашева А. Б. Роль этнопсихологической двойственности в межнациональных отношениях: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 1991.
15. Солдатова Г. У., Макаруч А. В. Может ли другая стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. — М., 2006.
16. Солдатова Г. У., Кричевец А. Н., Фалилеева Е. Мониторинг толерантности, социального доверия и ксенофобии. — Бюл. № 1. — М., 2004.
17. Тренинг этнической толерантности для школьников. — М.: Привет, 2004.

References

1. Apanasyuk L. A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy profilaktiki ksenofobii v studencheskoi srede sredstvami sotsial'no-kul'turnoi deyatel'nosti. Avtoref. dis...d-ra ped. nauk* [Theoretical and methodological framework for prevention of xenophobia among students by means of social and cultural activities. Author's abstract of Dr. ped. sci. diss.]. Tambov, 2014. P. 26.
2. Buzykina Yu. S. *Psikhologicheskie aspekty otnosheniya k proyavleniyam ekstremizma u studentov vuzov i uchashchikhsya shkol* [Psychological aspects of university students' and school pupils' relation to extremism manifestations]. *Penzenskii psikhologicheskii vestnik — Penza Psychological Bulletin*. 2014. Pp. 19–37.
3. Batueva V. B., Dugarova T. Ts. *Giperidentichnost' kak fenomen destruktivnoi lichnosti* [Hyperidentity as a phenomenon of destructive personality]. *Aktual'nye problemy razvitiya lichnosti v ontogeneze — Actual problems of personality development in ontogenesis*. Proc. 3rd All-Rus. sci. and pract. conf. of students and graduate students. Kirov, 2014. Pp. 24–26.

4. Dugarova T. Ts. *Osobennosti etnicheskogo samosoznaniya sovremennykh buryat Rossii. Avtoref. dis...d-ra psikh. nauk* [The features of modern Russian Buryats ethnic identity. Author's abstract of Dr. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2011.
5. Kirsanov A. I., Davydov D. G., Zaval'skii A. V., Skribtsova N. A. Ekstremizm v molodezhnoi srede i ego profilaktika v obrazovatel'noi organizatsii (po rezul'tatam ekspertnogo oprosa) [Extremism among young people and its prevention in educational institutions (expert survey)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie — Psychological Science and Education*. 2014. No. 1. Pp. 85–99. Available at: www.psyedu.ru.
6. Mukhina V. S. Dugarova T. Ts. Mental'nye osobennosti sovremennykh buryat Rossii [Mental features of modern Russian Buryats]. *Razvitie lichnosti — Personal development*. 2010. No. 2. Pp. 164–175.
7. *Psikhologiya formirovaniya antiterroristicheskikh tsennostei studentov sovremennogo universiteta* [Psychology of anti-terrorism values formation of modern university students]. Moscow: KREDO, 2013.
8. Soldatova G. V. Psikhologicheskie mekhanizmy ksenofobii [Psychological mechanisms of xenophobia]. *Psikhologicheskii zhurnal — Psychological Journal*. 2006. No. 6. Pp. 5–17.
9. Stefanenko T. G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Akademicheskii proekt, 1999. 320 p.
10. Toshchenko Zh. T. Fantomy obshchestvennogo soznaniya i povedeniya [Phantoms of public consciousness and behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological studies*. 2004. No. 12.
11. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Etnicheskaya identichnost', status gruppy i tip rasseleniya kak faktory mezhhruppovoi intolerantnosti [Ethnic identity, group status, and type of settlement as factors of intergroup intolerance]. *Psikhologicheskii zhurnal — Psychological Journal*. 2005. V. 26. No. 3. Pp. 51–65.
12. Muterperel' S. Etnicheskaya identichnost' i tolerantnost' v podrostkovoii subkul'ture [Ethnic identity and tolerance in adolescent subculture]. *Problemy evreiskogo samosoznaniya — Problems of Jewish identity*. 2004. V. 14. Pp. 158–177.
13. Sobkin V. S., Rabinovich V. A. Identichnost' i politicheskoe samoopredelenie podrostka: natsional'nyi i religioznyi aspekty [Identity and political self-determination of a teenager: national and religious aspects]. *Sotsiokul'turnye transformatsii podrostkovoii subkul'tury: Trudy po sotsiologii obrazovaniya — Social and cultural transformations of adolescent subculture: Works on sociology of education*. 2006. Bk 11. V. 20. Pp. 31–62.
14. Muldasheva A. B. *Rol' etnopsikhologicheskoi dvoistvennosti v mezhnatsional'nykh omosheniyakh. Avtoref. dis... kand. psikh. nauk* [The role of ethno-psychological duality in international relations. Author's abstract of Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 1991.
15. Soldatova G. U., Makarchuk A. V. *Mozhet li drugoi stat' drugom? Trening po profilaktike ksenofobii* [Can another become a friend? Training on prevention of xenophobia]. Moscow, 2006.
16. Soldatova G. U., Krichevets A., Falileeva E. *Monitoring tolerantnosti, sotsial'nogo doveriya i ksenofobii* [Monitoring of tolerance, social trust and xenophobia]. Moscow, 2004.
17. *Trening etnicheskoi tolerantnosti dlya shkol'nikov* [Ethnic tolerance training for schoolchildren]. Moscow: Privet, 2004.

УДК 159.922.4

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Монсонова Арюна Раднанимаевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: monsonova@rambler.ru

В статье изложены результаты исследования системы ценностей молодежи, связанные с их этноконфессиональной и духовной направленностью. Автором представлена структура ценностных ориентаций этноконфессиональных групп Байкальского региона в виде четырехфакторной модели, основными элементами которой являются личностные и конфессиональные ценности, социальные нормы, духовность и потребность в самоактуализации, определяющие специфичность содержания системы ценностных ориентаций молодежи полиэтнического региона. Рассмотренная система ценностных ориентаций у представителей различных этноконфессий интегрирует различные подходы к объяснению ее содержания, реализуя базовые для отечественной психологии принципы единства сознания и деятельности, историзма, развития, личностного и системного подходов.

Анализ результатов диагностики особенностей структурно-содержательных характеристик системы ценностных ориентаций молодежи с поликонфессиональной принадлежностью позволил доказать, что специфика системы ценностных ориентаций заключается в полном обладании молодежью всем комплексом его содержания, при этом основными инструментами осознания становятся язык, внешнее сходство, обычаи, нравы, традиции, ценности. Важнейшими детерминантами особенностей системы ценностных ориентаций бурят выступают историческое прошлое, память, представления о родной земле, его предках, народное искусство, национальный характер.

Результаты диагностики подтвердили, что система ценностных ориентаций отличается специфичностью содержания его структурных компонентов, которые представлены в виде факторной модели и включают четыре однополярных фактора: «личностные ценности», «самореализация», «социальные нормы», «ответственность». К специфическим характеристикам относятся особенности, проявляющиеся в принадлежности к ценностям этнической культуры, укладе жизни, соблюдении традиций этноса.

Ключевые слова: этнос, конфессия, религия, ценности, духовность, студенты, молодежь, зрелость, самоопределение.

ETHNOCONFESSIONAL VALUES OF MODERN YOUTH

Aryuna R. Monsonova

PhD, A/Professor, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article presents the results of studying young people's values, associated with their ethnic, religious and spiritual orientation. We presented the value orientations structure of the Baikal region ethno-religious groups in the form of four-factor model, the main elements of which were personal and religious values, social norms, spirituality and need for self-actualization, that determined the specificity of value orientations content of youth in multiethnic region. The considered system of value orientations among representatives of different ethnic confessions integrated various approaches to explanation of its contents by implementing of basic for domestic psychology principles of consciousness and activity unity, historicism, development, personal and systemic approaches.

The analysis of structural and substantive characteristics of value orientations system of young people with multi-confessional affiliation allowed to prove that the specificity of value orientations system was in youth's full possession of whole complex of its content, and the basic tools of awareness were language, formal resemblance, customs, morals, traditions, values. The most important determinants of Buryats' value orientations system were presented by the historical past, memory, representations of native land and ancestors, folk art, national character.

The diagnostic results confirmed that value orientations system differentiated by specific content of its structural components, which were presented in the form of factor model and included four single-ended factors: "personal values", "self-realization", "social norms", and "responsibility". The specific characteristics were the peculiarities, manifested in belonging to ethnic culture values, way of living, respecting ethnic group traditions.

Keywords: ethnicity, confession, religion, values, spirituality, students, youth, maturity, self-determination.

Начало нового тысячелетия характеризуется усилением процесса развития всеобщего религиозного самосознания, которое отличается не только ростом числа верующих в мире, но и расщеплением религий на более мелкие единицы и формированием на их стыке или полярных полюсах новых конфессиональных групп, ветвей и течений [3]. Другим интересным феноменом мировой религиозности являются верующие без определенной принадлежности к какой-либо конфессии: они не связывают себя ни с какой религией, не ходят в храмы, не считают себя атеистами. Согласно «Атласу религий и национальностей», таких людей во всех странах мира становится все больше, и они являются заметной социальной группой. В России верующих без определенной принадлежности к какой-либо конфессии насчитывается 25 %, т. е. четверть населения, и наша страна занимает 5-е место в мире после Китая, Японии, США, Вьетнама. Основной костяк данной категории верующих в развитых странах составляет определенное поколение — люди, рожденные между 1966 и 1975 гг., после них идет молодежь 1990-х гг., у которой слабо выражена конфессиональная идентификация, их принцип — Бог един. Основными ценностями для них являются духовные, которые для всех религий в основном едины, становятся базовыми для человека, нормами его поведения, жизни, ценностно-смысловыми ориентациями. Это поколение сейчас входит в период политической и экономической зрелости, а значит, будут определять портрет эпохи. Данная новая реальность как один из глобальных вызовов современности требует внимания и изучения.

Представления и образные переживания, касающиеся высших духовно-нравственных и религиозных смыслов зрелой личности, какой является современный студент, практически не изучены в психологии. В особенности актуальна проблема изучения того, как духовное начало, мир идеальных объектов и духовных смыслов и сама духовность отражаются в образной сфере на разных стадиях становления зрелой личности [2]. В этом плане представления о духовности ценны, т. к. в них содержится самое главное, «священное» с точки зрения становления человека как зрелой личности. В связи с чем открыт вопрос характера изменений представлений о духовности на различных возрастных этапах онтогенеза.

Личность уже на ранних стадиях своего становления (18–20 лет, вступление во взрослость) в своем репертуаре мотивационных устремлений имеет представления вершинного, духовного уровня смысловой сферы как некий предельный прообраз будущего достижения (высшее акмэ). При движении к высшему акмэ личность проходит ряд смысловых переходов (экзистенциальных кризисов в известных возрастных границах), каждый из которых выводит к более высокому уровню зрелости.

Задача исследования – определить особенности зрелости ценностно-смысловой, духовной сферы личности, характерные для возраста 17–18 лет (ранняя юность, студенты младших курсов), 20–25 лет (юность, студенты старших курсов), 26–30 лет (ранняя зрелость, работающая молодежь).

Методологическими основами исследования являются подходы к психологии духовности (Б. С. Братусь, А. А. Гостев, И. М. Ильичева, Л. Н. Собчик, Н. А. Коваль, Д. А. Леонтьев, Н. В. Марьясова, В. И. Слободчиков, В. Д. Шадриков, В. Франкл, Л. В. Ясман и др.).

Методики исследования: самоактуализационный тест — САТ (адаптация Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозман и др.), методика «Свободный выбор ценностей» (Е. Б. Фанталова), методика «Заповеди блаженства» (Г. А. Аминев, Э. Г. Аминева, 1994), тест «Духовный дифференциал» (Г. А. Аминев, Р. И. Аминева, 1994), ассоциативный эксперимент на стимул «духовность», авторский этноконфессиональный опросник.

Исследование проведено на базе Бурятского государственного университета среди студентов младших и старших курсов, студентов заочного отделения (работающей молодежи) разных факультетов по 60 респондентов в каждой группе.

Особенности ценностных ориентаций представляют результаты, полученные по методике «Свободный выбор ценностей». Методика позволила выявить «ценностное ядро» (10 доминантных ценностей), ценностно-смысловые (внутренние) конфликты, ценности, усиливающие социальную адаптивность участников групп.

На статистически достоверном уровне (при $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$; крит. F угл. преобр. Фишера) определено, что возрастной группе 17–19 лет (1 группа) присущ широкий спектр ценностей – от стремления заявить о себе и самоутвердиться в глазах общества до увлечения спортом, музыкой, общением. В возрасте 20–25 лет (2 группа) приоритетны ценности, повышающие качество межличностной коммуникации (вежливость, сочувствие, понимание других, уважение и т. д.). Для возраста

25–30 лет (3 группа) на первый план выходят ценности семьи, семейного благополучия, актуальны ценности религиозные, морально-нравственные (вера в Бога, порядочность, доброта, честность, любовь к детям и т. д.).

Корреляционные связи (по Спирмену) позволили определить ценности-регулятивы, повышающие социальную адаптивность и стрессоустойчивость участников групп. На статистически достоверном уровне ($p \leq 0,05$) определено, что в первой группе — это самокритичность (рефлексия), во второй — взаимопонимание, сочувствие, в третьей — любовь к природе, вера в Бога (религиозность). Итоги корреляционного анализа позволили прийти к выводу о том, что ответственные отношения в возрасте 17–19 лет регламентируются в основе светскими принципами. Чем старше, тем сильнее включаются духовные принципы, в особенности религиозные мотивы (положительная корреляция при $<0,01$ ценности «вера в Бога»; 2, 3 группы). Как видно, с возрастом, по мере становления личности «вера в Бога» становится доминантной инстанцией, наподобие «Сверх-Я» (по Фрейду) при установлении социально ответственных отношений. Данный вывод особенно подкрепляет динамика показателей «ответственность перед собой». В 1, 2 группах (возрастной период от 17 до 25 лет) данные показатели незначительно отличаются между собой. Однако после 30 лет показатель «ответственности перед собой» снижается до 11,1 % (при $<0,05$; 4 группа), уступая место просоциальным и эсхатологическим смысловым установкам.

Результаты САТ показали значимые различия по 8 шкалам из 14 (t-тест Стьюдента, $p < 0,01$; U-критерий Манна — Уитни, $p < 0,05$), что дало основание к выводу о гетерогенности групп по параметрам САТ.

В период с 17 до 25 лет преобладает параметр «самоуважение» (Sr) как отражение проявления тенденции развития способности положительно относиться к самому себе, своим достоинствам и качествам характера, то есть принимать себя таким, каков есть. Начиная с 25 лет доминирует «представление о природе человека» (N), показывая склонность положительно принимать других людей по принципу «люди скорее добры». Данная тенденция может подкреплять гипотезу о повышении духовной зрелости с возрастом.

Методика «Заповеди блаженства» предназначена для стимулирования активного использования духовных понятий, проработки семантики и содержит 10 шкал [«Нищие духом, скромность» (Нд), «Плачущие, сочувствие, эмпатия» (Пл), «Кроткие, смиренные» (Кр), «Алчущие правды. Правдивость» (Пр), «Милостивые» (Мл), «Чистосердечные» (Чс), «Миротворцы, миролюбие» (Мт), «Страдалец, борец за права человека» (Ст), «Гонимые» (Гн), «Радость подвижничества» (Рп)]. Статистический анализ обнаружил, что показатели 3-й возрастной группы доминируют по 9 шкалам из 10 (Чс, Мт, Пл, Пв, Мл, Нд, Рп, Ст, Гн), что свидетельствует о значимых отличиях в уровне духовной зрелости (при $p \leq 0,01$: U-критерий Манна — Уитни). Респондентам этой группы характерна устойчивая направленность на развитие духовных способностей, высокая готовность к проявлению добродетели в поступке. Что касается остальных групп, то достоверные различия между 1-й и 2-й определены по двум шкалам (Кр, Мт), а между 1-й и 3-й — по одной шкале (Мл). Показатели групп 2 и 3 оказались гомогенными.

Анализ значимых корреляций («Заповеди блаженства», «Свободный выбор ценностей», САТ) показал наиболее выраженные отличия (при $<0,01$; Спирмен) по большинству шкал у крайних по возрасту групп: 1-й и 3-й, 2-й и 3-й, 1-й и 3-й. На этом основании группы можно разделить на три уровня исходя из готовности к осознанной духовной жизни (низкий, промежуточный, высокий).

Тест «Духовный дифференциал» позволил определить духовный потенциал личности в трех его показателях: духовная активность (ДА), духовная сила (ДС), духовная красота (ДК). Из представленных шкал в исследовательском плане нас интересовала шкала ДА, которая дает возможность увидеть принципиальное отличие между респондентами, которые лишь исповедуют духовность и реально реализуют духовные принципы на практике. Таким образом, по шкале ДА выявлено повышение показателей с 1-й по 3-ю группу (Т-балл: 1,96; 2,28; 2,65), причем достоверные различия определены лишь между крайними по возрасту группами — 1-й и 3-й (при $p \leq 0,05$; U-критерий Манна — Уитни). Высокий показатель ДА старшей возрастной группы свидетельствует о том, что ее участники в большей мере претворяют духовные ценности в поведении, отношениях с людьми и миром.

Корреляционные связи ДА с параметрами САТ 2-й и 3-й групп показали ($<0,05$; Спирмен), что положительная самооценка и самовосприятие оказывают преобладающее влияние на повышение духовной активности 2-й группы, а в 3-й группе положительное влияние оказывает способность быть «самим собой», вести себя раскованно, естественно выражать свои чувства и эмоции. Это можно

проинтерпретировать как тенденцию возрастания духовной зрелости, от 1-й группы к 3-й. Низкие показатели ДА 2-й группы вполне объяснимы возрастом, например, в диссертационном исследовании Д. Р. Базаровой получены аналогичные результаты на выборке студентов [1].

Обработка ассоциаций на стимул «духовность» осуществлялась посредством метода универсалий (Серкин В. П., 2004). По итогам метода универсалий определено общее семантическое ядро стимула «духовность» – это категории «любовь», «вера», «добро (доброта)», «религия», «душа», «поиск». В плане частных отличий определено, что у 1-й группы (17–19 лет) противоречивые, неопределенные духовные ориентации, одновременно актуальны разные сферы жизни («друзья», «уважение», «семья», «работа», «жизнь»). Категории «путь», «познание», «понимание» отличают более конкретно духовный поиск участников 2-й группы (20–25 лет), что нами проинтерпретировано как стремление духовно самоопределиться при выборе «путей» духовного развития. В спектр духовного поиска 3-й группы (25–30 лет) попали категории «церковь», «терпимость», что свидетельствует о растущем осознанном интересе к религиозной стороне жизни, внутреннему миру, к религиозным аспектам бытия человека (Бог, молитва), «знаниям о жизни после смерти», «о устройстве мироздания» (в том числе потустороннего), о «мировом духовном опыте».

Этноконфессиональный опросник выявил эмоциональное отношение к этноконфессиональным ценностям в значении «духовные переживания». При первичной обработке результаты группировались по уровням развитости эмоциональных проявлений (подход С. Л. Рубинштейна, 2007). В результате выявлено 16 типов переживаний. К общим особенностям духовных переживаний следует отнести «кризисные (депрессивные)» и «гностические (интеллектуальные)» переживания, показатель которых по значимости в каждой группе оказался на первых двух позициях (при $\phi \leq 0,01$). В частном плане в 1-й группе преобладают «агрессивные», «аскетические», «тревожно-фобические» и «эгоцентрические» переживания, во 2-й группе — «аскетические» переживания и переживания о состоянии здоровья, в 3-й группе — «аскетические», «альтруистические» и «религиозные» переживания.

Проективное рисуночное исследование «Мой мир» показало, что образы духовности оказывают существенное влияние на поведение и отношения личности, стимулируют развитие способностей и умений, пробуждают духовную активность. Действительно, оказывается духовность может быть «мало развитой», быть «в зачаточном состоянии» (Н. Бердяев, И. Ильин и др.).

Образы высшего уровня духовности отражают общую идею завершенности, целостности и интегративности (солнце, круг, колесо). Данный факт является подтверждением на эмпирическом уровне сущностных интегративных оснований духовности. В целом данным образом характерна композиционная открытость, активность, направленность вверх. На уровне ощущений смысла образы высокого уровня духовности воспринимаются как *динамичные, нестабильные, абстрактные и открытые*. Каждая из указанных характеристик с возрастом имеет свойство менять свои функции с отрицательных на положительные, такая тенденция свидетельствует о происходящих во внутреннем мире «смысловых метаморфозах» (В. И. Слободчиков), конструктивных изменениях.

Можно сделать вывод, что на разных стадиях становления личности представления о духовности меняются качественно и могут быть раскрыты через анализ ценностных ориентаций.

Для периода ранней юности (17–19 лет) характерно стремление заявить о себе, самоутвердиться в глазах общества (спорт, музыка, общение). Духовность трактуется как состояние внутренней устремленности в будущее.

Для возраста 20–25 лет приоритетны ценности, повышающие качество межличностной коммуникации (вежливость, сочувствие, понимание других, уважение и т. д.). Духовность ассоциируется с развитием личностных качеств.

Для возраста 25–30 лет на первый план выходят ценности семейного благополучия (наличие детей и семьи, отдых, домашний уют и т. д.). Более актуализируются религиозные ценности и ценности самоактуализации (вера в Бога, познание, саморегуляция, мудрость и т. д.). Духовность толкуется в контексте развития внутреннего мира, понимается в религиозном смысле как общение с Богом, как исполнение канонов и традиций и способность служить людям.

Выявлено, что в ходе становления личности повышается готовность жить духовной жизнью, духовными ценностями и принципами жизни, значительно усиливается духовная активность. В ходе становления зрелой личности, с возрастом, объект духовного поиска качественно меняет характеристики: от объективных (предметных, внешних) к субъективным (психическим, внутренним); от рациональных (оценка и понимание законов внешнего, материального, предметного мира) к иррациональным (оценка и понимание законов внутреннего, духовного, трансцендентного мира); от светских представлений к религиозным; от эгоистичных целей к альтруистичным.

Изменение представлений о духовности влечет изменение смыслов жизни, отношений, поступков, поведения. Это влияние взаимообратное. Следовательно, представления о духовности могут рассматриваться как критерии становления зрелой личности, ее движением к «акмэ».

Литература

1. Базарова Д. Р. Ценностно-смысловые детерминанты структурно-содержательных характеристик образа мира молодежи в контексте психосемантического подхода: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Хабаровск, 2011. — 24 с.
2. Локтев К. И., Василенко В. С. Особенности адаптивного поведения у людей с разным уровнем развитости смысловой сферы личности и представлениями о развитии духовности // В мире научных открытий. — 2013. — № 9(45). — С. 254–276.
3. Монсонова А.Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций молодежи (на примере Байкальского региона). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — 136 с.

References

1. Bazarova D. R. *Tsennostno-smyslovye determinanty strukturno-soderzhatel'nykh kharakteristik obraza mira molodezhi v kontekste psikhosemanticheskogo podkhoda: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Value-semantic determinants of structural and substantial characteristics of youth's world image in the context of psychosemantic approach. Author's abstract of Cand. psychol. sci. diss.]. Khabarovsk, 2011. 24 p.
2. Loktev K. I., Vasilenko V. S. *Osobennosti adaptivnogo povedeniya u lyudei s raznym urovnem razvitosti smyslovoi sfery lichnosti i predstavleniyami o razvitii dukhovnosti* [Adaptive behavior features of people with different levels of person semantic sphere development and ideas about intellectual development]. *V mire nauchnykh otkrytii — In the world of scientific discoveries*. Krasnoyarsk, 2013. No. 9(45). Pp. 254–276.
3. Monsonova A. R. *Etnokonfessional'naya prinadlezhnost' kak faktor formirovaniya sistemy tsennostnykh orientatsii molodezhi (na primere Baikal'skogo regiona)* [Ethno-confessional affiliation as a factor of youth's value orientations formation (on the example of the Baikal region)]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2010. 136 p.

УДК 159.9.07

ТИПОЛОГИЯ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА У ПОДРОСТКОВ***Бадиев Игорь Валерьевич***

преподаватель кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: bad_igor@mail.ru

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи эмоциональных и волевых свойств подростков с типом акцентуации характера. Рассматриваются основные подходы к изучению характера, проблемы его определения и операционализации, связи со смежными категориями. Характер определяется как устойчивый способ эмоционально-волевого реагирования индивида на среду. Данное определение противопоставляется пониманию характера как морально-этической оценки личности. Таким образом, мы полагаем, что характер можно определить через эмоциональные и волевые свойства. Под акцентуацией характера понимается чрезмерно выраженная черта характера, которая делает индивида уязвимым к специфическим воздействиям. В исследовании мы опираемся на типологию акцентуаций характера А. Е. Личко. Недостатком типологического подхода к изучению характера является отсутствие единого основания для их классификации. В работе впервые осуществлена попытка соотнести типологию акцентуаций характера с эмоционально-волевыми свойствами в качестве основания таксономии характеров. В ходе исследования выявлены степени выраженности эмоциональных и волевых свойств подростков с определенными типами акцентуаций характера, приведены описания данных типов в контексте эмоционально-волевого реагирования, в противовес описанию типичных поведенческих реакций.

Ключевые слова: акцентуация характера, эмоциональные свойства, волевые качества, таксономия характеров, эмоционально-волевое реагирование, подростковый возраст.

TYPOLOGY OF ADOLESCENTS' CHARACTER ACCENTUATIONS***Igor V. Badiev***

Senior Lecturer, Buryat State University

24a, Smolina Str., 670000 Ulan-Ude, Russia

The article presented the results of studying correlation of emotional and volitional characteristics of adolescents with a character accentuation type. The main approaches to character studying, problems of its definition and operationalization, connection with other categories were considered. Character was defined as sustainable ways of emotional and volitional response of an individual to environment. This definition is opposed to understanding of character as moral and ethical evaluation of an individual. Thus, we believe that character could be determined through emotional and volitional qualities. Accentuation of character mean excessively expressed trait that makes an individual vulnerable to specific influences. In the study, we relied on A. E. Lichko's typology of character accentuations. The disadvantage of typological approach to character studying was a lack of common basis for accentuations classification. We first made an attempt to correlate character accentuations typology with emotional and volitional qualities as a base of characters taxonomy. During the study the severity of emotional and volitional characteristics of adolescents with certain types of character accentuations was revealed, the descriptions of these character accentuations types in the context of emotional and volitional response were given as opposed to description of typical behavioral reactions.

Keywords: character accentuation, emotional properties, volitional qualities, characters taxonomy.

Термин «акцентуация» как чрезмерно выраженная индивидуальная черта, имеющая тенденцию к переходу в патологическое состояние, был введен Карлом Леонгардом [1, с. 75]. Психолог выразил свое понимание акцентуированной личности: «Личности, обозначаемые нами как акцентуированные, не являются патологическими. При ином толковании мы бы вынуждены были прийти к выводу, что нормальным следует считать только среднего человека, а всякое отклонение от такой середины должны были бы признать патологией» [1, с. 75].

При каждом типе акцентуации характера личность человека может быть различной. Так, эпилептоид может быть и аморальным преступником, и борцом за свободу, и истово верующим, и ярким атеистом [2]. А. Е. Личко, развивая идею об акцентуациях, указывал, что «...правильнее было бы говорить не об акцентуированных личностях, а об акцентуациях характера. Личность — понятие более широкое, оно включает интеллект, способности, мировоззрение и т. п. Характер считается базисом

личности, он формируется в основном в подростковом возрасте, личность как целое — уже при взрослении. Именно типы характера, а не личности в целом описаны К. Леонгардом, именно особенности характера отличают в его описаниях один тип от другого» [3, с. 8].

Под акцентуацией характера А. Е. Личко понимал «крайние варианты его нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, отчего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим» [3, с. 9]. Таким образом, диагностическим критерием акцентуации характера явилось «место наименьшего сопротивления» [3, с. 8], то есть такое специфическое для определенного типа акцентуации характера психогенное воздействие, которое вызывает дезадаптивное поведение. При этом подросток с другим типом акцентуации может проявлять к данному воздействию повышенную устойчивость.

А. Е. Личко выделил следующие типы акцентуаций характера у подростков: 1 — гипертимный, 2 — циклоидный, 3 — лабильный, 4 — астено-невротический, 5 — психастенический, 6 — истероидный, 7 — эпилептоидный, 8 — шизоидный, 9 — сенситивный, 10 — неустойчивый, 11 — конформный. В своей монографии автор типологии указывает, что частота встречаемости акцентуаций характера среди популяции здоровых подростков в различных учебных заведениях, по данным Н. Я. Иванова, колеблется от 33 до 88 % [3].

При понимании под характером базиса личности, формирующийся в подростковом возрасте, возникает вопрос о тех конкретных психических феноменах, которые составляют характер, каковы его компоненты. С. Л. Рубинштейн определял характер следующим образом: «Черты характера — это те существенные свойства человека, из которых с определенной логикой и внутренней последовательностью вытекает одна линия поведения, одни поступки и которыми исключаются как несовместимые с ними, им противоречащие, другие» [4, с. 664]. Ю. Б. Гиппенрейтер определяет характер как «совокупность устойчивых свойств индивида, в которых выражаются способы его поведения и способы эмоционального реагирования» [5, с. 336].

Под характером мы будем понимать устойчивые способы реагирования человека на других людей в ситуациях обыденной жизни и в экстремальных ситуациях. Мы полагаем, что устойчивые способы реагирования формируются под влиянием эмоциональных и волевых свойств человека [6].

Нами была сформулирована задача установить, какие именно эмоциональные и волевые свойства определяют своеобразие проявлений конкретного типа акцентуации характера. Е. П. Ильин отнес к эмоциональным и волевым свойствам человека следующие проявления: эмоциональная возбудимость, глубина переживания эмоции, эмоциональная устойчивость, эмоциональная лабильность, оптимизм, эмоциональная отзывчивость, экспрессивность, терпеливость, упорство, настойчивость, смелость, решительность, выдержка [7, 8].

Определение степени выраженности тех или иных эмоциональных и волевых свойств акцентуированных подростков позволило дать нам описания типов акцентуаций характера, представленные ниже.

В исследовании приняли участие подростки в возрасте от 14 до 17 лет — ученики 9–11-х классов общеобразовательных школ. Нами были сформированы две возрастные группы: 50 мальчиков и 50 девочек в возрасте 14–15 лет, 50 мальчиков и 50 девочек в возрасте 16–17 лет, всего 200 подростков.

Тип акцентуации характера определялся с помощью патохарактерологического диагностического опросника, разработанного А. Е. Личко и его сотрудниками [4]. Эмоциональные и волевые свойства исследовались комплектом методик, включающим «Опросник для оценки терпеливости», «Опросник для оценки упорства», «Опросник для оценки настойчивости» Е. П. Ильина и Е. К. Фещенко [8], «Самооценка волевых качеств» Н. Е. Стамбуловой [8], «Характеристики эмоциональности» Е. П. Ильина [7], «Перцептивная самооценка парциальной и интегральной эмоциональной экспрессивности» Л. Е. Бачиной и А. Е. Ольшанниковой [9], тест на оптимизм «ЛОТ» (Life orientation test) Ч. Шейера и М. Карвера [10], «Диагностика уровня эмпатии» М. И. Юсупова [9].

Оценка достоверности различий выраженности эмоционально-волевых свойств в различных типах акцентуаций характера осуществлялась однофакторным дисперсионным анализом ANOVA с последующим тестом гомогенных групп Дункана. Оценка достоверности различий в возрастных и гендерных группах также осуществлялась данным методом. Оценка согласия распределения типов акцентуаций характера относительно пола и возраста осуществлялась критерием хи-квадрат по Пирсону.

Процентное отношение типов акцентуаций характера в возрастных и гендерных группах представлено в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение типов акцентуаций характера в возрастных и гендерных группах подростков (в %)

№	Тип акцентуации	мальчики		девочки	
		возраст			
		14–15	16–17	14–15	16–17
1	Гипертимный	18	20	14	24
2	Истероидный	0	10	12	12
3	Лабильный	14	10	22	24
4	Астено-невротический	0	0	0	0
5	Неустойчивый	4	4	2	2
6	Психастенический	6	8	8	16
7	Сензитивный	6	6	12	6
8	Шизоидный	10	10	16	4
9	Циклоидный	0	4	4	0
10	Эпилептоидный	30	20	10	10
11	Конформный	0	0	0	0
Всего акцентуаций		88	92	100	98

Мы сопоставили частоту встречаемости типов акцентуаций характера у мальчиков-подростков обеих возрастных групп с результатами Н. Я. Иванова, исследовавшего акцентуации характера среди подростков мужского пола — учащихся ПТУ в 1976 г. [3]. Данное сопоставление показало, что увеличилось количество акцентуированных подростков (73 % по данным Н. Я. Иванова, 90 % по результатам нашего исследования). Увеличилась частота встречаемости гипертимного типа акцентуации характера (8 и 19 %), психастенического (1 и 7 %), эпилептоидного (11 и 25 %). При этом уменьшилась частота встречаемости неустойчивого типа (21 и 4 %).

Исследование согласия распределений типов акцентуаций характера относительно пола подростков критерием хи-квадрат выявило значимые различия между мальчиками и девочками ($p = 0,03$). У мальчиков-подростков чаще диагностируется эпилептоидный тип акцентуации характера, у девочек-подростков – лабильный тип акцентуации характера. Относительно возраста значимых различий в распределении типов акцентуаций характера обнаружено не было.

Исследование выраженности эмоциональных и волевых свойств у мальчиков и девочек показало, что мальчики-подростки отличаются большей выраженностью волевых свойств, связанных с целеустремленностью и самообладанием для обеих возрастных групп. Для девочек-подростков обеих возрастных групп характерна большая выраженность эмоциональных свойств: они более эмоционально возбудимы, их эмоциональные переживания отличаются глубиной, эмоциональные состояния сохраняются дольше, и для возникновения эмоций требуется меньшее количество времени и силы действия эмоциогенного фактора. Для девочек характерно более оптимистическое восприятие мира, они свободнее выражают свои эмоции и легко откликаются на эмоциональные переживания окружающих.

Исследование выраженности эмоциональных и волевых свойств в возрастных группах не выявило значимых различий в выраженности волевых и эмоциональных свойств, таких как возбудимость, лабильность, интенсивность и устойчивость. При этом мальчики и девочки подростки в возрасте 14–15 лет отличаются в большей степени пессимистичными установками, у них слабее развита эмпатия, и они менее экспрессивны, чем подростки в возрасте 16–17 лет.

Эмоциональные и волевые свойства подростков с гипертимным типом акцентуации характера

Подростки с гипертимным типом акцентуации характера отличаются выраженным упорством, настойчивостью, смелостью и решительностью. Для возбуждения эмоций у таких подростков необходим эмоциогенный раздражитель достаточной силы, при этом эмоции легко сменяют друг друга, эмоциональные состояния не нарушают эффективность общения и деятельности, эмоциональный фон оценивается как преимущественно положительный.

Эмоциональные и волевые свойства подростков с циклоидным типом акцентуации характера

Циклоидные подростки характеризуются терпеливостью, сочетающейся со слабой настойчивостью и упорством, для возбуждения эмоциональных состояний необходим относительно слабый эмоциогенный раздражитель, эмоции легко сменяют друг друга, при этом отрицательно влияют на эффективность общения и деятельности. Эмоциональные состояния слабо представлены в поведении, эмоциональный фон преимущественно отрицательный, эмпатия на низком уровне.

Эмоциональные и волевые свойства подростков с лабильным типом акцентуации характера

Лабильные подростки отличаются слабой переносимостью неблагоприятных условий, трудностью удержания длительного волевого усилия, слабостью волевого контроля эмоций защитного характера и нерешительностью. Эмоциональные состояния возникают при воздействии слабых эмоциогенных раздражителей и отрицательно влияют на эффективность общения и деятельности. Эмоциональные состояния сильно выражены в поведении, лабильные подростки легко откликаются на эмоциональные состояния других людей. Эмоциональный фон существенный вклад не вносит, предположительно, в силу его нестабильности.

Эмоциональные и волевые свойства подростков с психастеническим типом акцентуации характера

Психастенические подростки отличаются слабой целеустремленностью и самообладанием, легкостью возникновения эмоциональных реакций и интенсивностью эмоциональных переживаний. Данные подростки эмоционально отзывчивые, эмоциональный фон преимущественно имеет тенденцию к положительному.

Эмоциональные и волевые свойства подростков с истероидным типом акцентуации характера

Истероидный подросток отличается способностью удерживать волевое усилие в долговременной перспективе, легкостью принятия решений, способностью подавлять защитные эмоциональные реакции. Эмоции легко сменяют друг друга, при этом не вредят эффективности общения и деятельности. Эмоциональные состояния сильно выражены в поведении, общий эмоциональный фон преимущественно положительный.

Эмоциональные и волевые свойства подростков с epileптоидным типом акцентуации характера

Epileптоидные подростки отличаются низкой способностью переносить неблагоприятные факторы, легко отказываются от краткосрочных целей в связи с возникшими трудностями, при этом легко подавляют импульсивные эмоциональные реакции. Для возбуждения эмоций необходим достаточно сильный эмоциогенный раздражитель, эмоции отличаются слабой интенсивностью. Можно предположить, что на уровне латентной акцентуации по epileптоидному типу, подростки практически ничем не выделяются среди сверстников. «Точка наименьшего сопротивления» (возможность проявления деспотической власти в отношении других) таких подростков достаточно редко имеет место в условиях общеобразовательной школы. Следовательно, выраженность эмоциональных и волевых свойств данных подростков, полученных в результате исследования, отражает особенности эмоционально-волевого реагирования при стабильной адаптации.

Эмоциональные и волевые свойства подростков с шизоидным типом акцентуации характера

Шизоидные подростки могут длительное время переносить неблагоприятные факторы, удерживать волевое усилие как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе, легко подавляют импульсивные порывы. Эмоциональные переживания достаточно глубоки, эмоции сохраняются длительное время и негативно сказываются на эффективности общения и деятельности. Эмоциональные состояния крайне слабо выражены в поведении, эмоциональный фон преимущественно снижен, выражена эмоциональная отзывчивость. Эмоциональная отзывчивость шизоидов является, вероятно,

опосредованной, при непосредственном восприятии эмоций других людей у шизоидов велика вероятность ошибки в их интерпретации. Таким образом, эмоциональная холодность шизоидов объясняется низкой экспрессивностью, сниженным эмоциональным фоном и выраженными волевыми свойствами.

Эмоциональные и волевые свойства подростков с сенситивным типом акцентуации характера

Сенситивные подростки отличаются нерешительностью, трудностью подавления как эмоциональных реакций защитного характера, так и импульсивных. Эмоции отличаются глубиной переживания, сохраняются длительное время и отрицательно сказываются на эффективности общения и деятельности. Им свойственны преимущественно пессимистические установки и слабая эмоциональная отзывчивость.

Эмоциональные и волевые свойства подростков с неустойчивым типом акцентуации характера

Неустойчивые подростки отличаются способностью длительное время переносить неблагоприятные воздействия, способностью удерживать волевое усилие как в кратковременной, так и в долгосрочной перспективе, способностью подавлять защитные и импульсивные эмоциональные реакции, легкостью принятия решения.

Таким образом, результатом нашего исследования явились описания содержательных характеристик взаимосвязи типов акцентуаций характеров подростков с эмоциональными и волевыми свойствами: эмоциональной возбудимостью, интенсивностью, эмоциональной устойчивостью, лабильностью, оптимизмом, эмоциональной отзывчивостью, экспрессивностью, терпеливостью, упорством, настойчивостью, смелостью, решительностью, выдержкой. Мы можем говорить о том, что выраженность тех или иных эмоционально-волевых свойств достаточно устойчива в определенном типе акцентуации характера и может послужить основанием таксономии характеров.

Литература

1. Леонгард К. Акцентуированные личности / пер. В. М. Лещинская. — Ростов-н/Д.: Феникс, 2000. — 541 с.
2. Личко А. Е. Акцентуации характера как концепция в психиатрии и медицинской психологии // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. — 1993. — № 1. — С. 5–17.
3. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков: патохарактерологический диагностический опросник для подростков (ПДО). — СПб.: Речь, 2013. — 251 с.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.; Харьков; Минск; М.: Питер, 2000. — 712 с.
5. Гиппенрейтер Ю. Б., Романова В. Я. Темперамент, характер, личность: проблемы и решения / Психология индивидуальных различий. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 2008. — С. 331–354.
6. Бадиев И. В. К проблеме определения характера // Вестник НГУ. Сер. Психология. — 2011. — Т. 5, вып. 1. — С. 109–111.
7. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. — СПб.: Питер, 2001. — 749 с.
8. Ильин Е. П. Психология воли. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2009. — 364 с.
9. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп : учеб. пособие. — М.: Психотерапия, 2009. — 539 с.
10. Сычев О. А. Психология оптимизма: учеб.-метод. пособие. — Бийск: БПГУ, 2008. — 69 с.

References

1. Leonhard K. *Akzentuierte Persönlichkeiten* [Accentuated personalities]. Berlin, 1976. 328 p. (Ger.)
2. Lichko A. E. Aktsentuatsii kharaktera kak kontseptsiya v psikhiatrii i meditsinskoj psikhologii [Accentuation of character as a concept in psychiatry and medical psychology]. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V. M. Bekhtereva — Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*. 1993. No. 1. Pp. 5–17.
3. Lichko A. E. *Psikhopatii i aktsentuatsii kharaktera u podrostkov: patokharakterologicheskii diagnosticheskii oprosnik dlya podrostkov (PDO)* [Psychopathy and character accentuations of adolescents: Pathocharacterological diagnostic questionnaire for adolescents (PDQ)]. St Petersburg: Rech', 2013. 251 p.
4. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Basics of general psychology]. St Petersburg; Khar'kov; Minsk; Moscow, 2000. 712 p.
5. Gippenreiter Yu. B., Romanova V. Ya. *Temperament, kharakter, lichnost': Problemy i resheniya* [Temperament, character, personality: Problems and Solutions]. *Psikhologiya individual'nykh razlichii — Psychology of individual differences*. Moscow, 2008. Pp. 331–354.
6. Badiyev I. V. K probleme opredeleniya kharaktera [To the problem of character determining]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya — Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Psychology*. Bk 5. V. 1, 2011. Pp. 109–111.

7. И'ин Е. Р. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. St Petersburg: Piter, 2001. 749 p.
8. И'ин Е. Р. *Psikhologiya voli* [Psychology of will]. St Petersburg: Piter, 364 p.
9. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Socio-psychological diagnosis of personality and small groups development]. Moscow: Psikhoterapiya, 2009. 539 p.
10. Sychev O. A. *Psikhologiya optimizma* [Psychology of optimism]. Bijsk: Bijsk Pedagogical State University publ., 2008. 69 p.

УДК 159.9

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
ЛИЧНОСТИ РАБОТНИКА****Очирова Любовь Ильинична**

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: luba7@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы организационной культуры в социальной психологии. В большинстве работ исследуются ценности групп без связи с типом организационной культуры, что является, по мнению автора, скорее недостатком, поскольку при проведении оценки типа организационной культуры чаще всего изучают только мнение руководителей.

В данной статье проведено исследование, направленное на изучение взаимосвязи типа организационной культуры и ценностей личности работника организации.

Использованы методика «Ценностные ориентации» Рокича и Инструмент оценки организационной культуры (OCAI). Изучив оценки сформировавшегося и предпочитаемого типов организационной культуры, был проведен математический анализ на проверку значимости различий оценок с помощью критерия Манна — Уитни.

Для изучения взаимосвязей между организационной культурой и ценностями работников был использован критерий Спирмена. В результате чего для каждого выявленного нами типа культуры были обнаружены связанные с ним ценности работников.

Ключевые слова: организационная культура, ценностные ориентации, личность, бюрократическая культура, адхократическая культура, рыночная культура.

ORGANIZATIONAL CULTURE AND VALUE ORIENTATIONS OF EMPLOYEE**Lubov' I. Ochirova**

PhD, A/Professor, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article deals with the problems of organizational culture in social psychology. In the majority of studies values of groups had been investigated without connection with a type of organizational culture, that was, in our opinion, the significant disadvantage, because assessing of organizational culture type often included only leaders' opinion studying.

The research aimed at studying correlation of organizational culture type and values of employee personality.

The Rokeach's technique of value orientations and organizational culture assessment instrument (OCAI) were used. Assessment of formed and preferred types of organizational culture allowed testing the significance of estimates differences with help of Mann-Whitney test.

To study correlation between organizational culture and employees' values we used Spearman criterion. As a result, for each identified type of culture we had found associated with it values of employees.

Keywords: organizational culture, values, personality, bureaucratic culture, culture of adhocracy, market culture.

В настоящее время в социальной психологии существует большое количество теоретических подходов к изучению организационной культуры (Т. Ю. Базаров, У. Бион, Р. Бьюк, Р. Дарт, Т. Деал, А. Л. Журавлев, А. В. Карпов, Д. Кеннеди, В. А. Керров, А. Д. Кузмичев, М. Магура, С. Маддок, Д. Миллер, Д. Мутон, В. Оучи, Д. Паркин, Т. Питтерс, В. А. Спивак, Р. Рютингер, Б. Тернер, Р. Уотермен, К. Харпер, Ф. Харрис, И. Н. Шанкин, Э. Х. Шейн), накоплен значительный опыт изучения и исследования как организационной культуры, так и личностных ценностей.

Однако при несомненной значимости этих работ в них исследуются ценности групп без связи с типом организационной культуры. Существенным ограничением, для того чтобы распространять результаты исследования на все категории работников, является то, что при проведении оценки типа организационной культуры чаще всего изучают только мнение руководителей.

В нашей стране организационная культура, к сожалению, заимствовала с Запада лишь внешние формы: рекламу (как правило, невысокого уровня), оформление офисов, новые названия должностей (различного рода менеджеры вместо руководителей структурных подразделений, кадровиков, специ-

алисты в области маркетинга вместо снабженцев и т. д.). В то же время стиль управления и делового общения остались такими же, как в условиях административно-командной системы.

Культура пронизывает процесс управления от начала до конца, играет огромную роль в организации общения, обуславливая логику мышления, восприятие и интерпретацию (придание индивидуального смысла наблюдениям и установление связи между ними) вербальной и особенно невербальной информации.

Многие организации в настоящее время стремятся к постоянным изменениям, чтобы сохранить положение на экономическом рынке. И главное направление этих изменений — это формирование организационной культуры.

Однако такие изменения могут встретить сопротивление со стороны персонала, привести к многочисленным внутриорганизационным конфликтам. Поэтому, на наш взгляд, при отборе персонала на вакантные должности необходимо учитывать соответствие структуры ценностей нового сотрудника типу организационной культуры.

По перечисленным причинам проблема взаимосвязи типа организационной культуры с ценностями работников является в настоящее время одной из актуальных, без исследования которой трудно понять процесс формирования культуры организации. На данный момент вопрос взаимосвязи типа организационной культуры и ценностей ее работников является малоизученным.

Объектом настоящей работы является личность работника организации с определенным типом культуры, предметом — психологические аспекты взаимосвязи организационной культуры и личностных ценностей.

Гипотеза: каждому типу организационной культуры соответствует определенная совокупность индивидуальных ценностей.

В связи с этим нами было проведено исследование, направленное на изучение взаимосвязи типа организационной культуры и ценностей личности работника организации. Были использованы следующие методики: «Ценностные ориентации» Рокича и Инструмент оценки организационной культуры (OCAI).

В исследовании принимали участие 2 типа организаций г. Улан-Удэ: функционирующая на государственной основе и коммерческая. Общая выборка составила 100 человек.

Первым шагом исследования стало определение существующего и предпочитаемого типа культуры.

Работники, находящиеся на государственной службе, оценивают свою культуру как бюрократическую, а работники коммерческой организации — как рыночную, однако культура в этих организациях не является высокой, поскольку установленная с помощью критерия Манна — Уитни разница между оценками бюрократической и рыночной культуры оказалась незначительной ($p \geq 0,005$).

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время во многих организациях взаимоотношения между руководителями и подчиненными бюрократизированы, общий стиль лидерства характеризуется одновременным доминированием бюрократических и рыночных ценностей.

Можно предположить, что высокая выраженность бюрократической культуры обусловлена особенностями российской экономики, где рыночная культура только формируется. С развитием рыночных отношений увеличивается личная ответственность, конкуренция, самостоятельность принятия решений. И руководители, и рядовые сотрудники не готовы к работе в новых условиях, поэтому бюрократические отношения сохраняются. Это закрепляет зоны ответственности, снижает неопределенность. Возможно, еще не сложился опыт управления, основанный на новых принципах, сохраняется прежний социалистический стиль управления либо его элементы.

Проанализировав оценки предпочитаемого типа культуры, мы выяснили, что работники стремятся к усилению ценностей клановой культуры (групповой сплоченности), то есть к сплоченности, соучастию, ощущению организации как «мы». Адхократический тип культуры является вторым по значимости после кланового. Это означает, что работники симпатизируют идее о применении творчества в работе, усилению акцента на индивидуальности работника.

Как было сказано выше, большинство респондентов отдают свое предпочтение клановому типу культуры. Данная тенденция, возможно, вызвана сложившимися экономическими условиями, так как большинство организаций имеют слабо выраженные ценности кланового типа, что и определяет актуальные потребности работников. Можно предположить, что в этих тенденциях проявляется потребность личности в безопасности, которая актуализируется в связи с данными условиями. Ценно-

сти клановой культуры предполагают поддержку со стороны организации, заботу о персонале, что снижает неопределенность, чем и привлекает работников.

Кроме того, стоит отметить, что во всех изучаемых нами организациях от 50 до 90 % работников предпочитают снизить степень выраженности рыночного типа культуры независимо от специфики деятельности и типа сформировавшейся культуры.

Изучив оценки сформировавшегося и предпочитаемого типов организационной культуры и проверив значимость различий оценок с помощью критерия Манна – Уитни, мы пришли к выводу о том, что в основном работники не удовлетворены сложившейся культурой.

Далее мы перешли непосредственно к изучению взаимосвязей между организационной культурой и ценностями работников.

Нами были сопоставлены оценки сформировавшегося типа организационной культуры и ранги каждой ценности из списка терминальных и инструментальных ценностей Рокича. Для определения корреляционной связи был использован критерий Спирмена. Для каждого выявленного типа культуры мы нашли связанные с ними ценности работников.

Для бюрократической культуры мы обнаружили значимые корреляционные связи со следующими ценностями: здоровье ($r = 0,475$; $p \leq 0,01$), развлечения ($r = -0,455$, $p \leq 0,01$), свобода ($r = -0,468$, $p \leq 0,05$), ответственность ($r = -0,315$, $p \leq 0,05$).

Для рыночного типа культуры были найдены следующие корреляционные связи: высокие запросы ($r = 0,435$, $p \leq 0,01$), рационализм ($r = 0,375$, $p \leq 0,025$), образованность ($r = 0,383$, $p \leq 0,05$), чуткость ($r = -0,451$, $p \leq 0,01$), любовь ($r = -0,48$, $p \leq 0,005$).

Между предпочитаемым клановым типом культуры и ценностями работников изучаемых нами организаций были обнаружены следующие корреляционные связи: жизненная мудрость ($r = 0,485$, $p \leq 0,005$), счастливая семейная жизнь ($r = 0,379$, $p \leq 0,025$), наличие хороших и верных друзей ($r = 0,335$, $p \leq 0,05$), аккуратность ($r = 0,378$, $p \leq 0,025$), воспитанность ($r = 0,495$, $p \leq 0,005$), свобода ($r = -0,614$, $p \leq 0,005$), твердая воля ($r = -0,315$, $p \leq 0,05$), продуктивная жизнь ($r = -0,325$, $p \leq 0,05$).

Мы видим, что для респондентов, оценивших культуру организации как рыночную, значимыми являются ценности, связанные с самореализацией, а ценности, характеризующие взаимоотношения, малозначимы.

Респонденты, оценившие культуру как бюрократическую, считают значимым здоровье — конкретные ценности, а свобода и другие этические ценности не важны. Возможно, работа в организациях бюрократического типа мало соответствует предпочтениям работников, однако позволяет удовлетворить конкретные базовые ценности.

На наш взгляд, специфика бюрократической культуры не в состоянии удовлетворить многие ценности работников. Это происходит в том случае, когда культура является нечувствительной к удовлетворению ценностей конкретных индивидов. Бюрократия наименее соответствует эффективному удовлетворению индивидуальных ценностей. Это подтверждает заложенное в бюрократической культуре отношение к работнику как деперсонализированной личности, выполняющей строго определенную функцию. Бюрократическая культура является наименее пригодной для достижения индивидуальных жизненных целей. Возможно поэтому выявлено небольшое количество взаимосвязей с ценностями личности.

Мы видим, что респонденты двух организаций, предпочитающие клановую культуру, определяют значимыми такие ценности, которые принадлежат к сфере взаимоотношений, ценности самоутверждения малозначимы. Также можно заметить, что между предпочитаемым типом культуры и личностными ценностями существует большее количество связей, чем с реальным типом культуры, что позволяет говорить о том, что в данных экономических условиях системы ценностей работников не совпадают с системами организационных ценностей.

Стоит отметить, что для существующего типа культуры преобладают связи с инструментальными ценностями, а для предпочитаемого типа культуры найдено больше связей с терминальными ценностями. Возможно, это объясняется тем, что существующая культура актуализирует ценности-инструменты, а предпочитаемая показывает ценности-цели.

Далее были проанализированы связи между ценностями работников и аспектами сформировавшейся и предпочитаемой культуры, так как, возможно, конкретные ценности могут быть реализованы через конкретный аспект организационной культуры. Были получены следующие результаты: как по клановой культуре в целом, так и по ее аспектам значимые ценности работников имеют направленность в основном на отношения. Анализ взаимосвязей по аспектам показал ряд дополни-

тельных ценностей, таких как жизненная мудрость ($r = 0,645$, $p \leq 0,005$), аккуратность ($r = 0,521$, $p \leq 0,005$).

Как было сказано выше, ценности, присущие работникам рыночной культуры направлены в основном на саморазвитие, помимо уже указанных ценностей мы выявили следующие: продуктивная жизнь ($r = 0,325$, $p \leq 0,05$), смелость в отстаивании своего мнения своих взглядов ($r = 0,315$, $p \leq 0,05$).

Малозначимыми для рыночной культуры являются ценности, направленные «на взаимоотношения», такие как, счастливая семейная жизнь ($r = -0,475$, $p \leq 0,01$) любовь ($r = -0,497$, $p \leq 0,005$), чуткость ($r = -0,337$, $p \leq 0,025$) жизненная мудрость ($r = -0,332$, $p \leq 0,05$), воспитанность ($r = 0,315$, $p \leq 0,05$).

Бюрократическая культура представляется менее однозначной в содержании ценностей, чем другие типы культур. Однако мы нашли дополнительные взаимосвязи с такими ценностями, как исполнительность ($r = 0,467$, $p \leq 0,01$), самоконтроль ($r = 0,318$, $p \leq 0,05$), воспитанность ($r = 0,479$, $p \leq 0,005$).

Возможно, найденные дополнительные связи с такими ценностями, как исполнительность, самоконтроль и воспитанность, связаны со спецификой деятельности организации. Так как в этом государственном учреждении очень высоко поставлена дисциплина, достаточно жесткий и напряженный график работы.

Бюрократическая культура в истории развития психологии изначально не рассматривала личность как самостоятельный субъект деятельности. С этой позиции можно определить бюрократическую культуру как наименее «психологичной» в сравнении с другими.

Таким образом, определив значимые взаимосвязи между типами организационной культуры и ценностями личности работников организации, можно говорить, что для определенного типа культуры существует определенная совокупность личностных ценностей, достижению которых она должна способствовать. Детерминантой, соединяющей содержание этих ценностей, является общая направленность личности работника.

Литература

1. Организационная культура: понятие и реальность / А. В. Карпов [и др.]. — М.: Институт психологии РАН, 2002. — 342 с.
2. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент: учеб. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Экономист, 2008. — 670 с.
3. Мацмута Д. Психология и культура. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. — 416 с.
4. Организационная психология / под ред. Г. В. Суходольского. — Харьков: Гуманитарный центр, 2004. — 256 с.
5. Соломанидина Т. О. Организационная культура компании: учеб. пособие. — М.: Изд-во ООО «Журнал управление персоналом», 2003. — 456 с.

References

1. Karpov A. V. et al. *Organizatsionnaya kul'tura: ponyatie i real'nost'* [Organizational culture: the concept and reality]. Moscow: RAS Institute of Psychology, 2002. 342 p.
2. Vikhanskii O. S., Naumov A. I. *Menedzhment* [Management]. Moscow: Ekonomist, 2008. 670 p.
3. Matsmuto D. *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and Culture]. St Petersburg: Praim-Evroznak, 2002. 416 p.
4. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology]. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 2004. 256 p.
5. Solomanidina T. O. *Organizatsionnaya kul'tura kompanii* [Organizational culture of companies]. Moscow, 2003. 456 p.

УДК 159.922.4

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ЯДРА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ФГОС***Санжаева Римма Дугаровна***

доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: rimmasan@pochta.ru

Монсонова Арюна Раднанимаевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: monsonova@rambler.ru

В статье подчеркивается роль инноваций в образовании и духовности в современных условиях постмодернизма, ее психологических механизмов: мотивации, идентификации, саморегуляции, механизма динамического равновесия в межэтнических отношениях. Автор выделяет ведущие нормативные смыслы таких видов деятельности, как религия, искусство и наука, которые формируют ценностно-смысловую готовность будущих специалистов к профессиональной деятельности. Выделены базовые этнокультурные механизмы — это саморегуляция личности, устойчивость и другие, но главное — духовность, которая должна пронизывать вышеуказанные сферы жизни и деятельности человека на всем протяжении его онтогенеза. Автором отмечено, что психолого-педагогическое обеспечение программы внедрения новых ФГОС заключается кроме традиционных форм работы психологической службы — психологического просвещения, психопрофилактики, приходягностики, психокоррекции и психологического консультирования, в духовном и нравственном воспитании учащихся, в пронизывании ими всего учебного процесса в условиях внедрения новых ФГОС, основная задача которых — формирование универсальных учебных действий учащихся на каждом возрастном этапе. Вместе с тем автор отмечает недостаточность «духовного» компонента данной программы.

Ключевые слова: образование, инновации, этнопсихология, ценности, смыслы, регуляция, устойчивость личности, постнеклассическая психология.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF EDUCATION FUNDAMENTAL CORE IN THE CONDITIONS OF NEW FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS IMPLEMENTATION***Rimma D. Sanzhaeva***

Lett. D., Professor, Buryat State University
24 a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Aryuna R. Monsonova

PhD, A/Professor, Buryat State University
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The article deals with the role of innovations in education and spirituality in the conditions of postmodernism, its psychological mechanisms: motivation, identification, self-regulation dynamic equilibrium in inter-ethnic relations. We emphasized the leading normative senses of such activities as religion, art and science, which form the semantic-value readiness of future specialists for professional work. The basic ethnic and cultural mechanisms were highlighted, among them self-regulation of personality, stability, and, especially, spirituality which should permeate the above mentioned spheres of human life and activity throughout his ontogeny. We noted that psycho-pedagogical maintenance of new Federal State Educational Standards implementation included in addition to traditional forms of psychological service psychological education, psychological prophylaxis, psychological testing, psycho-correction and psychological counseling; spiritual and moral education of students. The main task of new Federal State Educational Standards was creation of universal learning activities of students at each age level; but, in our opinion, the program had a lack of "spiritual" component.

Keywords: education, innovation, ethnopsychological culture, values, senses, regulation, stability of personality, postnonclassical psychology.

Современная психология начала XXI в. характеризуется как этап постнеклассической психологии, закономерно пришедшей после классической и неклассической психологии, когда

различные теории, описывающие аспекты психической реальности, начинают образовывать взаимосогласованную сеть. Сетевой принцип организации знания — отличительный признак постнеклассической психологии, которая придерживается методологической толерантности, использует принцип обобщенной теории, акцентирует внимание на социокультурном контексте. Характеризуя постнеклассическую психологию, М. С. Яницкий подчеркивает такую ее особенность, как «акцент на рассмотрении изучаемого феномена в его контексте, смещение исследовательской установки на анализ параметров социокультурной среды, <...> культурной специфики соответствующей общности...» [7, с. 194]. Психологические различия, обусловленные культурными факторами, психологические тенденции в рамках данной культуры могут быть объяснены только при условии глубокого и всестороннего синтеза этнокультурных и психологических закономерностей. Идея такой интеграции является краеугольным камнем культурно-исторической концепции Л. С. Выготского — одна из самых интересных, продуктивных и на сегодняшний день обладающая большим творческим потенциалом. Л. С. Выготский придавал огромное значение социальным и культурным факторам в объяснении природы и генезиса психического. Сравнительно-культурный тип исследования, кросскультурная парадигма, намеченная им, составили новый, современный этап в отечественной и зарубежной психологии.

Формы сетевой организации знания — профессиональные сообщества психологов (высший орган — Российское психологическое общество) — ставят задачу преодолеть разрыв между психологической наукой и практикой.

Каждая эпоха отличается своими «вызовами» науке, поэтому для «ответа» наука находит новую методологическую основу. Говоря о переходе от модернистской к постмодернистской «культурно-научной традиции», можно выделить определенное соответствие типа культуры и исследовательских установок в науке.

Модернистское общество характеризовали следующие «вызовы»: экзистенциальные проблемы, поиск путей самореализации, утопии (коммунизм), социальные волнения, революции, войны, тоталитаризм, культ производства и экономического процветания. Ответом психологии были классическая и неклассическая рациональность, утверждение психологии как науки, появление теорий личности, самореализации (психоанализ, гуманистическая психология и др.), социальной психологии, развитие практической психологии.

Современному постмодернистскому обществу присущи «вызовы»: дегуманизация, аномия, диффузная идентичность и фрагментарность личности, «мозаичность» сознания, одиночество и виртуальное замещение дефицита общения, тревога и неуверенность. Решение этих проблем приходится на постнеклассическую психологию, основные тенденции которой заключаются в рациональности, отказе от поиска универсальных теорий, герменевтической ориентации, решении конкретных проблем, преобладании практики над теорией. Междисциплинарный предмет исследования — самореализация, жизнеосуществление, ценности, смыслы.

Предмет постнеклассической психологии — человек как открытая саморазвивающаяся и самоорганизующаяся система, субъект своей жизни. Проблема нравственного поступка — одно из наиболее противоречивых феноменов гуманитарной мысли человечества. Субъективные знания нужны человеку для познавательной, ценностной ориентации в окружающей действительности, которую обеспечивают смыслы (важные компоненты и политических, и военных ситуаций).

Постнеклассическая психология изучает смыслы самой деятельности, их социокультурные инварианты. Это ведущие нормативные смыслы, они относятся к нормам-идеалам совершенствования любой деятельности, в том числе и образовательной, в отличие от норм-стандартов, рассчитанных на обязательное соблюдение. Чем больше личность приобщается к ведущим нормативным смыслам, пробиваясь через все разнообразие смыслов, обусловленных внешними влияниями и индивидуальными влечениями, чувствами и предпочтениями, тем более последовательным выразителем данного вида деятельности она способна стать.

Изучение ведущих нормативных смыслов таких видов деятельности, как религия, искусство и наука, формирует ценностно-смысловую готовность будущих специалистов к профессиональной деятельности. Сегодня важно продуктивное сотрудничество, совместное изучение научного наследия ученых, внимание к ценностным, духовным характеристикам научной деятельности (ее ведущему нормативному смыслу — стремление к постижению истины рациональными средствами), к специфике их проявления в человековедении.

Постмодерн — это модель, некоторая научная проекция мира в будущем, прогноз исходя из современных тенденций развития. Здесь существуют различные подходы, характеристики, которые можно сгруппировать и представить в виде структуры, отражающей основные социальные и психологические признаки постмодернистского общества: межличностные отношения, семейные отношения и социализация детей, нормы и ценности, культура и образ жизни, идентичность личности. В каждой сфере свои психологические механизмы, но необходимо выделить базовые этнокультурные механизмы — это саморегуляция личности, устойчивость и другие, но главное — духовность, которая должна пронизывать вышеуказанные сферы жизни и деятельности человека на всем протяжении его онтогенеза.

Современная российская национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» выдвинула конкретные задачи школы:

1. Раскрытие способностей каждого ученика.
2. Воспитание порядочного и патриотического человека.
3. Формирование личности, готовой к жизни в высокотехнологическом, конкурентном мире.

Психолого-педагогическое обеспечение данной программы заключается, кроме традиционных форм работы психологической службы (психологического просвещения, психопрофилактики, приходягностики, психокоррекции и психологического консультирования), в духовном и нравственном воспитании учащихся, в пронизывании ими всего учебного процесса в условиях внедрения новых Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), основная задача которых — формирования универсальных учебных действий (УУД) учащихся на каждом возрастном этапе. Все УУД делятся на 4 основные группы:

1. Коммуникативные УУД обеспечивают социальную компетентность и сознательную ориентацию учащихся на позиции других людей (прежде всего партнера по общению или деятельности), умение слушать и вступать в диалог, участвовать в коллективном обсуждении проблем, интегрироваться в группу сверстников и строить продуктивное взаимодействие и сотрудничество с ними и взрослыми.

2. Личностные УУД обеспечивают ценностно-смысловую ориентацию учащихся (умение соотносить поступки и события с принятыми этическими принципами, знание моральных норм и умение выделить нравственный аспект поведения) и ориентацию в социальных ролях и межличностных отношениях. Применительно к учебной деятельности следует выделить два плана действий: 1) действие смыслообразования; 2) действие нравственно-этического оценивания усваиваемого содержания.

3. Регулятивные УУД обеспечивают организацию учащимися своей учебной деятельности. К ним относятся целеполагание, планирование, прогнозирование, контроль в форме сличения способов действия и его результата, коррекция, оценка, волевая саморегуляция. В. Г. Леонтьев, один из выдающихся отечественных психологов, руководитель Новосибирской научной школы, является автором новых представлений о мотивации, ее механизмах и формах проявления, в основе которых лежит понятие исходного, генерализованного механизма — механизма динамического равновесия [4]. Его сущность заключается в том, что неуравновешенность в какой-либо системе всегда возникает вслед за достижением равновесия в другой, связанной с ней системой. Эта закономерность наблюдается и на уровне организма, и на уровне личности, и на уровне системы «человек — среда» и т. д. Данное положение было одним из основных в нашей докторской диссертации, выполненной под руководством В. Г. Леонтьева, что побудительная функция психологической готовности человека к деятельности (в нашей работе — традиционно-духовной — *Р. С.*) определяется возможностью перехода, реализации ее в действии или акте поведения, которые, в свою очередь, будут причиной другого акта поведения. Это связано с основным положением в буддизме о «срединном пути» (уравновешенности). Диалог культур Запада и Востока — подтверждение древневосточного представления о необходимости динамического равновесия между рациональным и интуитивным, внешним и внутренним, технологией и психологией.

Сегодня актуально изучение и применение действия механизма динамического равновесия в силу напряженности социально-психологических отношений как в обществе, так и во внутреннем мире человека. Он является методологической основой для многочисленных диссертационных исследований по психологии устойчивости, саморегуляции личности, которые посвящены «вызовам» современного постмодернистского общества (тревога и неуверенность личности, дегуманизация и дегармонизация ее образа, картины мира, одиночество и виртуальность общения и т. д.) и «ответам» постнеклассической психологии. Предвидел В. Г. Леонтьев и проблемы компьютеризации, поэтому в

экспериментальной своей работе уделял особое внимание информатике как учебному предмету. Как истинный учитель, педагог, он отдельно выделял учебную деятельность. В учебном процессе действие механизма динамического равновесия зависит от уровня адаптации ребенка к условиям жизнедеятельности вообще и к учебному процессу, к учебной задаче в частности. Более того, адаптированность является необходимым условием процесса уравнивания. На базе этого источника формируется и проявляется целый ряд других психологических механизмов, к которым В. Г. Леонтьев относил прежде всего механизмы идентификации, адаптации, саморегуляции.

4. Познавательные УУД включают общеучебные, логические действия, а также действия постановки решения проблем. В этом отношении можно привести пример того, что роль математики и интерес к ней школьников сегодня объясняется не только тем, что это обязательный предмет ЕГЭ, но и особой методикой преподавания учителей в школе. Данная методология и методика преподавания математики, разработанные под руководством выдающегося психолога, занимающегося математическими способностями детей, доктора наук, профессора М. А. Холодной, направлены на математическое воспитание личности учащегося.

Основой разработки критериев и методов оценки сформированности УУД является диагностическая система психологического сопровождения, в которую входят психопрофилактическая работа, психоконсультирование, психологическое просвещение и психокоррекция.

К сожалению, мы не видим в этой продуманной, психологически обоснованной программе учебных стандартов важнейшего понятия, определения — «духовность», «духовные ценности», что объективно отражает дефицит духовности в современном российском обществе. Об этом пишет в одноименной статье В. А. Кольцова, подчеркивая, что государство фактически утратило контроль над процессами нравственного, духовного развития личности [3, с. 92]. Эту проблему поднимали многие психологи (Б. П. Братусь, М. И. Воловикова, А. Б. Купрейченко, В. А. Пономаренко, Е. Н. Резников, А. В. Юревич и др.). М. И. Воловикова подчеркивает роль крушения идеала в этом процессе: «... есть работы, доказывающие, что победившая идеология коммунизма была религиозной системой. Закрепленный в ярких и талантливых образах, идеал коммунистической эпохи, похожий на христианский идеал прежней России, но «сепаратистский» в своих основах, продолжает жить в сердцах и умах современников. Можно, конечно, сокрушить его в очередной раз «до основания», но тогда и происходит «культурная травма» [2, с. 52].

В образовании сегодня сделан первый шаг в сторону преодоления данного состояния — экспериментально введен учебный предмет «Основы религиозных культур и светской этики» для учащихся 4-х классов. Учителя испытывают большие сложности не только в методическом, содержательном плане, но и в психологическом, личностном. Многим приходится вместе с учениками по-новому посмотреть на мир... Необходимо сделать все, чтобы эксперимент состоялся, чтобы каждый ученик вырос свободным гражданином своей страны, имеющим право выбора на свое видение, мироощущение, в том числе и духовное. В этом направлении необходимо отметить эффективность работы научно-исследовательской группы БГУ под руководством С. В. Васильевой: выездные методологические и методические семинары, мониторинг и т. д. Отрадно, что в БГУ открыта кафедра теологии на историческом факультете, которой предстоит важная миссия богословского просвещения и воспитания студентов. По данным А. Р. Монсоновой, сегодня актуальна проблема этноконфессиональной идентичности, которая характеризуется диффузностью: кроме традиционных верований буддистов, православных, «семейских» (староверов), эвенков, шаманистов увеличилось число тех, особенно молодежи, которые не относятся ни к какой конфессии, но считают себя верующими [5]. Механизм идентификации является основным психологическим механизмом в восточной традиционной культуре при обучении и воспитании в системе «учитель – ученик», что нашло отражение в концепции учителя в школе «Йога ламы» великого реформатора буддизма Цзонхавы (1357–1419). Например из концепции Будды об обязанностях учителей и учеников, изложенных в «Сигаловада сутре», учитель должен: 1) проявлять любовь к ученику; 2) учить его достойному и хорошему поведению; 3) старательно обучать его, наделять знанием наук и мудростью древних; 4) хорошо отзываться об ученике его друзьям и родственникам; 5) оберегать его от опасности [6, с. 6]. Мы видим глубоко психологические этические принципы деятельности учителя, актуальные и сегодня. В целом многие положения теории и практики буддийской педагогики актуальны и сегодня, через двадцать пять веков их создания.

Уникальный опыт интеграции духовного и светского образования имеется в Агинском Бурятском округе — это проект выдающегося человека, сына бурятского народа Бабу-ламы, ректора Агинской буддийской академии, директора Агинского медучилища, доктора буддийской филологии. В 1993 г. была открыта Агинская буддийская академия (тогда ФИТМа — филиал Института традиционной медицины, который находился в Индии). Сегодня в АБА созданы три факультета — буддийской философии, традиционной восточной медицины и буддийской живописи, где изучают такие дисциплины, как психология, правоведение, отечественная история, история религии, культурология, английский и тибетский языки, старомонгольская письменность, буддийская этика, основы космологии, логика. В 2003 г. на базе академии открыт филиал Читинского медучилища, впоследствии получившего с помощью Бабу-ламы статус государственного образовательного учреждения среднего профессионального образования — медицинского колледжа. Его уникальность в принципе интеграции, т. е. взаимопроникновения и взаимодополнения двух систем — классической и восточной медицины. Также Бабу-лама содействовал изданию учебника «Основы буддийской культуры», по которому будут учить школьников 4–5-х классов не только в Бурятии, Калмыкии и Туве, но и во всех экспериментальных школах. В связи с реализацией этих задач для бурятского этноса особенно актуальна сегодня проблема языковой парадигмы, когда достаточно большое количество молодых людей не знает своего родного языка, 66,8 % бурят-родителей предпочитают русскоязычную школу с обучением бурятского языка и лишь 18,8 % — бурятскую школу с изучением русского языка [1].

Литература

1. Образ мира молодежи Байкальского региона / Д. Р. Базарова [и др.]. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — 160 с.
2. Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. — М.: Изд-во ИП РАН, 2008. — 332 с.
3. Кольцова В. А. Дефицит духовности и нравственности в современном российском обществе // Психологический журнал. — 2009. — Т. 30, № 4. — С. 92–95.
4. Леонтьев В. Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования. — Новосибирск: Новосиб. полиграфкомбинат, 2002. — 264 с.
5. Монсонова А. Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций молодежи. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — 128 с.
6. Санжаева Р. Д. Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничья: кол. монография / науч. ред. Р. Д. Санжаева. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. — 304 с.
7. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. — 237 с.

References

1. Bazarova D. R. et al. *Obraz mira molodezhi Baikalskogo regiona* [The world image of Baikal region youth]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2012. 160 p.
2. Volovikova M. I. *Predstavleniya russkikh o npravstvennom ideale* [Russian representation of moral ideal]. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2008. 332 p.
3. Kol'tsova V. A. Defitsit dukhovnosti i npravstvennosti v sovremennom rossiiskom obshchestve [Deficiency of spirituality and morality in contemporary Russian society]. *Psikhologicheskii zhurnal — Psychological Journal*. 2009. V. 30. No. 4. Pp. 92-95.
4. Leont'ev V. G. *Motivatsiya i psikhologicheskie mekhanizmy ee formirovaniya* [Motivation and psychological mechanisms of its formation]. Novosibirsk: Novosibirskii poligrafkombinat, 2002. 264 p.
5. Monsonova A. R. *Etnokonfessional'naya prinadlezhnost' kak faktor formirovaniya sistemy tsennostnykh orientatsii molodezhi* [Ethno-confessional affiliation as a factor of youth's value orientations formation]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2010. 128 p.
6. Sanzhaeva R. D. *Etnopsikhokul'tura buryat* [Ethno-psychoculture of Buryats]. *Aktual'nye problemy psikhologii Baikalskoi Azii v usloviyakh transgranich'ya — Actual problems of Baikal Asia psychology in the conditions of transboundary*. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2012. 304 p.
7. Yanitskii M. S. *Tsennostnoe izmerenie massovogo soznaniya* [Value measurement of mass consciousness]. Novosibirsk: SO RAN publ., 2012. 237 p.

V. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

УДК 316.74:81

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

© *Антонова Надежда Сергеевна*

кандидат социологических наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: nsantonova@yandex.ru

В статье автор определяет языковую структуру общества как одну из нескольких общественных структур, которая связана с развитием и влиянием на общество языков — их общего количества, численности носителей, общественных функций, социального статуса. Подчеркивается, что здесь речь идет не о структуре языка как такового, а о структуре общества, обусловленной особенностями языка. С точки зрения численности людей, говорящих на различных языках, языковая структура общества весьма неоднородна. Причем численность носителей разных языков характеризуется большими диспропорциями — от нескольких сотен (десятков) миллионов до нескольких тысяч, сотен, десятков человек. В силу этого языковая структура стран может варьировать от многоязычной до одноязычной.

В данной работе впервые представлены все различные виды классификации языков мира. Автор выделяет лингвогенеалогическую, где языки объединяются по признаку родства, этнолингвистическую, особенность которой заключается в том, что членение человеческой речи на отдельные языки исторически связано с этническим делением населения мира, и функционально-социологическую классификации. Автор также подробно проанализировал такой компонент языковой структуры, как статус языка.

Ключевые слова: язык, структура, многоязычие, билингвизм, государственный язык, язык официального общения.

SPECIFIC FEATURES OF SOCIETY LINGUISTIC STRUCTURE

Nadezhda S. Antonova

PhD, A/Professor, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

In the article linguistic structure of society was defined the as one of the few public institutions, associated with development and impact on society of languages: their total number, number of speakers, social functions, and social status. The issue was not in the structure of language as such, but in the society structure, specified by language features. The linguistic structure of society is very heterogeneous and characterized by large disparities in number of people speaking different languages – from few hundreds (tens) of thousands to several millions, hundreds, tens of people. In view of this fact linguistic structure of countries can vary from multilingual to monolingual.

We first presented all the different types of world languages classification. The following types were identified: lingual-genealogical classification in which languages were combined on the basis of affinity; ethno-linguistic, it defined that division of human speech into separate languages historically linked with ethnic differentiation of world's population; and functionally-sociological classification. Also such component of language structure as language status was analyzed by us in detail.

Keywords: language, structure, multilingualism, bilingualism, official language, the language of official communication.

Человеческое общество многосторонне структурировано: имеет целый ряд различных, взаимосвязанных структур. Одной из таких является языковая структура общества. Что она собой представляет? Какова ее сущность? Отвечая на данный вопрос, необходимо не отождествлять данное понятие с понятием «структура языка». Последнее является категорией языкознания как науки о языке. Современная лингвистика рассматривает язык как сложную знаково-смысловую систему с не менее сложной структурой, элементами которой являются фонемы, морфемы, слова, предложения и другие

так называемые «единицы языка». Поскольку вопрос о структуре языка относится к компетенции лингвистики, по понятным причинам, не будем его касаться, отметим лишь его социальное значение.

Обратимся снова к интересующему нас понятию «языковая структура общества». Подчеркнем еще раз, что здесь речь не о структуре языка как такового, а о структуре общества, обусловленной особенностями языка. Языковая структура общества, таким образом, это одна из нескольких общественных структур, которая связана с развитием и влиянием на общество языков — их общего количества, численности носителей, общественных функций, социального статуса.

Прежде всего, языковая структура общества зависит от численности языков, которые в нем существуют. По данным специальной литературы, на нашей планете в настоящее время существует 2 500–3 000 языков. Поскольку человеческое общество в историческом развитии выступало (и в настоящее время существует) в виде различных по характеру и величине социумов, в рамках наиболее крупных из них — странах-государствах — всегда наличествовало определенное (нередко значительное) количество разных языков. С точки зрения численности людей, говорящих на различных языках, языковая структура общества весьма неоднородна. Причем численность носителей разных языков характеризуется большими диспропорциями — от нескольких сотен (десятков) миллионов до нескольких тысяч, сотен, десятков человек. В силу этого языковая структура государств-стран может варьировать от многоязычной до одноязычной.

Известно, что в древности город Вавилон стал примером языковой вакханалии в силу разноязычия его населения, утратившего возможности свободного общения. Согласно библейской легенде, разноязычие Вавилона явилось результатом наказания богами Вавилонии за постройку башни «высотой до неба». На самом деле в древности и позже многоязычие тогдашних городов было обусловлено социально-экономическими и политическими причинами, в частности, завоевательными войнами, приводившими к захвату территорий с разноэтничным населением, говорившим на разных языках.

В современную эпоху многоязычие стран-государств стало распространенным явлением вследствие тенденции интернационализации их населения. При этом в некоторых государствах отдельные языки приобретали характер доминирующих, а их языковая структура выглядела как монистическая. В то же время в мире всегда существовало определенное количество государств с этнически однородным населением, говорящим на одном языке.

В силу разной численности своих носителей языки мира разделяются на: мировые, утвердившиеся во многих странах (например, английский, французский, китайский, русский); национальные, присущие лишь одной нации и функционирующие в одной стране (например, латышский, чувашский, тувинский); языки «малых» народов, имеющие лишь по несколько тысяч человек носителей (например, чукотский, корякский и т. д.); так называемые аульные языки, на которых говорят от нескольких сот до нескольких десятков человек (например, некоторые языки Памира).

Для характеристики языковой структуры общества важное значение имеет так называемая лингвогенеалогическая классификация языков мира, в которой языки объединяются по признаку родства. Согласно этой классификации все существующие языки разделяются на «языковые семьи», которые делятся на «группы», а некоторые из последних — на «подгруппы». В настоящее время наряду с лингвогенеалогической классификацией языков стала использоваться этнолингвистическая классификация. Ее особенность в том, что членение человеческой речи на отдельные языки исторически связано с этническим делением населения мира. Это позволяло различать языки по их этническим носителям исходя из принципа: каждый народ имеет свой язык. Однако практика показала, что нет абсолютного совпадения между этнической и языковой принадлежностью. Есть случаи, когда на одном языке говорят два или несколько народов. Бывает и наоборот, когда члены одной этнической общности говорят на разных языках. Все это существенно усложняет этнолингвистическую классификацию, которая хотя и применяется, но с большими коррективами.

Процесс формирования языков и языковых семей был тесно связан с расселением человечества по земному шару. Наиболее близкие языки обычно встречаются у сходных народов, связанных общим происхождением или длительной совместной жизнью в пределах одного региона. В некоторых случаях языки сходны и у народов, живущих далеко друг от друга (например, у венгров и манси, азербайджанцев и якутов). Объясняется это тем, что народы, говорящие на этих языках, либо связаны общностью происхождения, либо жили в далеком прошлом на смежных территориях. Представляет весьма значительный интерес так называемая социологическая классификация языков, выдвинутая рядом известных отечественных ученых, в частности Ю. Д. Дешериевым, М. И. Исаяевым, М. М. Мусиным и др. Эта классификация делит языки с точки зрения их социального статуса и

выполняемых общественных функций. Один из вариантов этой классификации разделяет языки «по уровню их функционального развития» на языки старописьменные, младописьменные и бесписьменные. Согласно другому варианту функционально-социологической классификации выделяются литературные языки, государственные языки, языки межнационального общения и др. Кратко охарактеризуем их особенности.

Литературные языки — это в сущности современные национальные языки. Их известно столько, сколько в мире существует сложившихся наций. Последних, характеризующихся общими признаками, на всех континентах Земли насчитывается несколько сотен. Литературные языки существовали и в прошлом, в частности, но здесь их социальная база была узка и ограничена. Носителями (и создателями) этих языков была лишь образованная часть феодального общества — сами феодалы.

В настоящее время литературные языки имеют и некоторые этнические образования, не являющиеся сложившимися национальными общностями (типа народностей), но только в том случае, если последние, достаточно великие по численности состава и развитые в социально-культурном отношении, имеют собственную литературу, издательства, вузы, своих писателей, поэтов, ученых, интеллигенцию.

Важное место в современном обществе занимают государственные языки. Государственный язык — это законодательно закрепленный в границах определенного государства язык, обязательный для употребления, и потому пользующийся специальной поддержкой и заботой государства в целях его распространения и развития. Особое значение государственных языков заключается в том, что они выполняют функции информационной коммуникации во многих сферах общественной жизни: официального делопроизводства, внутренней и внешней политики, образования, просвещения, культуры и в других областях. Иногда языки с аналогичным статусом и общественными функциями именуются «официальными» языками, однако у последних нет строгой обязательности. В моноэтнических государствах, как правило, существует один государственный язык, в полиэтнических — по несколько в зависимости от их этнического состава и традиций (например, в Швейцарии — три, в Индии — два).

Проблема государственного языка в нашей стране имеет свою историю. В дореволюционной России русский язык как язык великодержавной нации имел статус официального языка и фактически имел общегосударственное значение. В Конституции СССР статья о государственном языке отсутствовала, определялось полное равноправие всех языков и возможность их широкого использования. При этом русский язык выполнял в стране функции языка межнационального общения. После развала Советского Союза во всех его бывших республиках (в том числе автономных) были приняты законы о государственных языках, каковыми были определенные языки «титulyных наций». В настоящее время в некоторых республиках России существует по несколько государственных языков. Русский язык согласно Конституции РФ является государственным на всей территории России, выполняет роль языка межнационального общения.

Важную роль в языковой жизни общества, его отдельных социумов издавна стали играть языки межнационального общения. Потребность в существовании таких языков обусловлена главным образом необходимостью общения в условиях существования множества языков. В античной Европе такими языками были сначала древнегреческий, позднее латинский. В эпоху средневековья функции языка межнационального общения нередко выполняли так называемые «мертвые» языки, в частности, греческий и латинский. В Новое время в условиях многонациональных государств языком межнационального общения обычно становился язык нации, имевший наибольшую численность или находящийся на более высоком уровне социально-культурного развития.

Конкретные формы становления языков межнационального общения были различны. Некоторые из них формировались насильственным путем (в результате захватнических войн, образования империй), другие — добровольно, естественно-историческим путем или конституционно, конвенционально.

Языки межнационального общения — это в сущности языки-посредники, служащие целям коммуникации народов в рамках больших и малых стимулов. В условиях современных международных сообществ возникла потребность в определении языков наивысшего уровня международного общения. По решению ООН такими языками определены английский, испанский, русский, немецкий, китайский.

В советское время было принято различать языки в зависимости от иерархии их положения, определявшегося различными формами национальной государственности: союзная республика, авто-

номная республика, национальный округ. На вершине иерархии находился русский язык, несмотря на неопределенность его юридического статуса (так, в Конституции СССР русский язык не именовался государственным) являвшийся фактически официальным и языком межнационального общения. Следующий уровень составляли региональные языки. Это так называемые титульные языки союзных и некоторых автономных республик (в частности, якутский и тувинский). Особую группу языков составляли языки бытового общения. К их числу относились многие языки автономных республик, автономных областей и национальных округов. Носители этих языков в массе были двуязычными, знали свой материнский (родной) и русский язык. Следует отметить, что языки бытового общения, несмотря на то, что в советское время много делалось для их сохранения, в целом имели низкую престижность. Это вело к переходу части их носителей, особенно в городе, целиком на русский язык.

Рассматривая языковую структуру, невозможно не остановиться на таком компоненте, как статус языка.

В научной литературе существуют термины «государственный язык», «официальный язык», «административный язык» и «национальные языки страны».

Термин «государственный язык» относится к важнейшим компонентам языковой ситуации. До 90-х гг. XX в. этот термин или совсем не употреблялся, или отождествлялся с понятием «официальный язык».

Отождествление понятий «государственный» и «официальный» язык, очевидно, связано с общностью сферы функционирования. Предпочтение же в употреблении термина «официальный» можно объяснить тем, что «в научной литературе советского периода понятие «государственный язык» имело негативный оттенок, т. е. обязательный, принудительный. Однако в социолингвистической литературе последних десятилетий ставятся вопросы о разграничении данных понятий, о выработке научных дефиниций и выделении критериев для их определения.

Определение государственного языка отсутствует в словарях, но существует в этно- и социолингвистической научной литературе. Много внимания этой дефиниции уделяет известный этнолог М. Н. Губогло [3]. В его работе «Переломные годы. Мобилизованный лингвизм» термин «государственный язык» употребляется как язык власти и, наконец, как «институционализированный» язык управления, язык осуществления власти. Иное толкование государственного языка представлено А. С. Пиголкиным [4; с. 20]: «Что такое государственный язык? Это язык, на котором государственная власть общается с населением, разговаривает с гражданином. На нем публикуются законы и другие правовые акты, пишутся официальные документы, протоколы и стенограммы... Это язык официальных вывесок и объявлений... Это и язык, на котором осуществляется обучение в школах и других учебных заведениях... Преимущественное использование на телевидении и на радио, при издании газет и журналов — также одна из функций государственного языка». Еще один взгляд на термин «государственный язык» можно увидеть в работах социолингвиста Ю. В. Трушковой [5], которая специально занимается изучением и описанием социолингвистической терминологии, в том числе понятия «государственный» язык. По мнению Ю. В. Трушковой, «государственный язык — это одна из функциональных разновидностей языка нации, употребляемая в сферах организованного общения и имеющая соответствующий юридический статус. В коммуникативном аспекте это средство общения государства с его гражданами и наоборот».

По мнению известного социолингвиста Л. Л. Аюповой [1], более приемлемым с научной точки зрения является определение «государственного» языка, предложенное Ю. В. Трушковой [5; 115], так как в этом определении доминирующим является функционально-коммуникативный критерий, чем функционирование его в общественно-политической жизни.

В отечественной литературе существует попытка определить критерии выделения государственного языка. А. С. Герд [2] в обширной статье «Языковая политика» выделяет четыре критерия:

- 1) автохтонность населения;
- 2) численность говорящих на данной территории на этом языке как на родном;
- 3) престижность, авторитетность языка;
- 4) нейтральность языка.

Л. Л. Аюпова [1] предлагает дополнить критерии А. С. Герда еще одним — критерием полифункциональности языка, который предполагает наличие широкого спектра социальных и коммуникативных функций в культурной, политической, социально-экономической и частной жизни народов, населяющих ту или иную суверенную республику в составе многонационального государства или отдельно взятой стране. Этот критерий в большей степени выступает индикатором различия государ-

ственного и официального языков, статус и функционирование которых не совпадают ни по объему социальных функций, ни по правовому положению в обществе.

Таким образом, говоря о специфике языковой структуры общества, мы подчеркнем, что здесь речь не идет о структуре языка, а о структуре общества, обусловленной особенностями языка. Языковая структура общества — это одна из нескольких общественных структур, которая связана с влиянием на общество языков: их общего количества, численности носителей, общественных функций, социального статуса.

Литература

1. Аюпова Л. Л. Государственный язык: дефиниции, статус и функционирование // Вопросы филологии. — 2000. — № 2. — С. 37.
2. Герд А. С. Языковая политика // Возрождение культуры России: язык и этнос. — СПб., 1995.
3. Губогло М. Н. Переломные годы. Мобилизованный лингвизм. — М., 1993. — Т. 1.
4. Пиголкин А. С. Законодательство о языках Российской Федерации: опыт, проблемы развития // Языковая ситуация в Российской Федерации. — М., 1992. — С. 15–22.
5. Трушкова Ю. В. Проблемы описания современной социолингвистической социологии (термин «государственный язык» // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. — М., 1994. — С. 115.

References

1. Ayupova L. L. Gosudarstvennyi yazyk: definitzii, status i funktsionirovanie [Official language: definitions, status and functioning]. *Voprosy filologii — Problems of Philology*. 2000. No. 2. P. 37.
2. Gerd A. S. Yazykovaya politika [Language Policy]. *Vozrozhdenie kul'tury Rossii: yazyk i etnos — Rebirth of Russian culture: language and ethnicity*. St Petersburg, 1995.
3. Guboglo M. N. *Perelomnye gody. Mobilizovannyi lingvitsizm* [Critical years. Lingvitsizm mobilized]. Moscow, 1993. V. 1.
4. Pigolkin A. S. Zakonodatel'stvo o yazykakh Rossiiskoi Federatsii: opyt, problemy razvitiya [The legislation on languages of the Russian Federation: experience, problems of development]. *Yazykovaya situatsiya v Rossiiskoi Federatsii — The language situation in the Russian Federation*. 1992. Pp. 15–22.
5. Trushkova Yu. V. Problemy opisaniya sovremennoi sotsiolingvisticheskoi sotsiologii (termin «gosudarstvennyi yazyk») [The problems of describing in modern sociolinguistic sociology (the term "official language")]. *Problemy yazykovoï zhizni Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran — Problems of linguistic life of the Russian Federation and foreign countries*. Moscow, 1994. P. 115.

УДК 364-78(510)

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В КИТАЕ© *Дамбаева Дарима Раднаевна*аспирант кафедры педагогики Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а© *Базарова Татьяна Содномовна*доктор педагогических наук, профессор кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: tbazarova@mail.ru

В статье рассмотрены проблемы социальной работы в Китае и мероприятия, направленные на улучшение качества и уровня жизни определенных социальных групп. Выделены четыре этапа развития системы социальной защиты населения, которые формировались в период становления КНР и продолжают эффективно функционировать до настоящего времени. Приведены особенности социального обеспечения и социальной работы в Китае, раскрыты основные понятия. Детально рассматриваются направления деятельности социальных служб посредством поддержки пожилых граждан и людей с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: социальный работник, поддержка населения, социальное страхование, прожиточный минимум, Китай, социальное обеспечение.

FEATURES OF SOCIAL PROTECTION IN CHINA*Darima R. Dambaeva*Research assistant, Buryat State University
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia*Tat'yana S. Bazarova*Lett. D., Professor, Buryat State University
24 a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

In the article social work of the People's Republic of China and the activities aimed at improving the quality and life standards of certain social groups were analyzed. Four phases of social welfare system development were outlined; they originate from the period of the PRC formation and continue to function effectively. Also, the features of social welfare, social work in China and the basic concepts were disclosed. We considered in details social services activities directed on support of elderly and people with disabilities. As a result of studying social work in China and Russia, we found that the system of two countries were identical in nature.

Keywords: social workers, population support, social insurance, cost of living, China, social welfare, activities, system.

Китай является одним из цивилизованных государств, формирование которого не стоит на месте. Страна с населением свыше миллиарда человек демонстрирует высокий уровень в мире прогресса.

Любая профессиональная деятельность, в особенности тех ее видов, которые сопряжены с общением людей, представляет собой длительный и разноплановый процесс. История формирования социальной работы как профессиональной деятельности является важным свидетельством такого процесса. На базе издаваемых кодексов справедливости, гражданских актов, призывающих к любви к ближнему, заботе о бедных и т. п., в различных государствах в разное время складывался отличный вид деятельности — социальная работа.

Посылами для ее совершенствования во всем цивилизованном мире считаются попечительство, благотворительность, совместный соборный труд, благородное служение различных общин, также всевозможные формы социальной поддержки и помощи человека, оказавшегося в тяжелой жизненной ситуации.

Квалифицированная помощь людям в решении их жизненных проблем определяет профессиональную специфику социальной работы, хотя «основным игроком на общественном поле» непримен-

но становится государство, которое начинает решать вопрос вмешательства в социальную сферу, следовательно, создавать казенные службы профессиональных социальных работников. В первые десятилетия XX в. фактически во всех развитых странах проходит интенсивная экспансия государства в социальную сферу: выстраивается социальная политика, создается правовая база, разрабатываются модели и системы социальной помощи населению. В то же время вырисовываются и отличия в моделях социальной поддержки населения государствах Запада и странах Азии.

Рассматривая детально социальную работу в Китае, можно констатировать, что эта держава пытается энергично продвигать и развивать систему социальной работы – реализуются различные программы, поддерживающие людей, находящихся в затруднительном положении, и население в целом.

Система социальной защиты населения в Китае, возникшая в годы революционной борьбы как комплекс мер по поддержке более незащищенных слоев населения, в своем развитии прошла 4 стадии [4].

1-я стадия началась с момента становления Китайской Народной Республики и продолжалась практически до 1966 г. В 1951 г. государство приняло документ «Нормы (проект) КНР в области страхования рабочего класса», который регулировал нормы по рождению ребенка, заболеванию, уходу с работы, медицинскому сервису, травмам, смертельным случаям на производстве, а также по льготам для временно неработающих. Позднее этот законопроект был расширен и дополнен категорией указов и правоустанавливающих положений. В этот момент федерация профсоюзов Китая считалась значимой организацией, следующей принципам социальной защиты трудящегося населения. Надзорным органом в области обеспечения гарантий населению страны являлось Министерство труда. Система социальной защиты населения играла существенную роль в возобновлении и совершенствовании производства и сельского хозяйства в стране, регламентируя (гарантированный) уровень жизни, а также углубляя роль диктатуры народной демократии.

2-я стадия становления системы социальной защиты населения соотносится с периодом с 1966 по 1976 г. На протяжении 10 «неясных» лет произошли процессы и перемены, отбросившие все прежние заслуги. Правящие структуры в основном были распущены, федерации профсоюзов должны были свернуть собственную деятельность, которая была направлена на расширение социальных гарантий населению. Пособия по безработице были упразднены, а система социального страхования сведена к производственному только за счет и на решение работодателя.

3-я стадия – период между третьей пленарной сессией XI съезда ЦК КПК в 1978 г. и XIV съездом КПК в 1992 г. Вместе с глубоким реформированием финансовой системы и предоставлением новых свобод и вероятностей происходит поиск и утверждение новейших программ и форм социальной защиты населения, гарантированных государством. В 1984 г. некие регионы в порядке эксперимента начали вводить иные модели пенсионного обеспечения по старости. Например, было принято решение ввести обязательные, общие отчисления от муниципальных и коллективных предприятий в пенсионные средства региона, также организовать пенсионные накопительные счета для каждого сотрудника.

Муниципальные учреждения и некоторые коллективные сельские хозяйства помимо прочего обрели ряд мер по развитию системы пенсионного обеспечения пожилых горожан.

В 1988 г. в докладе правительства страны на 1-й сессии Государственного народного конгресса Китая председатель Госсовета Ли Пэн заметил потребность ускорения реформы системы социальной защиты населения, установления и улучшения разных систем страхования и постепенного формирования комплекса мер и социальных гарантий, предусматривающих специфику китайского общества.

4-я стадия развития начинается с XIV съезда КПК и длится по настоящее время. Потребность расширения и утверждения новых принципов социальной защиты населения была неразрывно связана с решением о введении модели социалистической рыночной экономики. В данный период процессы, связанные с повышением количества социальных гарантий населению и принятием новейших моделей страхования, значительно ускорились.

Если рассмотреть сущностные конфигурации в системе социальной защиты населения за последние 18 лет, то надлежит отметить комплекс законодательных и нормативных актов, нацеленных на создание свободной от предприятий и институтов системы, финансируемой из разных источников, что позволяет говорить о ее защищенности и надежности. Согласно государственной политике национальной безопасности система социальной защиты населения гарантирует требуемый уровень жизни соответственно данному этапу экономического становления страны. Государство также периодически расширяет диапазон предоставляемых услуг социального страхования, что собственно содей-

ствуется формированию многоуровневой системы, учитывающей самые всевозможные потребности. Социальное обеспечение в Китае — это оказываемая государством и обществом помощь трудящимся, потерявшим трудоспособность по возрасту, увечью либо болезни и испытывающим проблемы вследствие стихийных бедствий, производственных аварий, — имеет целью создание им ключевых жизненных условий. Социальное обеспечение как институт имеет в своем составе социальное страхование, материальную помощь, социальное обслуживание и т. п.

Социальное страхование в Китае — один из элементов социального обеспечения, в масштабах которого с помощью правительственных ассигнований, корпоративных и личных взносов осуществляется удовлетворение основных жизненных потребностей и медицинских нужд при таких страховых случаях, как рождение ребенка, достижение старости, увечье, утрата работы, смерть и т. д. Социальное страхование, раньше контролируемое рядом департаментов, в настоящее время отнесено к сфере ответственности департаментов труда и социальной защиты, которые на всех уровнях реализуют комплекс мер, обеспечивающих постоянную работу системы социального страхования, а также курируют работу представительств для прямого обращения граждан.

Принятие решения о социальном страховании, которое раньше пребывало в ведении работодателя, отчасти отнесено к сфере ответственности общественных организаций. В настоящее время граждане имеют возможность обрести социальные гарантии со стороны профессиональных союзов, в каких они состоят. Китайское правительство усилило административный и общественный контроль над фондами социального страхования [1].

Система обеспечения прожиточного минимума городского населения учитывает, что городское население с несельской пропиской вправе получать базовую материальную поддержку от районной администрации, если среднедушевой доход семьи ниже прожиточного минимума, установленного в городе. Средний городской прожиточный уровень составляет около 22 тыс. юаней (110 тыс. р.) в год, в сельских районах — менее 7 тыс. юаней (около 35 тыс. р.) в год [3]. Есть отдельные сверхтехнологичные экономические зоны, где за самые обыкновенные виды работ не разрешено расплачиваться меньше 1500 юаней в месяц.

Правительство Китая придает особое значение системе социальной помощи и социальному страхованию, хорошо развита социальная поддержка инвалидов. Их насчитывается 60 млн, что составляет лишь 4 % (1300 млн чел.) населения всей страны. Уровень жизни данной категории населения является весомым показателем, отражающим развитие передового китайского общества. Сейчас в Китае создано 1 655 специализированных учебных заведений для детей-инвалидов. В простых школах страны имеется 3 154 особые класса для таких детей, количество учащихся-инвалидов достигло 577 тысяч человек [2]. Гарантируется право на трудоустройство и социальное обеспечение инвалидов. Как показывает статистика, количество инвалидов, работающих на специальных предприятиях, равняется 1 млн 90 тыс. человек. Каждое государственное предприятие либо учреждение должно трудоустроить определенное количество инвалидов в зависимости от всеобщей численности работников.

Автором выявлено, что в Китае социальную поддержку оказывают не только инвалидам, но и пожилым людям. Китай вступил в энергичную фазу старения населения, невзирая на все старания по реализации политики сбалансированной рождаемости в стране. Одним из аспектов системы социальных гарантий, который имеет вероятность ощутимо повлиять на личное потребление, считается пенсионная система Китая. Данная тема является особо значимой для Китая — стареющее население и классические семьи с одним ребенком.

Китайской семье все труднее заботиться о старшем поколении. На одного человека возлагается финансовая ответственность за стареющих родителей, а также дедушек и бабушек.

Проблемы, связанные со старением населения, считаются прямым последствием политики по ограничению рождаемости «одна семья — один ребенок». Реализация программы стартовала в 80-х гг. XX в. как ответ на угрозу перенаселения державы в условиях нехватки природных ресурсов. Внезапное повышение жизненного уровня, совершенствование качества жизни в стране требовали принудительного (через систему штрафов и обязательного аборта) ограничения рождаемости. Двоих детей разрешалось иметь парам, если они сами были единственными детьми в семьях родителей. Иметь второго ребенка разрешалось только через 4 года после рождения первенца.

Крестьянским семьям, а их в то время было большинство, разрешалось заводить второго ребенка. Льготные условия (2 и более детей) сохранили и для национальных меньшинств, которые составляют минимум 10 % населения). Темпы роста населения замедлились, хотя создали громадную про-

блему — старение населения и отсутствие механизма заботы о старшем поколении. Была нарушена самая основная традиция Китая, сохранявшаяся в течение тысячелетий, — «содержание родителей — главная обязанность детей».

У китайцев есть выражение *yandzifanlao* «вырастить сыновей и обеспечить свою старость». Дети вырастают, делая упор на родителей, а родители в старости полагаются на детей. К сожалению, настоящая демографическая система не дает вероятность единственному ребенку содержать себя и семью с престарелыми родителями.

Социальная работа считается универсальным видом деятельности. Она требует от специалиста знаний в разных областях и умений их использовать на практике.

Одной из главнейших отличительных аспектов деятельности социального работника в Китае, как и в России, является клиентурная деятельность. Она выражается в том, что профессиональный социальный работник неизменно ведет общение с клиентами, его поле деятельности — профессиональное общение. Поэтому наряду с профессиональными знаниями и навыками умение вести деловое общение считается одним из важнейших признаков профессиональной пригодности социального работника.

Проанализировав социальную защиту населения КНР, можно отметить, что достижения Китая в социальной области, сфере социальной защиты становятся все более очевидными. Тем не менее существует немало нерешенных социальных проблем. Отсюда следует, что социальная защита в любом государстве — это комплексная система социально-экономических отношений, предназначенная для оказания разносторонней помощи нетрудоспособным или ограниченно-трудоспособным лицам, а также семьям, доходы трудоспособных членов которых не обеспечивают общественно необходимого уровня жизни семьи.

Литература

1. Ассоциация социального обеспечения КНР [Электронный ресурс]. – URL: www.shflxh.mca.gov.cn
2. Министерство гражданских дел [Электронный ресурс]. – URL: www.mca.gov.cn
3. Министерство финансов Китая [Электронный ресурс]. – URL: www.szs.mof.gov.cn
4. Чзо Цанцин. Создание новой системы социалистической рыночной экономики. – 1993. – № 2. – С. 77–80.

References

1. *Assotsiatsiya sotsial'nogo obespecheniya KNR* [Chinese Welfare Association]. Available at: www.shflxh.mca.gov.cn.
2. *Ministerstvo grazhdanskikh del* [The Ministry of Civil Affairs]. Available at: www.mca.gov.cn.
3. *Ministerstvo finansov Kitaya* [China Ministry of Finance]. Available at: www.szs.mof.gov.cn.
4. Chzo Tsantsin. *Sozdanie novoi sistemy sotsialisticheskoi rynochnoi ekonomiki* [Creation of a new system of socialist market economy]. 1993. No. 2. Pp. 77–80.

УДК 314.7

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ И МИГРАНТОВ
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**© *Кондрашова Наталья Васильевна*

кандидат социологических наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: prokusheva0103@mail.ru

Статья посвящена анализу социальных проблем мигрантов и миграции в контексте социальной работы. Актуальность подтверждается наличием значительного числа публикаций, монографических исследований. В статье подчеркивается, что изучение социальной работы с мигрантами, социальных проблем миграции необходимо в целях оптимизации управления миграционным процессом, успешной социальной адаптации мигрантов с учетом специфики масштабов миграции как на уровне российского общества, так и с учетом специфики национального региона и более полного удовлетворения потребностей как мигранта, так и интересов общества. Целью статьи служит системный анализ проблем миграции и мигрантов, рассматриваются особенности миграционных процессов в России, подтверждается важность миграционной и социальной политики в государстве на основе проведенных исследований.

Ключевые слова: миграционная ситуация, миграция населения, миграционная политика, социальные процессы, социальная работа, социальная структура.

**SOCIAL PROBLEMS OF MIGRATION AND MIGRANTS
IN THE CONTEXT OF SOCIAL WORK***Nataliya V. Kondrashova*

PhD, A/Professor, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

In the article current social problems of migrants and migration in the context of social work were analyzed. The large number of publications and monographs, concerning this problem emphasizes that studying of social work with migrants, social migration issues is necessary in order to optimize management of migration processes, processes of migrants' successful social adaptation, taking into account the specifics of migration at the level of Russian society, and at the level of national region, as well as to meet better the needs of both migrants and the public interest. We made a systematic analysis of migration and migrants' problems, considered the features of migration processes in Russia. The research confirmed the importance of migration and social policy in the state.

Keywords: migration situation, migration, migration policy, social processes, social work, social structure.

Словосочетание «социальная проблема» появилось в западноевропейском обществе в начале XIX в. и первоначально использовалось для обозначения одной конкретной проблемы — неравномерного распределения богатства. Менялись времена, менялось и содержание социальных проблем, их проявление для общества, группы и личности.

Социальная проблема — это существование факторов общественной жизни, которые требуют коллективных усилий для их решения.

В широком смысле слова под социальными проблемами понимают все социальные явления, связанные с поведением людей в обществе, как в рамках нормы, так и за ее пределами. В свою очередь, понятие «социальная норма» может расцениваться как на глобальном уровне, так и на уровне отдельного государства. Естественно, что в зависимости от уровня жизни населения или государственной политики перечень этих вопросов неодинаков для разных стран. В узком понимании о проблеме заявляют, обнаружив разрушение стабильных социальных связей, которые приводят к напряженности и конфликтам. В этом случае, учитывая современные тенденции развития общества для выявления социальных проблем, объективное состояние дел сопоставляют с определенной нормой. Следовательно, проблемы являются частью социальных процессов (например, вынужденная миграция), их содержание носит социальный характер, а форма проявления является личностной (например, потеря всего нажитого имущества мигранта).

Для того чтобы обозначить перечень определенных социальных проблем, нами приводятся данные опроса ВЦИОМ, в результате которого было опрошено 1 600 чел. В 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России рейтинг значимости основных социальных проблем современной России выглядит следующим образом [3] (рис. 1):

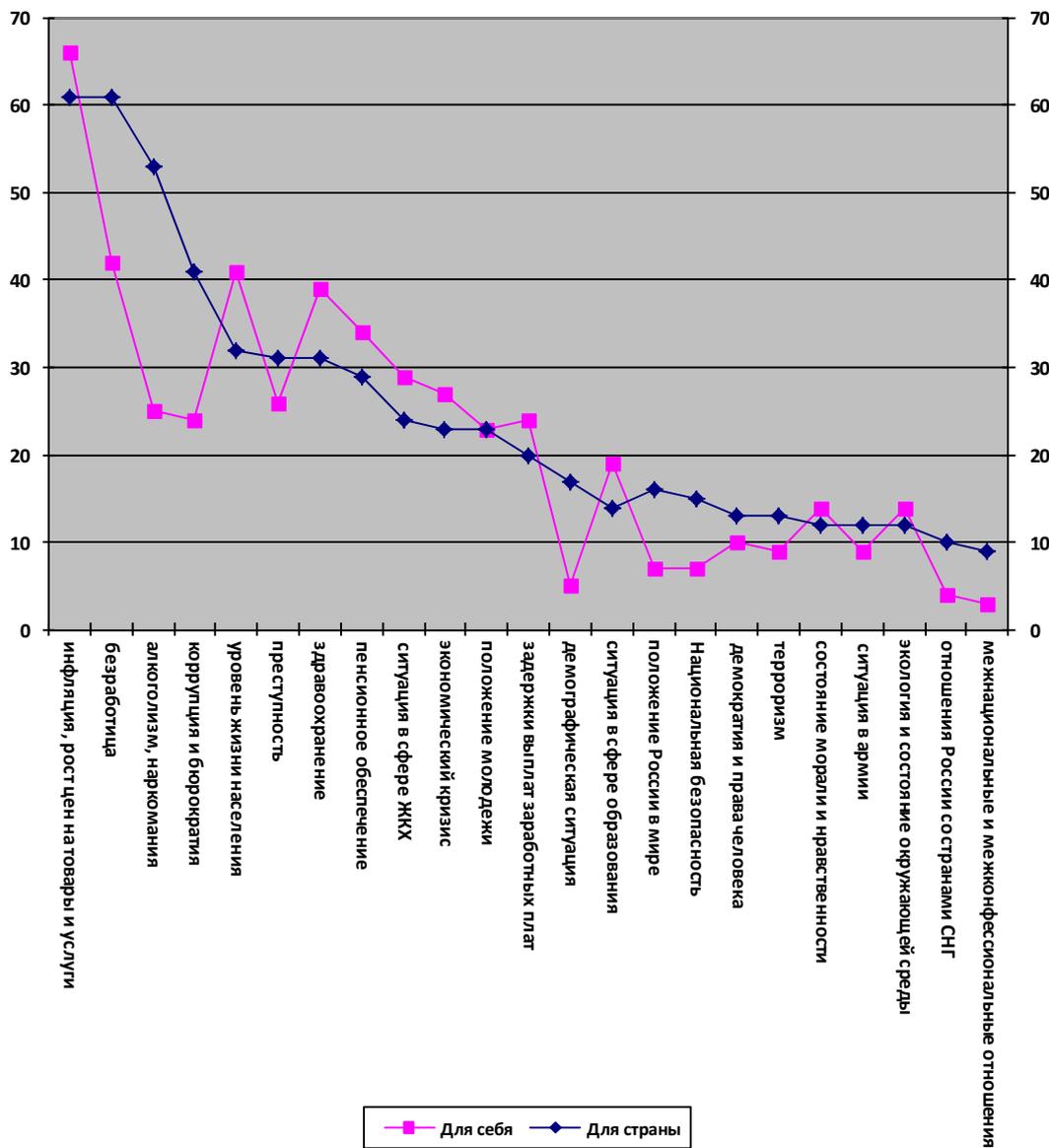

Рис. 1

Виды социальных проблем можно классифицировать по разным признакам, если говорить об укрупненной классификации или социальных проблемах глобального характера, то можно выделить, например:

- демографические (стремительное увеличение населения планеты);
- экологические (проблема загрязнения Мирового океана и атмосферы, утилизация и переработка твердых отходов);
- продовольственные (необходимость обеспечения продовольствием постоянно увеличивающееся население планеты);
- энергетические (решение вопросов об обеспечении людей энергией и топливом в текущий момент времени и обозримом будущем);
- социально-экономические (решение проблем безработицы, классового неравенства, медицинского обслуживания, социальной поддержки, образования).

Указанные виды социальных проблем требуют решения соответствующих характерных вопросов с совместными усилиями всех государств и сообществ, а также могут проецироваться в отдельно взятой стране.

Что касается социальной работы, то часть социальных проблем на макроуровне решается в русле как социальной политики, так и миграционной (например, процесс интеграции мигрантов, возвращение соотечественников).

Социальная политика является одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на социальную работу в обществе и способствующих защите интересов человека, групп и слоев, их прав и свобод. В свою очередь, социальная политика воздействует на миграционное поведение, является одним из видов социального поведения, совокупности действий или поступков, которые логически приводят к миграции населения. Миграционная политика проводится так, чтобы влиять на условия формирования миграционного поведения, основными из которых являются образ и условия жизни, экономическое и политическое положение.

Социальную работу обычно рассматривают как деятельность, направленную на оказание помощи, поддержки социально уязвимым группам населения. Однако социальную работу можно (и нужно) рассматривать как деятельность по предупреждению негативных последствий в поведении, в жизнедеятельности отдельных личностей, групп, слоев, то есть профилактическая работа должна занять в социальной работе в целом значительно большее место, чем это наблюдается сейчас. На это должна быть нацелена социальная политика. Реализация содержания форм и методов социальной работы целиком и полностью определяется социальной политикой.

На мезоуровне социальные работники сталкиваются с социально-управленческими, социально-экономическими, социально-экологическими, социально-бытовыми, социально-медицинскими, социально-психологическими, социально-правовыми, социально-педагогическими и другими проблемами. При этом проблемы, возникающие в одной из областей, неизбежно затрагивают и другие сферы жизнедеятельности человека, поэтому для их выявления необходимо привлекать усилия социальных групп, организаций и профессионалов, осуществляющих преобразовательную деятельность в конкретной подсистеме общества. Здесь основным структурным механизмом реализации миграционной политики в области социальных проблем мигрантов является миграционная служба, органы социальной защиты и социального обслуживания.

В области социальной работы микроуровень социальных проблем предполагает индивидуальные проблемы клиента, с которыми человек не может справиться самостоятельно и для решения которых ему требуется помощь профессионально подготовленного работника. В работе с мигрантами приходится рассматривать предпосылки и характер солидарности, складывающийся на новом месте, а также общую атмосферу в регионе и обществе, располагающую или не располагающую к солидарности, в том числе и солидарности мигрантов. Социальный работник при этом учитывает весь комплекс ценностей и механизмов социальной интеграции на новом месте, причины переселения, механизмы дезинтеграции, а также особенности ценностей и механизмы реинтеграции на новом месте.

Деятельность социального работника с мигрантами направлена на поддержание и восстановление утерянной идентичности человека. Важнейшей проблемой социальной работы с мигрантами является поддержание социальной целостности и солидарности.

Следовательно, специфика подготовки студентов к социальной работе с мигрантами обосновывает необходимость изучения социальных проблем указанной категории, так и как социальных проблем миграционных процессов.

Таким образом, для повышения эффективности социальной с мигрантами необходимо, во-первых, освоению базовых понятий, концепций составляющих теоретическую основу практического изучения миграционных процессов, учитывать, что мигранты обладают разным правовым статусом, уровнем материальной обеспеченности, профессиональных навыков и другими социально-демографическими характеристиками; во-вторых, целесообразно выявить основные проблемы, потребности разных групп переселенцев, дать им анализ, определить решение проблем; в-третьих, определить наиболее оптимальные способы и формы оказания социальной помощи нуждающимся их организацию.

Постановка указанных задач формулирует выявление социальных проблем мигрантов и определенную модель для разрешения их социальных проблем.

Для социальных работников объектом приложения их профессиональных знаний становится работа в миграционных службах, которые сотрудничают со службами социальной защиты, социального

обслуживания и здравоохранения, социально-эпидемиологическими службами. Наиболее сложные условия работы в центрах временного размещения мигрантов. Для социальных работников наиболее важно снять или смягчить негативные последствия насилия с помощью индивидуальной и групповой психотерапии, технологий устранения конфликтности, развития способностей к коммуникативности, самостоятельности и терпимости.

Важна разработка модели разрешения социальных проблем клиента.

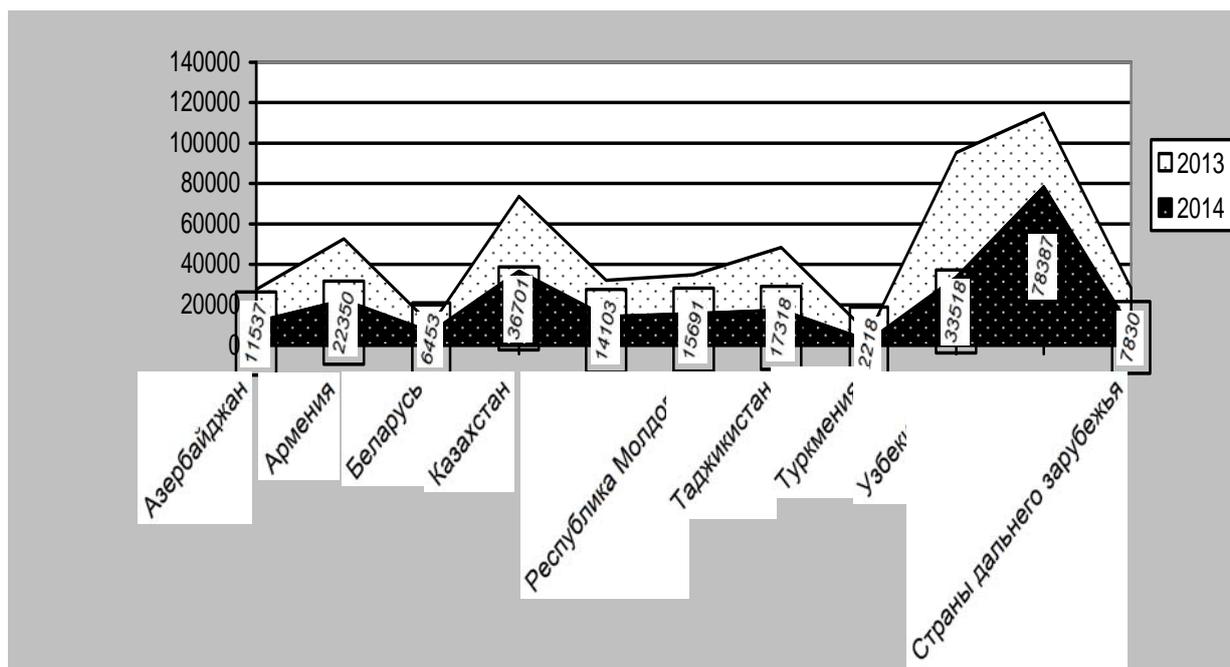
Модель разрешения социальных проблем клиента социальных служб [6]

Приведем некоторые статистические данные, которые примерно отвечают на вопросы: Откуда едут? Куда едут? Каков национальный состав? Какие мигранты (трудовые, вынужденные)?

По оценке Росстата, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 декабря 2014 г. составила 146,3 млн человек, из них 2,4 млн человек проживало в Крымском федеральном округе. По сравнению с началом 2014 г. число жителей России возросло на 300,2 тыс. человек, или на 0,2 % (на соответствующую дату предыдущего года — на 298,8 тыс. человек, или на 0,2 %). Увеличение численности населения за январь — ноябрь 2014 г. сложилось за счет естественного и миграционного приростов. При этом миграционный прирост составил 88 % общего прироста населения.

За январь — ноябрь 2014 г. число мигрантов, переселяющихся в пределах России, увеличилось на 17,5 тыс. человек, или на 0,5 %, по сравнению с соответствующим периодом 2013 г. Миграционный прирост населения России уменьшился на 16,2 тыс. человек, или на 5,8 %, в результате возросшего числа выбывших из Российской Федерации (на 107,5 тыс. человек, или на 61,2 %), в том числе за счет эмигрантов в страны СНГ — на 95,7 тыс. человек, или на 68,0 %. Наряду с этим отмечено увеличение числа прибывших из-за пределов России на 76,2 тыс. человек, или на 16,8 %, в том числе из стран СНГ — на 77,0 тыс. человек, или на 19,4 % [6].

Из указанной диаграммы становится понятным, что отрицательное сальдо миграции отсутствует за 2013 и 2014 гг., по крайней мере со странами СНГ. Оно имеет место быть среди отдельных стран дальнего зарубежья, таких как Германия (2014 г. (–963 чел.), а 2013 г. (+248 чел.); Израиль (2014 г. (–8 чел.), 2013 г. (+76 чел.); Канада (2014 г. (–478 чел.), 2013 г. (–284 чел.), США (2014 г. (–880 чел.), 2013 г. (–445 чел.); Финляндия (2014 г. (–508 чел.), 2013 г. (–242 чел.). Общий показатель международной миграции со странами СНГ указывает на положительное сальдо миграции в 2014 г. — +238 276 чел., в 2013 г. — +256 940 чел. Соответственно, можно отметить, мигранты приезжают к нам в основном из бывших республик Советского Союза, что говорит об уже сложившейся схеме миграционных потоков, а также об общности социального, культурного, экономического и исторического опыта, который был накоплен в прошлом.

Показатели международного прироста миграции Российской Федерации (2013–2014 гг.)

Важно не только представить статистические данные, характеризующие миграционные потоки, но и определить особенности «вхождения» мигрантов. В Республике Бурятия к числу таких особенностей, на наш взгляд, относятся следующие:

- 1) расселение мигрантов неравномерно по административным территориям;
- 2) переезд из сельской местности в городскую;
- 3) определение компактности расселения мигрантов по месту их выбытия. Так, большая часть вынужденных мигрантов, выехавших из Казахстана, Таджикистана, Украины, проживает в городской местности;
- 4) снижение жизненного уровня, каждый четвертый переселенец теряет профессиональный статус и работу по специальности как источник существования, что является основанием для десоциализации, влияет на изменение ценностных ориентаций.

В результате проведенных исследований было выявлено, что в мерах социальной поддержки не удовлетворена большая часть вынужденных мигрантов — 69 %, ничего о них не знают — 5 %. Часть вынужденных мигрантов (20 % от числа опрошенных) получила государственное жилье, многие — за счет своих стартовых возможностей. Для большинства вынужденных мигрантов характерен низкий уровень жизни, в первую очередь за счет низкой оплаты труда, а также высокой безработицы. Среди занятых преобладает найм. 60 % вынужденных мигрантов утверждают, что имущественное положение их семьи ухудшилось по сравнению с ситуацией до миграции, 18 % констатирует, что оно осталось без изменений, и только 22 % опрошенных указывает на его улучшение.

Таким образом, жилье, занятость, оплата труда оказывают важное значение в разрешении социальных проблем мигрантов.

Немаловажным является исследование проблем, связанных со стратегиями и последствиями межкультурного взаимодействия. Например, стадии аккультурации [7]: 1) интеграция, когда каждая из взаимодействующих групп и ее представители сохраняют свою культуру, но одновременно они устанавливают тесные контакты между собой; 2) ассимиляция, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но поддерживают тесные контакты с другой культурой и фактически перенимают ее; 3) сепаратизм, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но не устанавливают тесных контактов с другой культурой.

Определяются категории последствий межкультурного контакта для этнической группы [8]: 1) геноцид, т. е. уничтожение группы; 2) ассимиляция — постепенное добровольное или принудительное принятие обычаев, верований, норм доминантной группы вплоть до полного растворения в ней; 3) сегрегация, т. е. курс на раздельное развитие групп; 4) интеграция — сохранение группами

своей культурной идентичности при объединении в единое сообщество на новом значимом основании.

Наблюдения выявили, что мигранты, приехавшие в Республику Бурятия, частично ассимилируются, когда индивид жертвует своей культурой в пользу инокультурной среды, старается придерживаться своей (8 % респондентов), своей и новой (25 %), новой (67 %) культуры.

Итак, миграционные процессы в России достигли значительных масштабов. С одной стороны, миграционный фактор играет исключительно важную роль в решении неотложных экономических и демографических проблем Российской Федерации. Миграция выполняет важную функцию — перераспределение трудовых ресурсов, способствует выравниванию уровня экономического развития, помогает преодолеть различия в уровне жизни населения разных стран, обеспечивает сближение, взаимопроникновение и взаимообогащение культур. Миграция помогает разрешить другую не менее важную социальную проблему — демографическую. Во-первых, создает баланс среди густонаселенных или перенаселенных территорий, в территории где не хватает трудовых ресурсов или среди территорий нового освоения. Во-вторых, приток трудоспособных мигрантов способствует омоложению населения, поскольку в развитых странах наблюдается демографическое старение. В-третьих, находясь в активном репродуктивном возрасте, мигранты увеличивают брачность и рождаемость, в том числе коренного населения.

С другой стороны, миграция населения в Россию порождает ряд проблем. Во-первых, создает большую напряженность на рынках труда, так как приток дешевой рабочей силы ухудшает положение работающего коренного населения; усиливает конкуренцию в борьбе за свободные рабочие места; увеличивает безработицу, которая и так есть в индустриально развитых странах. Во-вторых, вызывает перенапряжение систем социальной защиты. В-третьих, мигранты стремятся обосноваться в крупных городах, но не всем удается найти там работу, а как следствием может явиться то, что не всем это удастся, часть из прибывших становятся безработными, незарегистрированными в службах занятости, что впоследствии влечет нелегальную миграцию, что, в свою очередь, влечет ухудшение криминогенной обстановки. Нередки случаи, когда мигранты буквально «захватывают» отдельные виды сферы услуг — уборка территории, ремонт сантехники, строительство, создают свои бригады и не допускают в них лиц других национальностей.

Вышесказанное дает основание полагать, что социальная работа с мигрантами — это система зрелых социально-гуманистических отношений и форм взаимодействия людей, обеспечивающих выявление актуальных социальных проблем. Исследовательская деятельность в обозначенной сфере показывает, что в условиях миграции актуальность региональных комплексных исследований этого процесса не вызывает сомнения, они должны быть максимально приближены к решению проблем миграции.

Литература

1. Кондрашова Н. В. Методы исследования социальной адаптации вынужденных мигрантов // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — № 5. — С. 149–154.
2. Кондрашова Н. В. Роль вынужденных мигрантов в социальной структуре современного российского общества // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 6–2. — С. 58–61.
3. Опрос ВЦИОМ 10–11 января 2009 г. [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1140. — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=195&uid=11268> (дата обращения: 23.01.2009).
4. Прокушева Н. В. Практические методы социальной работы // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — Вып. 5. — С. 254–259.
5. Теория социальной работы [Электронный ресурс] / под общ. ред. И. Г. Кузиной. — URL: <http://txbt.ru/114/10.html>
6. Демография. Население. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 13.01.2015).
7. Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied psychology: An international review. 1997. Vol. 46(1). — P. 5–34.
8. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relation // Cultures in contact. Ed. by Bochner S. — Oxford: Pergamon Press, 1982. — P. 50–44.

References

1. Kondrashova N. V. Metody issledovaniya sotsial'noi adaptatsii vynuzhdennykh migrantov [Research methods of forced migrants' social adaptation]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Buryat State University*. 2012. No. 5. Pp. 149–154.
2. Kondrashova N. V. Rol' vynuzhdennykh migrantov v sotsial'noi strukture sovremennogo rossiiskogo obshchestva [The role of forced migrants in social structure of modern Russian society]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Buryat State University*. 2014. No. 6–2. Pp. 58–61.
3. Opros VTsIOM 10–11 yanvarya 2009 g. The opinion poll of ARCSPO in January 10–11, 2009. ARCSPO press release No. 1140. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=195&uid=11268>.
4. Prokusheva N. V. Prakticheskie metody sotsial'noi raboty [Practical methods of social work]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Buryat State University*. 2009. No. 5. Pp. 254–259.
5. *Teoriya sotsial'noi raboty* [Theory of Social work]. Available at: <http://txb.ru/114/10.html>.
6. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
7. Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation. *Applied psychology: An international review*. 1997. V. 46(1). Pp. 5–34
8. Bochner S. *The social psychology of cross-cultural relation. Cultures in contact*. Ed. by Bochner S. Oxford: Pergamon Press, 1982. Pp. 5–44.

УДК 316.628

ПРОБЛЕМА СТИЛЕЙ, МОТИВАЦИИ И УЧАСТИЯ В УПРАВЛЕНИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

© *Котоманова Ольга Владимировна*

кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: kotomanova@yandex.ru

Автором изложена аргументация гендерного образа управления, обоснованы причины предпочтений мужчин и женщин в сфере жизнедеятельности, оценены высокий социальный статус и финансовая независимость граждан. Сформулированы сильные и слабые стороны гендерного стиля управления, предпочтения в определении структуры и формы работы, преимущества успешного менеджмента женщин и мужчин. Приведена заинтересованность граждан в осуществлении функций управления, наличие различных правил и особенностей портрета руководителей. Исследование автора показало обоснованность присутствия характеристик гибкости и многозадачности, планирования и тайм-менеджмента, сочетание баланса между занятостью и временем отдыха женщин-руководителей. Проанализированы различные аспекты планирования, организации, стимулирования, контроля и результат эффективной деятельности руководителей-мужчин в области стратегического управления. Предложены варианты менеджерских линий в зависимости от мотива участников управления.

Ключевые слова: руководитель, стратегия, статус, финансовая независимость, регион, образ жизни, бизнес-леди, топ-менеджер.

PROBLEMS OF STYLES, MOTIVATION AND PARTICIPATION OF MEN AND WOMEN IN MANAGEMENT

Ol'ga V. Kotomanova

PhD, A/Professor, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The author stated arguments for gender image of management, explained the reasons of men and women preferences in spheres of life, assessed high social status and financial independence of citizens. The strengths and weaknesses of gender management style, preferences in determining of work structure and forms, advantages of women and men successful management were formulated. The article highlighted the citizens' interests in implementation of management functions, the existence of different rules and features, leaders' portrait. The study showed the validity of flexibility and multi-tasking characteristics, planning and time-management, the balance between employment and leisure time of women-leaders. Different aspects of planning, organizing, promoting, monitoring and the results of effective activity of men-leaders in the field of strategic management were analyzed. The author offered the variants of managerial lines according to the motives of management participants.

Keywords: leader, strategy, status, financial independence, region, lifestyle, business woman, top manager.

Сегодня практически в каждой организации система управления имеет определяющий характер ее существования и развития. И какую бы стратегию управления ни избрал руководитель, его стиль и мотивация зависят от гендерного принципа. Ни для кого не секрет, что современное управление все чаще становится сферой деятельности женщин. Главным мотивом выбора руководящей должности для женщины, впрочем, как и для мужчины, являются финансовая независимость и успех в карьере, следствием которой является высокий социальный статус в обществе.

Специалистам в области социологии и психологии давно известно, что существуют мужской и женский стили управления, которые по целому ряду показателей различаются. Существуют сильные стороны женского стиля управления, который акцентирован на комбинированных стратегиях в управлении как бюджетной организации, так и коммерческой фирмы. Если женщин сравнить с мужчинами, то они больше используют в своей практике смешанные стратегии управления, такие как руководитель-координатор или руководитель-лидер.

Этот вывод подтверждает проведенное нами исследование в Республике Бурятия в 2013–2014 гг., в котором приняли участие 1 200 руководителей различных отраслей народного хозяйства, в

том числе 56 % мужчин и 44 % женщин, возраст составил 25–55 лет. Профессиональный стаж в должности руководителя составляет 3–25 лет.

Мужчины, являясь сторонниками определенной модели управления, придерживаются одной стратегии в поведении, так ответили 88 % респондентов, женщины-руководители реализуют стратегии выживания — 44 % респондентов, стратегии развития — 56 %, при этом они выстраивают более осторожные отношения со своими партнерами и избегают «рискованных» стратегий.

Далее приведем некоторые результаты сравнения мотивации и стиля управления мужчин и женщин, которые порой являются полностью противоположными по смыслу. Так, в стратегии управления женщины ориентируются на текущие проблемы (63 % респондентов), при этом преодолевают препятствия в работе с помощью «хитрости и ловкости», а 37 % женщин ориентируются на «интеллект и силу». Мужчины нацелены на перспективные проблемы, так считают 93 % руководителей, которые выбирают в качестве способа преодоления «интеллект и силу», и только 7 % мужчин выбрали «ловкость».

Главным объектом внимания в работе у 65 % женщин является ее форма, а 35 % респондентов на первое место поставили содержание работы. В то время как у 88 % мужчин на первом месте — содержание работы и только 12 % мужчин-руководителей отдали предпочтение форме работы, при этом женщин-руководителей отличает повышенная наблюдательность и точность, тогда как у мужчин это качество снижено.

К внешним факторам воздействия на управление в организации 75 % женщин относятся идеализированно и только 25 % смотрит на внешний мир реалистично, тогда как у мужчин наоборот, 82 % реалистично оценивает внешнее воздействие и 18 % идеализирует внешние факторы. Возможно, этому способствует наглядно действенный тип мышления, свойственный женщинам, в то время как у мужчин преобладает словесно-логический тип мышления.

Проанализировав указанные данные исследования, автор пришел к выводу, что по некоторым параметрам женщины обладают некоторыми преимуществами в целях успешного осуществления функций управления. Однако мужчины, да и сами женщины, охарактеризовали женщин-руководителей по двум стилям управления, известным в социологии управления как «железная леди» и «старшая сестра». Среди опрошенных респондентов к «железным леди» относятся 52 % бизнес-леди и 38 % женщин-руководителей в социальной сфере. Стиль управления «старшая сестра» выбрали 30 и 55 % женщин соответственно. Только 18 % бизнес-леди и 7 % женщин-руководителей в социальной сфере указали стиль управления, который можно назвать как «топ-менеджер» (в основном руководители в возрасте от 30 до 35 лет).

Женщины-руководители, предпочитающие стиль «железная леди», хорошо знают о своей силе, отличаются самоуверенностью и авторитарностью, так считают 44 % респондентов. Отвергают дискуссии и обмен мнениями как неэффективное средство управления 56 % женщин, которых отличает строгость и требовательность к подчиненным. Эти руководители в системе мотивации опираются на наказания, от подчиненных ожидают соблюдения дисциплины и уступчивости и ценят в подчиненных мужчинах в основном их профессиональные способности.

Противоположный портрет представлен в стиле «старшая сестра», 45 % женщин поощряют дискуссии и полемику, при этом опираются на коллективные формы принятия решений. Так, 35 % женщин предпочитают, чтобы рядом с ними работали такие же сильные коллеги, при этом они ценят не только профессиональные (менеджерские), но и социально-психологические качества работников. В системе мотивации делают упор на вознаграждение, поощряют новаторство и творческий подход к делу 20 % женщин-руководителей. Именно они ожидают полной отдачи от своих подчиненных и ценят в них чувство единой команды.

Женщины, работающие в стиле «топ-менеджер», отличаются гибкостью, дипломатичностью, особое значение придают тайм-менеджменту и планированию, в сотрудниках ценят внимание к деталям, умелое сочетание баланса между работой и отдыхом [1, с. 103].

Мужчины-руководители были охарактеризованы следующим образом: руководитель-демократ (40 %), авторитарный бизнесмен и руководитель промышленного сектора экономики (50 %) и коучинг-руководитель (бизнес-психоанализ) (10 %).

Демократы-руководители получают удовольствие от работы, предпочитают коллективность принятия решений, 65 % респондентов выбирают возможность реализации каждым сотрудником своих потребностей в плане самовыражения, творчества, принадлежности к коллективу.

При авторитарном стиле управления все решения принимает лично руководитель, как считают 90 % респондентов, единоначалие — главный принцип. 55 % опрошенных бизнесменов предъявляют высокую требовательность к своим подчиненным и самостоятельно контролируют все процессы развития организации. Этот стиль применяют 60 % руководителей, поскольку приходится работать в экстремальных ситуациях.

Главная цель для 70 % коучинг-руководителей — использовать личностный потенциал каждого работника, расширить стратегические компоненты в работе менеджеров, наладить взаимодействие между различными подразделениями в организации и сократить влияние внешней среды.

Все мужчины-руководители в своем стиле управления на первое место ставят планирование деятельности, центральным звеном выступает организация деятельности, затем стимулирование, контроль и результат. Таким образом, мужчины выбирают самую известную схему в теории стратегического управления.

Автором выявлены особенности проблемы стилей, мотивации и участия в управлении мужчин и женщин. Рассмотрим каждую более подробно.

Первое место занимает мотивация трудовой деятельности женщины, которая имеет подвижную структуру. Женщины в отличие от мужчин реагируют ярко. Приведем пример, женщины, ориентированные на семью, счастливые в браке, чувствующие себя социально защищенными, не стремятся к лидерству в организации, не фокусируют свои отношения с коллегами. При этом некоторые стремятся к укреплению самостоятельного статуса с целью самоактуализации, самоутверждения, собственной полноценности.

Мужчины, стремящиеся построить карьеру, высоко ценят внесемейные ценности, общение в кругу коллег, друзей, хобби, спортивные увлечения. Женщины, ориентированные на карьеру, больше стремятся к стабильности и уверенности в будущем, финансовой независимости, реализации своих потребностей и возможностей.

На втором месте — сфера межличностных отношений (отношения между членами коллектива), которая волнует женщину больше, чем руководителя-мужчину. Именно этой ценности 70 % женщин-руководителей уделяют больше внимания, они болезненно могут реагировать на морально-психологический климат в коллективе по сравнению с мужчинами, проявляют большую эмпатию и восприимчивость в понимании душевного состояния и морально-нравственных изменений своих подчиненных. Кроме того, 68 % женщин-руководителей в самых сложных ситуациях управления опираются на высокие мотивы своих подчиненных, 32 % женщин-руководителей склонны применять жесткие меры наказания к своим подчиненным, если они не справляются с возложенными на них задачами.

Третье место в женском стиле управления занимает эмоциональность. Всем известен тот факт, что женщины близко воспринимают все, что связано с ее непосредственной деятельностью и очень долго остаются во власти переживаний. Этот факт можно рассматривать с отрицательной точки зрения, так как женщины каждый раз эмоционально переживают предполагаемый (прогнозируемый) ход событий, даже если он не состоялся, более того, они обидчивы и могут болезненно реагировать на критику и оскорбление. В результате чего женщине трудно быть объективной и вести диалог в конструктивном режиме. Женская эмоциональность может выступать как недостаток модели управления, т. к. является источником неуверенности и причиной различных конфликтов.

Как аргумент в пользу женщин-руководителей можно привести их интуицию и «железную» женскую логику, которые имеют для нее большое значение чуткости в вопросах управления [2, с. 32].

На четвертое место женщина-руководитель ставит взаимоотношения с внешней средой, ее стиль управления более гибкий, которому способствует умение быстро адаптироваться к сложным ситуациям в работе. Женщины сами отмечают, что могут не только сочетать, но и оперативно переключаться с одной социальной роли (руководителя или бизнес-леди) на другую (матери, жены или дочери). При этом психологи установили, что примерно 30 % нервных расстройств женщин происходит от ее двойной занятости — руководителя на работе и исполнителя дома.

Отказ от жалоб на невозможность преобразований и поиска виноватых дает возможность женщине-руководителю успешно действовать в рамках заданных ограничений, настойчиво и последовательно добиваться реализации поставленных целей. Гибкость и дипломатичность в сочетании с настойчивостью позволяют женщине эффективно строить взаимоотношения с деловыми партнерами, находить у них взаимопонимание и поддержку. Женщины легче, чем мужчины, приспосабливаются к неожиданным изменениям [3, с. 4].

На пятое место женщины поставили стратегию «маленьких шагов», когда они проводят последовательные преобразования в организации без ориентации на быстрый результат. Это возможно применять в ситуациях неопределенности дальнейшего развития организации, когда женщины-руководители прибегают поочередно к тактическому, затем стратегическому управлению при планировании. Этот стиль, как считают 65 % респондентов, оказывается более выигрышным в современном менеджменте.

Автором было выявлено, что женщины лучше воспринимают и анализируют детали, а мужчины, наоборот, элементы целого. Они могут представить событие в целом, оценить стратегические тенденции и установить интегрированную связь между частями целого. Как сказал Эрик Берн: «Женщины видят деревья, а мужчины — лес. Мужчины строят, а женщины — обставляют».

Следующее место в предпочтении женщин на посту руководителей занимает готовность к сотрудничеству и коллегиальному принятию решений, в большей степени демократичность. При этом она почти всегда старается делегировать полномочия, порой отказывается от ежедневного контроля и опеки подчиненных. У 60 % женщин-руководителей ответственность за работу устанавливается в соответствии с четким разделением должностных инструкций, где конкретный исполнитель самостоятельно должен отвечать за возложенную на него ответственность по своему участку работы.

При этом женщинам-менеджерам присуща склонность к наставлениям, поучениям и назиданиям, именно эта особенность не нравится 58 % опрошенных мужчин. Тогда как женщины из этого принципа компенсируют свои особенности и могут даже извлечь выгоду. Например, мелочность женщины может сыграть и положительную роль. Бизнес-леди никогда не отказывается от незначительных дел, мелких заказов, и, следовательно, взаимовыгодных предложений. Даже то, что она не может применить в настоящий момент, она откладывает на будущее. В то время как 52 % мужчин-руководителей, обладающих стратегическим мышлением и не замечающих детали, иногда совершают ошибки.

Стратегию активного противостояния женщина демонстрирует только в экстремальных ситуациях, когда ей на помощь приходит знаменитая интуиция. Женщина, используя разные модели поведения, находит оптимальные в сложившихся условиях пути решения проблем, не уступая в настойчивости руководителю-мужчине.

Исследование показало, что 64 % опрошенных женщин в ситуациях риска способны формировать противоположные по смыслу стратегии, отличающиеся осознанной осторожностью и необходимым уровнем рискованности, порой авантюризма, что способствует организации «быть на плаву» в условиях неопределенности бизнеса.

И, наконец, рассмотрим поведение женщины в ситуации конфликта. Выдвинутая нами гипотеза о том, что конфликты имеют «женское лицо», не подтвердилась в результате исследования. Автором было установлено, что 35 % мужчин и 37 % женщин конфликтуют примерно с одинаковой частотой, хотя причины и формы проявления конфликтов различны у мужчин и женщин.

Женщины-руководители и мужчины прибегают к конфликту в ситуации стресса. Однако в отличие от мужчин они не задерживают внутри себя отрицательные эмоции, 60 % женщин считают, что это следствие материнского инстинкта. Например, 40 % женщин-предпринимателей относятся к своей деятельности, как к ребенку, и готовы пойти на риск ради успеха предприятия. Более половины опрошенных респондентов трепетно относятся к своим сотрудникам, чувствуя ответственность за каждого, поэтому им очень трудно (жалко) расставаться с ненужными людьми.

Рассмотренные особенности поведения женщины-руководителя, конечно, являются неполным перечнем характерных черт женского стиля управления, но позволяют сделать вывод о мотивации и участии женщин в управлении. Женщины-руководители достигают успехов в руководстве благодаря творческому подходу при использовании своих способностей, реализации присущих только женщине ценностей и качественного стиля управления.

Женский стиль управления базируется на грамотном распределении функций между сотрудниками, которыми не просто нужно руководить и контролировать исполнение, но, прежде всего, им следует помогать, советовать, научить, как эффективно исполнять решение. При этом женщины могут проявить себя как бюрократами, так и демократами в процессе принятия решений, которые сопровождаются процессом активного сотрудничества с подчиненными.

Анализируя мужской и женский стили управления, можно сделать вывод, что женщины-руководители иногда действуют успешнее мужчин, обеспечивая более комфортные условия развития бюджетной организации или коммерческой фирмы. Они высоко оценивают морально-

нравственные качества, коммуникативные возможности, жизненные ценности своих подчиненных. Мужчины, наоборот, ценят качества, обеспечивающие эффективность профессиональной деятельности (взаимодействие в коллективе) в рамках управления организацией.

Мотивация и ценность управления мужчин в организации зависят от решений проблем в ситуации с высокой степенью неопределенности, замкнутости развития организации, при принятии кардинальных мер реструктуризации. Женщины-руководители эффективно исполняют свои обязанности в разрешении повседневных действий, повторяющихся элементов процесса управления.

Фактор пола определяет различную выраженность основных компонентов и типов индивидуального стиля руководства. Он обеспечивает женщинам-руководителям большую по сравнению с мужчинами социально-психологическую эффективность [3].

Таким образом, мы пришли к выводу, что женщины-руководители имеют средний рейтинг среди подчиненных. Чаще всего они сильные и гибкие, предприимчивые и невероятно работоспособные. Женщины-руководители прагматичны и уверены в себе, они неординарны и более критичны, чем мужчины, порой им не требуется жесткий внешний контроль. Кроме того, у них более отчетливо прослеживаются тенденция к развитию своего внутреннего потенциала и стремление к совершенству. Еще одна особенность — это возраст женщины-руководителя, молодежь в возрасте от 27 до 35 лет составила 15 %, от 36 до 50 лет — 60 %, от 51 до 55 лет — 25 %. У мужчин распространенный возраст руководителя от 36 до 55 лет составил 75 %, молодежь до 35 лет — 25 % респондентов.

При этом женщины имеют более низкие стартовые условия по сравнению с мужчинами, но действуют значительно активнее, занимая низкоконкурентные ниши в малом и среднем бизнесе. На самом деле для женщин возможность зарабатывать собственные средства — это важный момент, потому что финансовая независимость предоставляет определенную свободу, возможности, самореализацию.

Женщина чаще всегда выступает как инноватор (ей постоянно нужно что-то изменять), одним нравится создавать семью и воспитывать детей, другим — модернизировать общество. И мужчины, и женщины имеют практически равные психологические возможности для управления предприятием, но многие женщины-руководители имеют собственное мнение. Женщины-менеджеры лучше мужчин справляются со своей работой, потому что они умеют думать и как мужчины, и как женщины.

Литература

1. Котоманова О. В. Профессиональная карьера как путь личностного развития женщины // Вестник Бурятского государственного университета. — № 5. — 2013. — С. 102–106.
2. Новикова Н. В. Гендерный аспект многомерности стилей управления // Наука и устойчивое развитие общества. Наследие В. И. Вернадского. — 2011. — № 9. — С. 31–35. — URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21090376> (дата обращения: 02.02.2015).
3. Хохлова Т. П. Выявление гендерных аспектов менеджмента — фактор повышения эффективности управления. — URL: <http://www.cfin.ru/> (дата обращения: 02.02.2015).

References

1. Kotomanova O. V. Professional'naya kar'era kak put' lichnostnogo razvitiya zhenshchiny [Professional career as a path of women personal development]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Seriya. Psikhologiya i sotsial'naya rabota — Bulletin of Buryat State University. Series. Psychology and social work*. V.5. 2013. Pp. 102–106.
2. Novikova N. V. Gendernyi aspekt mnogomernosti stilei upravleniya [Gender aspect of management styles multidimensionality]. *Nauka i ustoychivoe razvitie obshchestva. Nasledie V. I. Vernadskogo — Science and sustainable development of society. V.I. Vernadsky Heritage*. 2011. No. 9. Pp. 31–35. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21090376> (accessed 2 February 2015).
3. Khokhlova T. P. *Vyyavlenie gendernykh aspektov menedzhmenta — faktor povysheniya effektivnosti upravleniya* [Identification of management gender aspects as a factor of management efficiency increasing]. Available at: <http://www.cfin.ru/> (accessed 2 February 2015).

УДК 316.346.32-053.9 (571.54)

РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА© *Бутуева Зинаида Арсентьевна*

кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета

670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: butueva_z@mail.ru

Статья посвящена анализу семейных форм социального обслуживания людей старшего возраста, находящихся на социальном обслуживании в системе социальной защиты населения Республики Бурятия. Исследование проведено в 2013–2014 гг. среди людей старшего возраста и помощников (опекунов) приемных семей. На основе эмпирических данных были проанализированы мотивы, проблемы и перспективы развития семейных форм помощи пожилым людям. В ходе исследования дан социальный портрет пожилого человека, находящего в приемной семье, выявлены интересы и потребности данной возрастной группы, трудности адаптации в приемной семье. Полученные данные позволили выявить, что социальное положение пожилого человека в семье играет большое значение для поддержания его жизнедеятельности. Это зависит от структуры семьи, социального статуса и жизненного цикла семьи. Представленные результаты позволили сформулировать выводы о том, что развитие семейных форм социального обслуживания способствует межпоколенческой солидарности и послужит источником социальной сплоченности и созданию общества для людей всех возрастов.

Ключевые слова: люди старшего возраста, социальная сфера, система социальной защиты населения, семейные формы заботы.

DEVELOPMENT OF FAMILY SOCIAL SERVICE OF ELDERLY PEOPLE IN TERMS OF SOCIAL REFORMS*Zinaida A. Butueva*

PhD, A/Professor Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

In the article the familial forms of social services for elderly people in the Republic of Buryatia were analyzed. The research among elderly people and assistants (guardians) of adoptive families was carried out in 2013–2014. Based on empirical data we analyzed the motives, development problems and prospects of family forms of care for elderly people. During the study social portrait of an elderly person in foster family was given, the interests and needs of this age group, difficulties of adapting to foster family were identified. The obtained data revealed that social status of elderly person in family had a great importance for maintenance of his life. It depended on family structure, social status and family life cycle. The presented results allowed us to conclude that development of family-based social service would serve as a source of social cohesion, promote intergenerational solidarity and creation of society for all ages.

Keywords: elderly people, social services, social welfare system, familial forms of care.

На Всемирной ассамблее ООН по проблемам старения мирового населения особое внимание уделялось роли семьи и поддержки семейного ухода за пожилыми людьми. «Одной из основных ячеек общества, связывающей поколения, является семья с ее разнообразными формами и структурами, и ее следует сохранять, укреплять и защищать в соответствии с традициями и обычаями каждой страны» [11].

В изменяющемся мире требуются современные формы социального обслуживания, учитывающие значительную дифференциацию людей старшего возраста, сложность их проблем и многообразие потребностей. Важная роль отводится развитию новых форм помощи населению, а также возрождению семейной заботы о старшем поколении. Отметим, что повсеместная государственная помощь престарелым членам общества появляется лишь в XX в. До этого периода семья несла ответственность за слабых членов общества — детей и стариков.

Возрастание ценности семьи в старшем возрасте отмечают многие ученые [1, 2, 7, 8]. На поздних этапах жизни человека семья выполняет основную функцию в безопасности и стабильности, удовлетворении интересов и потребностей. Благополучные семейные отношения создают положитель-

ный эмоциональный фон. Поэтому семейные формы заботы о людях старшего возраста получают широкое распространение.

На второй Национальной конференции по старению «От стареющего общества к обществу всех возрастов» подчеркивалась необходимость создания новых моделей, позволяющих усилить межпоколенческую солидарность, развитие семейного ухода и поддержку членов семей, осуществляющих такой уход [10].

Развитие института приемной семьи (фостерной или замещающей) для людей старшего возраста регламентируется нормативно-правовыми документами, принятыми в субъектах России. В 2008 г. в республике принят закон «О социальном обслуживании населения в Республике Бурятия» [9]. Аналогичные акты разработаны и приняты в различных субъектах Российской Федерации. Данные документы включают правила организации и деятельности приемной семьи, обязанности сторон, регулируют оплату и бюджет приемной семьи и т. д. По данным Минтруда, «в субъектах Российской Федерации успешно функционируют около 4 тысяч приемных семей» [5].

В 2009 г. в Республике Бурятия было создано 24 приемные семьи для людей старшего возраста, в настоящее время их 126 [4]. Мы попытались проанализировать мотивы, проблемы и перспективы развития семейных форм заботы. В ходе социологического исследования проведены анкетный опрос и интервью, в котором приняло участие 86 приемных семей. Социально-демографические данные позволили составить усредненный портрет пожилого человека, находящегося в приемной семье. Большую часть составляют одинокие люди (65 %) старше 70 лет (59 %), в основном женщины (53 %), проживающие в сельской местности (81 %), имеющие начальное или неполное среднее образование (49 %), из них 65 % русские. Продолжительность проживания в приемной семье составляет в среднем три — четыре года.

Судьбы людей, находящихся в приемных семьях, складывались непросто, порой даже трагично. *«В семье было 9 детей. В войну трое моих братьев и четыре сестры умерло с голоду, остался один. Мне было 6 лет, когда началась война, тяжело было. <> Жена погибла, старшего сына убили. <> Этот год плохой был, внучку весной убили, сын осенью умер от водки. Один остался. Добрые люди подобрали, еще и прописали, в дом-интернат не хочу. Дом есть дом, ребятишки тут как свои стали. Вспоминать тяжело прошлое, не надо больше никаких вопросов. А на будущее, что будет, то будет»* (из интервью с Г. Н., 79 лет). *«... в данное время рядом нет никого, жена умерла, да и дети ушли вслед за ней. В старости приобрел знания, опыт, хорошую пенсию, живу нормально, а в молодости, что голод, холод, нищета»* (из интервью с С. С., 86 лет). «Истории жизни» отражают значимые периоды развития страны и позволяют понять пожилого человека «в контексте всей его жизни, включающей в себя все его проблемы, успешно или неудачно решенные на более ранних этапах его жизненного пути» [6, с. 13]. Идею о целостности жизненного пути человека высказал Э. Эриксон, которая очень важна для социальной работы с пожилыми людьми. «Прежде чем оказывать помощь, необходимо понять, что ситуации, в которых оказывается человек в старости, напрямую зависят от его прошлой жизни» [6, с. 13].

Семейные формы заботы выбирают люди, которые проживают по соседству и поддерживают дружеские и соседские отношения на протяжении многих лет с людьми старшего возраста и оказание для них помощи является вполне обычным делом. Здесь действует принцип, сформулированный Дж. Хомансом: «Чем чаще люди взаимодействуют друг с другом, тем сильнее будут дружеские чувства между ними» [2, с. 33]. Это иллюстрируют рассуждения наших информантов — помощников (опекунов) приемных семей: *«Живем с ним по соседству. Человек одинокий, престарелый, сам себя обслуживать не может. Уход за ним не составляет труда, ведь живем рядом, характер у него спокойный, доброжелательный, живем как одна семья»* (из интервью с помощником приемной семьи). *«Я ухаживаю за престарелой одиноко проживающей пенсионеркой. Многие годы мы жили с ней по соседству, когда она была моложе, она помогала и моей семье. Л. И. по характеру отзывчивый человек, всегда старалась прийти на помощь, в настоящее же время в помощи нуждается и сама* (из интервью с помощником приемной семьи).

Приемные семьи для людей старшего возраста получили наибольшее распространение в сельской местности (74 % приемных семей) и среди людей, кто давно знаком между собой. *«Приезжали к нам в поселок люди из собеса, они и подсказали, увидев мою одинокую старость»* (из интервью с Е. В., 78 лет). *«У нас в селе есть депутат, она работает в собесе вот и пристроила меня в семью, а раньше я проживал в доме для престарелых»* (из интервью с Н. К., 74 года). *«Познакомились благодаря общим друзьям, проживаем более пяти лет»* (из интервью с С. С., 77

лет). *«Мы уже долгое время так живем. Знакомы тоже давно. Приняли меня к себе. Не бросили меня»* (из интервью с Б. Г., 76 лет). *«О приемной семье узнала через знакомых. С помощницей познакомилась случайно, в приемной семье живу первый год»* (из интервью И. И., 78 лет). *«С Людой мы знакомы давно, жили ведь раньше на одной улице, знаю ее когда она совсем маленькая была, знала ее родителей»* (из интервью с Н. А., 88 лет).

Люди старшего возраста не жалуются на тяжелое материальное положение. Почти половина респондентов (45,4 %) относит себя к среднеобеспеченному слою, им достаточно средств на питание, жилье и одежду, их удовлетворяют жилищные условия (да, вполне — 81 %, скорее да, чем нет, — 10 %), большая часть из них ответственно относится к своему материальному положению. *«Ну на жизнь-то хватает. Мне много не надо же. Продукты есть, не голодаем. Да мне не на что жаловаться. Живем потихоньку. Главное, наверное, что не один живу, есть с кем пообщаться»* (из интервью с Б. Г., 76 лет). Основная проблема, которая волнует людей старшего возраста, — это не востребованность в обществе. Попадая в приемную семью, они начинают ощущать себя полезными и необходимыми, преодолеваются барьеры отчужденности и разобщенности людей разных возрастов. *«Появилось чувство нужности»* (из интервью с Л. И., 77 лет). *«Я стал чувствовать заботу, что я нужен кому-то. Я решил и мне помогли решить самую главную проблему — одиночества»* (из интервью с Н. А., 88 лет). *«Изменилось многое, я стал забывать, что я одинок, больной, старый человек. Мне хочется петь от одной мысли, что я кому-то нужен»* (из интервью с Е. В., 78 лет).

Степень межпоколенной взаимопомощи и кооперации в семье зависит от структуры семьи, социального статуса и возраста ее членов, жизненного цикла семьи. Положение пожилого человека в семье имеет решающее значение для поддержания его жизнедеятельности. Большая часть людей старшего возраста участвует в жизни семьи, выполняет определенные роли, участвует в распределении семейных обязанностей. *«Всегда все вместе делаем. Могу помочь еду готовить»* (из интервью с Б. Г., 76 лет). *«В основном кухня и кое-какие мелкие дела»* (из интервью с Г. И., 80 лет). *«Приготовление пищи, мытье посуды»* (из интервью с Л. И., 77 лет). *«... помогаем делом и советом»* (из интервью с И. И., 78 лет). *«Где с хозяйством помогу, телят напою, а так они все сами делают»* (из интервью с Н. А., 88 лет, мужчина).

Люди старшего возраста отмечают положительные изменения в своей жизни, связанные с созданием приемной семьи. 42 % опрошенных избавились от одиночества в позднем возрасте, 25 % решило свои повседневные проблемы, связанные с бытовой и хозяйственной деятельностью, 12,5 % отметило улучшение своего здоровья. *«Вот хорошо чужой человек совсем, а помогает мне. И лекарства купит, и продукты, да свозят в больницу. Дай бог здоровья ей»* (из интервью с М. И., 85 лет). *«Особенно ничего. Хуже не стало ничего. Один-то я мало что могу. Помощь нужна. Да хотя бы в магазин сходить за продуктами»* (из интервью с Б. Г., 76 лет). *«Изменилось то, что я не одна и хозяйственные работы и заботы я освобождена»* (из интервью с Г. И., 80 лет). *«Стало легче жить, изменилось к лучшему. Живу на всем готовом, готовят мне, убирают за мной»* (из интервью с Б. Б., 81 год).

Одним из важных вопросов является социально-психологический климат в приемных семьях. Каждая из сторон высказывает свои опасения. Помощников приемных семей волнует здоровье пожилого человека (49,3 %), трудности адаптации в семье (20,8 %). *«Конечно, трудности есть: в силу того, что Л. И. прожила долгое время одна и своих детей у нее не было. Это сказалось на ее характере. Но мы стараемся урегулировать возникающие недоразумения мирным путем, ведь у нас растут дети и внуки, которые учатся на нашем примере добру и состраданию, ведь когда-то и мы состаримся»* (из интервью с помощником приемной семьи). *«У Л. И. сложный характер, но я стараюсь находить с ней общий язык, не хочу себя хвалить, и у меня это получается»* (из интервью с помощником приемной семьи). *«Если возникают конфликты, просим друг у друга прощения»* (из интервью Г. И., 80 лет, г. Улан-Удэ).

Тепло и душевно отзываются о помощниках приемных семей пожилые люди. *«...молодец парень, все для нас стариков делает. С Мариной давно знакомы. Часто жизнь вспоминаем»*. *«Мне кажется, что мотив создания приемной семьи для помощника — это желание оказать помощь пожилому человеку, доброта»* (из интервью с И. И., 78 лет). *«...взаимоотношения у нас добрые, я ей очень доверяю и уважаю»*. (из интервью с Б. Б., 81 год). *«Это золотые люди, у них доброе сердце»* (из интервью с Е. В., 78 лет).

Мотивом создания приемной семьи для помощника является желание помочь пожилому человеку (63,2 %), избавиться от одиночества и создать семейную обстановку для пожилого человека (18,3 %), признание пожилого человека в роли «бабушки», «дедушки», «родителя», передача традиций старшего поколения младшему (15 %). Вот как рассказывают об этом помощники приемных семей: *«Счастливы те пенсионеры, которые проживают в семье и имеют близких родственников, которые могут осуществлять за ними постоянный уход. К сожалению, не всем дано счастье жить в семье, а многим даже не к кому обратиться за малейшей помощью»* (из интервью с помощником приемной семьи). *«Я устроилась по нескольким причинам, одна из них и, на мой взгляд, самая значимая, нужно помогать одиноким людям. Это пенсионеры, инвалиды, ветераны, им во многом нужна не просто помощь в повседневных делах, а просто человеческое общение, интерес к ним как к человеку и отдельной личности. Отношения у нас сложились дружеские и теплые. Конечно, моих скромных усилий и сил во многом не хватает. Но я надеюсь, ухаживая за одним человеком, сократила их число»* (из интервью с помощником приемной семьи).

В сельской местности, где большую часть населения составляют люди старшего возраста, традиционные ценности как забота, сострадание и взаимопомощь, крепость семейных связей, уважение к старшим, бескорыстная помощь тем, кто не в состоянии позаботиться о себе, сохраняются, т. к. живы носители этих традиций. Государственная поддержка семейных форм невелика. По данным 2014 г. помощник (опекун) получает денежное вознаграждение в размере от 2 700 р. в Бурятии, 3 000 р. в Забайкальском крае, 5 985 р. в Омской области, до 7 395 р. в Ханты-Мансийском автономном округе.

Получат ли семейные формы заботы о старшем поколении дальнейшее развитие. Мнения респондентов разделились следующим образом: 67 % считает, что данная форма получит распространение частично и не везде, 22 % опрошенных уверены в большом распространении семейных форм заботы о людях старшего возраста и лишь 9 % не уверены в ее распространении. Этот вопрос был задан людям старшего возраста. *«...я одинокий больной человек, а таких наверное много, просто люди боятся принять одинокого человека, ведь это ответственность, да и одинокие боятся быть принятыми в приемную семью, так как привыкли жить одни. Хотя самим очень сложно жить одним»* (из интервью с Е. В., 78 лет). *«Для одинокого пожилого человека пожалуй приемлема, но если есть что-то общее: в духовности, во взглядах, в нравственности, в трудолюбии и т. д.»* (из интервью Г. И., 80 лет) *«...у большинства людей нет желания и возможности приютить чужого человека»* (из интервью Л. И., 77 лет). *«Я думаю, что приемная семья может получить большое распространение для пожилого человека, потому что одиноким быть тяжело, невозможно. Мне кажется, что мотив создания приемной семьи для помощника — это желание оказать помощь пожилому человеку, доброта»* (из интервью И. И., 78 лет).

Важным моментом развития данной формы жизнеустройства является профессиональное сопровождение приемной семьи пожилого человека в период его адаптации. Деятельность такой службы будет оказывать содействие в преодолении кризисных ситуаций в межличностных взаимоотношениях, способствуя эмоциональному благополучию семьи. Примерно четверть семей распадается как по объективным причинам (смерть пожилого человека, болезнь помощника, переезд к родственникам), так и с отсутствием взаимопонимания в приемной семье. По данным Министерства социальной защиты Республики Бурятия, расторгли договор в 2012 г. 34 семьи, 2013 г. — 25, в 2014 г. — 23.

В настоящее время 37,5 % помощников приемных семей нуждаются в психологической поддержке, 20 % испытывает материальные трудности и 12,5 % необходимо профессиональное сопровождение. Люди старшего возраста отмечают следующими качествами, которыми должен обладать помощник приемной семьи: *«Помощнику необходимо быть внимательным, терпеливым, уважительным, не ленивым, чтоб умел видеть нужды, недостатки характера свои и другого, взаимно»* (из интервью с Г. И., 80 лет). *«Коммуникабельность, внимательность»* (из интервью с Л. И., 77 лет). *«Главное, чтобы был человеком добрым, отзывчивым, заботливым, чтобы старики могли чувствовать себя как дома»* (из интервью с Н. А., 88 лет). *«Доброжелательность, терпение, умение ладить с пожилым человеком. Взаимоотношения у нас добрые, я ей очень доверяю и уважаю»* (из интервью с Б. Б., 81 год). *«Терпение, сочувствие, доброта душевная, ласка, человеческое тепло»* (из интервью с Е. В., 78 лет). Помощники

приемных семей отмечают такие качества, необходимые для работы с людьми старшего возраста, как доброта (86,2 %), терпимость (70,1 %), хорошее здоровье (47,1 %), дружелюбие (37,9 %).

Таким образом, в условиях демографического старения возрождение и развитие семейных форм заботы о людях старшего возраста способствуют повышению уровня и качества их жизни. Система социального обслуживания должна учитывать интересы и потребности людей старшего возраста, способствовать развитию новых форм социального обслуживания. Межпоколенческая солидарность, содействие семье в уходе за престарелыми членами, ориентация на семью и семейный уход послужат источником социальной сплоченности и созданию общества для людей всех возрастов.

Литература

1. Бутуева З. А. Проблема потребностей людей старшего возраста в семейных формах социального обслуживания в Республике Бурятия // Социальная защита семьи и детства в условиях модернизации современного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 7 июня 2013 г.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. — С. 168–174.
2. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. — 2009. — Т. 10, № 4. — С. 31–50.
3. Григорьева И. А., Бершадская Л. А., Дмитриева А. В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2014. — Т. XVII, № 3(74). — С. 151–167.
4. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия на 2015–2017 годы [Электронный ресурс]. — URL: <http://minsoc-buryatia.ru/plan/programms/>
5. Ежегодный доклад о социально-экономическом положении пожилых людей от 29.05.2014 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rosmintrud.ru/social/veteran-defence/34/>
6. Козлов А. А. Теории и традиции западной социальной геронтологии / Психология старости и старения: хрестоматия / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. — М.: Академия, 2003. — С. 13–24.
7. Краснова О. В. Пожилые люди в своей семье — юридическая и социальная ответственность (реферативный обзор исследования) // Психология зрелости и старения. — 2002. — № 3. — С. 5–62.
8. Парахонская Г. А. Пожилой человек в семье // Социологические исследования. — 2002. — № 6. — С. 107.
9. Положение о приемной семье для граждан пожилого возраста и инвалидов (в ред. постановлений Правительства РБ от 22.09.2010 № 409, от 15.02.2011 № 49). Официальный сайт Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия [Электронный ресурс]. — URL: <http://minsoc-buryatia.ru>
10. Резолюция второй Национальной конференции по старению «От стареющего общества к обществу всех возрастов» (22.10.14) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pencioner.ru/node/18074/>

References

1. Butueva Z. A. Problema potrebnosti lyudei starshego vozrasta v semeinykh formakh sotsial'nogo obsluzhivaniya v Respublike Buryatiya [The problem older people needs in the familial forms of social service in the Republic of Buryatia]. *Sotsial'naya zashchita sem'i i detstva v usloviyakh modernizatsii sovremennogo obshchestva — Social Protection of Family and Childhood in the conditions of modern society modernization*. Proc. Int. sci. and pract. conf. (Ulan-Ude, June 7, 2013). Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2013. Pp.168–174.
2. Granovetter M. Sila slabykh svyazei [Strength of Weak Ties]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya — Economic sociology*. 2009. V. 10. No. 4. Pp. 31–50.
3. Grigor'eva I. A., Bershadskaya L. A., Dmitrieva A. V. Na puti k normativnoi modeli otnoshenii obshchestva s pozhilymi lyud'mi [On the way to the normative model of society relations with the elderly]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii — Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2014. V. 17. No. 3(74). Pp.151–167.
4. *Doklad o rezul'tatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti Ministerstva sotsial'noi zashchity naseleniya Respubliki Buryatiya na 2015-2017 gody* [Report on the results and main activities of the Ministry of Social Protection of the Buryat Republic for 2015-2017]. Available at: <http://minsoc-buryatia.ru/plan/programms/>.
5. *Ezhegodnyi doklad o sotsial'no-ekonomicheskom polozhenii pozhilykh lyudei ot 29.05.2014 g.* [The annual report on socio-economic situation of older people of May 29, 2014]. Available at: <http://www.rosmintrud.ru/social/veteran-defence/34/>.
6. Kozlov A. A. Teorii i traditsii zapadnoi sotsial'noi gerontologii [Theories and traditions of Western social gerontology]. *Psikhologiya starosti i stareniya — Psychology of old age and aging*. Moscow: Akademiya, 2003. Pp. 13–24.
7. Krasnova O. V. Pozhilye lyudi v svoei sem'e — yuridicheskaya i sotsial'naya otvetstvennost' (referativnyi obzor issledovaniya) [Older people in their family — legal and social responsibility (abstract review of the research)]. *Psikhologiya zrelosti i stareniya — Psychology of adulthood and aging*. 2002. No. 3. Pp. 5–62.

8. Parakhonskaya G. A. Pozhiloi chelovek v sem'e [Older man in the family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological research*. 2002. No. 6. P. 107.

9. Polozhenie o priemnoi sem'e dlya grazhdan pozhilogo vozrasta i invalidov [Regulation on foster care for elderly and disabled]. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva sotsial'noi zashchity naseleniya Respubliki Buryatiya — Official website of the Buryat Republic Ministry of Social Protection*. Available at: <http://minsoc-buryatia.ru>.

10. *Rezolyutsiya vtoroi Natsional'noi konferentsii po stareniyu «Ot stareyushchego obshchestva k obshchestvu vsekh vozrastov» 22.10.14 g.* [Resolution of the Second National Conference on Ageing "From the aging society to a society of all ages" of November 22, 2014]. Available at: <http://www.pencioner.ru/node/18074/>.

УДК 316.334

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ПРОБЛЕМЕ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ© *Бадонов Алексей Маланович*

кандидат социологических наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета

670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: badonov@mail.ru

В статье анализируется отношение молодежи к данной проблеме и опыт проявления насилия в семье. Для выявления отношения молодежи к проблеме насилия в семье автором было проведено социологическое исследование в виде анкетного опроса. Главной целью исследования было изучение проблемы насилия в семье и отношения к ней молодежи, прежде всего через наказание. Наказание служит для остановки умышленного плохого поведения ребенка и предотвращения его повторения в будущем. Ответы респондентов свидетельствуют о том, что в детстве у них присутствовали признаки физического и психического насилия в их семьях. Большинство респондентов предлагает активно защищаться от насилия в семье. У респондентов сложилось отрицательное, негативное отношение к проблеме насилия в семье, которую необходимо решать всем обществом.

Ключевые слова: насилие, наказание, воспитание, семья, родители, дети, молодежь.

YOUTH'S ATTITUDES TO THE PROBLEM OF DOMESTIC VIOLENCE*Aleksei M. Badonov*

PhD, A/Professor, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

In the article young people's attitude towards violence and its manifestations in family analyzed. To identify youth's attitudes to the problem of domestic violence we carried out the sociological study in form of questionnaire. The main objective of the study was to examine the problem of domestic violence, primarily punishment, and youth's attitudes towards it. Punishment serves as a way to stop willful misconduct of a child and to prevent it in future. The respondents' answers indicated that in childhood they had experience of physical and psychological violence in their families. The majority of respondents had negative attitude to the problem of domestic violence, they offered to defend against its manifestations. The study confirmed the need to address this problem to the whole society.

Keywords: violence, punishment, education, family, parents, children, young people.

Российское общество нуждается в сохранении крепкой и здоровой семьи, которая выполняет свои основные функции. На сегодняшний момент семья выполняет функции по рождению и воспитанию детей недостаточно эффективно. Для современной российской семьи характерно множество различных проблем: рост числа неполных семей, трудное материальное положение многодетных семей, взаимоотношение родителей и детей и т. д. Наверное, следует признать, что наиболее скрытой проблемой современной российской семьи является домашнее насилие. Молодежь является потенциальным создателем новых семей. В связи с этим необходимо выявить отношение молодежи к проблеме домашнего насилия.

Для выявления отношения молодежи к проблеме насилия в семье автором было проведено социологическое исследование в виде анкетного опроса. В качестве объекта исследования выступила студенческая молодежь, обучающаяся в Бурятском государственном университете. Выборка была квотно-гнездовая. В качестве гнезд при определении выборочной совокупности выступили такие структурные подразделения Бурятского государственного университета, как физико-технический, социально-психологический, медицинский, юридический факультеты и Восточный институт. Было отобрано 162 респондента, являющихся студентами данных подразделений. Распределение по курсам обучения было следующим: первый курс — 19,8 %; второй курс — 23,5 %; третий курс — 21,6 %; четвертый курс — 21,0 %; пятый курс — 12,4 %; шестой курс (медицинский факультет) — 1,7 %. Распределение по полу: респонденты мужского пола — 35,8 %, респонденты женского пола — 64,2 %. Возраст респондентов был следующим: 17 лет — 3,7 %; 18 лет — 17,9 %; 19 лет — 16,1 %; 20 лет — 20,4 %; 21 г. — 22,8 %; 22 г. — 12,9 %; 23 г. — 2,5 %; старше 23 лет — 3,7 %.

Главной целью исследования было изучение проблемы насилия в семье и отношения к ней молодежи. В научной литературе домашнее насилие определяется как поведение, осуществляемое с намерением причинить боль или вред члену семьи, имеющее регулярный характер, иногда непрерывный, на протяжении длительных периодов времени [2].

Выявление жестокого обращения в семье имеет большие затруднения, так как человек не всегда расположен раскрывать негативные случаи из своей жизни. В обществе до сих пор действует определенное табу на информацию о насилии в семье. В нашем обществе не принято, как говорится, «выносить сор из избы». Даже при социологических опросах респонденты могут скрыть информацию о том, что он или другие члены семьи подвергались и подвергаются насилию со стороны близких людей [1].

Для выяснения наличия признаков насилия или жестокого обращения в семье был поставлен вопрос о наказании респондентов в детстве. Наказание служит инструментом влияния на детей, неким воспитательным инструментом. Главной целью наказания, с точки зрения психологов и педагогов, являются остановка умышленного плохого поведения ребенка и предотвращение его повторения в будущем. В ходе исследования было выявлено, что в детстве получали наказание от родителей и других взрослых родственников 53,7 % респондентов, отрицательно ответили 37,7 % респондентов, 8,6 % затруднились ответить. Как мы видим из ответов, большинство респондентов сталкивалось с различными наказаниями в детстве. Современные методики воспитания по-разному относятся к вопросу наказания. Например, по мнению Б. Спока, вседозволенность, отсутствие запретов и наказаний, которые он исповедовал прежде, негативно сказываются на формировании личности ребенка и на семейных отношениях в целом [5].

На вопрос «Если Вас в детстве наказывали взрослые, то кто из родственников это делал чаще всего?» респонденты ответили следующим образом: на первом месте мать (30,3 %), на втором — отец (19,8 %), на третьем — бабушка (6,8 %). Это свидетельствует о том, что в основном воспитательную функцию в семье выполняют родители, в первую очередь мать. В семье мать проводит больше времени со своими детьми, чем отец. Это сложилось исторически, поскольку мать вынашивает детей и находится с ними в первые годы жизни. В то же время основная функция отца заключается в обеспечении семьи всем необходимым. Однако отцы также участвуют в воспитании детей в свободное от работы время. По ответам мы видим, что отцы также участвуют в воспитательном процессе и наказывают детей. Иногда наказание отца было даже строже, чем наказание матери.

На вопрос «Если Вас наказывали в детстве за проступки, то каким образом?» ответы респондентов распределились так: ругань — 57,4 %, запрещали играть на улице — 28,4 %, ставили в угол — 24,7 %, заставляли выполнять домашнюю работу (уборку, мытье полов и др.) — 22,2 %, запрещали играть на компьютере или приставке — 16,7 %, били ремнем или другим предметом — 9,3 %, поборили руками — 6,2 %.

Ответы респондентов свидетельствуют о том, что в детстве у них присутствовали признаки физического и психического насилия в их семьях. Но мы не знаем, насколько тяжелыми были физические наказания респондентов в детстве, можно ли их отнести к жестокому обращению и физическим истязаниям. Так называемая постанка в угол, шлепок по телу и в современных семьях имеют достаточно широкое распространение. Мамы, папы, бабушки, дедушки пользуются ими в качестве воздействия на формирование дисциплины, стараясь заставить ребенка поменять поведение. Однако, если родители начинают злоупотреблять физическим наказанием, оно перерастает в жестокое обращение с детьми. По мнению исследователей, у многих детей, которые живут в семьях с применением тяжелого физического наказания, брани в отношении ребенка отмечаются симптомы задержки физического и психического развития. Зарубежные исследователи называют это состояние детей «неспособностью к процветанию». Насилие, как мы знаем, является заимствуемым поведением, поскольку ребенок, живущий в семье с домашним насилием, в большинстве случаев перенимает поведение своих родителей и переносит в будущие партнерские или семейные отношения.

На вопрос «Как Вы думаете, надо ли физически наказывать детей за совершенные проступки (бить ремнем, ставить в угол и другое)?» респонденты ответили: нет — 37,7 %, скорее нет — 20,4 %, иногда — 25,9 %, скорее да — 6,8 %, да — 8,6 %. Большинство респондентов не хотят применять физическое наказание по отношению к своим детям. Для многих родителей девизом в воспитании становятся слова: «У моего ребенка должно быть счастливое детство!». В своем стремлении дать ребенку все, не наказывать его за проступки, такие родители могут пойти на поводу у своих детей. В этих

условиях у детей не создается представление о пределах допустимого поведения, формируется неуважительное отношение к другим людям.

Вопрос о физическом наказании ребенка до сих пор стоит достаточно остро в российских семьях. Большинство семей в воспитательном процессе не могут обойтись без физического наказания. Практически все родители, допускающие данный вид наказания в воспитательном процессе, сами подвергались такому же воздействию в детстве. Они считают, что физическое наказание является единственной эффективной дисциплинарной мерой. Обычный аргумент таких родителей: «Меня тоже в детстве били, и я очень благодарен своим родителям за то, что они сделали из меня человека». Если родители бьют детей, это свидетельствует о полном отсутствии между ними взаимопонимания, любви, уважения.

На вопрос «Считаете ли Вы, что в вашей семье присутствует насилие (физическое, моральное) одного члена семьи и над другими?» большинство респондентов ответило отрицательно — 89,5 %, положительно — 6,8 % респондентов, затруднились — 3,7 %.

Возможно, что респонденты хотят скрыть признаки насилия в своих семьях со стороны родственников (родителей, старших братьев и сестер и др.). В основном насилие в семье отличается высокой степенью латентности. Все факты жестокого обращения тщательно скрываются и не доводятся до общественности. Это объясняется, с одной стороны, нежеланием пострадавших обращаться куда-либо (некоторые не доверяют общественности, не хотят огласки, некоторые боятся лишиться материальной поддержки и т. п.), а также неспособностью некоторых зависимых членов семьи обратиться в правоохранительные органы (это относится в первую очередь к детям и престарелым членам семьи).

На вопрос «Имеет ли право, по Вашему мнению, кто-то из членов семьи применять насилие по отношению к другим членам?» респонденты ответили следующим образом: да — 6,8 %, нет — 80,3 %, затруднились ответить — 12,9 %. Тех, кто затруднился с ответом, с большей долей вероятности можно отнести к согласившимся. Таким образом, почти 20 % респондентов считают возможным применение насилия по отношению к другим членам семьи, т. е. признают насилие в семье легитимным. По определению Всемирной организации здравоохранения, насилие — это преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц или общины, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб [4].

При этом необходимо отметить, что при ответе на вопрос «Приходилось ли Вам самому (ой) совершать насилие над другим человеком?» утвердительно ответили 14,2 % респондентов, отрицательно — 74,7 %, затруднились — 11,1 %. Затруднение с ответом скорее всего свидетельствует о том, что данные респонденты совершали насилие, но не хотят это признавать или говорить об этом. Это значит, что более 25 % респондентов имели опыт применения насилия по отношению к другим членам семьи или другим людям. Таким образом, пятая часть респондентов легитимирует насилие в семье, а четвертая часть применяет или применяла насилие, т. е. тех, кто фактически применяет, больше тех, кто разрешает насилие в семье.

На вопрос «Известны ли Вам случаи насилия в других семьях?» респонденты ответили следующим образом: да — 39,5 %, нет — 49,4 %, затруднились — 11,1 %. Здесь респонденты ответили более открыто на поставленный вопрос, т. е. половина респондентов признает наличие насилия в других семьях. Это происходит даже в тех условиях, когда семьи, в которых присутствует насилие, стараются тщательно скрыть этот факт от других. Для многих людей признавать наличие насилия в собственной семье стыдно, это говорит о том, что семейные отношения далеки от идеальных и за какую-либо провинность дети наказываются физически, имеют распространение побои или угроза побоями более слабых членов семьи, которые не могут защитить себя.

На вопрос «Кто становился жертвой домашнего насилия в известных Вам случаях?» респонденты ответили так: дети — 48,2 %, жена — 46,9 %, родители — 11,1 %, муж — 3,1 %, затруднились ответить — 24,1 %. Как мы видим из ответов респондентов, наиболее уязвимыми членами семьи являются дети и жены, а также престарелые родители. Это говорит о том, что в большинстве случаев насильником является мужчина, т. е. отец и муж, как более крепкий в физическом плане. При этом надо учитывать и определенные традиции в воспитании детей и семейной жизни. На протяжении многих поколений мужчина как глава семьи имел полное право на применение физического насилия ко всем членам семьи.

В течение многих веков сложился образ отца как человека, воплощавшего закон и долг, которому дано право определять жизнь детей, принимать решения, обеспечивающие их счастье и благополучие, наказывать и миловать: «Как Бог до людей, так отец до детей», — говорит русская пословица. Именно поэтому отец, не вмешиваясь в мелкие домашние заботы и хлопоты, всегда выступал на первый план в ответственные моменты жизни своих детей и выполнял роль судьи последней инстанции в спорах. Общественное мнение требовало от отца в воспитании детей, прежде всего, строгости. Мужчина, проявлявший к своим детям «ласкоту», то есть нежность, мягкость, заботливость, не мог считаться хорошим воспитателем. В обязанности отца входило наказание детей: «ненаказанный сын — бесчестье отцу». Однако отцу не полагалось наказывать сына или дочь сгоряча, когда попадутся под руку [3]. Сегодня эти патриархальные традиции воспитания уже уходят постепенно в прошлое. Многие родители считают, что применять жестокое обращение с детьми крайне нежелательно.

На вопрос «Приходилось ли Вам общаться с другими семьями, в которых присутствует насилие одного над другим?» большинство респондентов ответили отрицательно — 61,1 %, утвердительно — 25,9 % респондентов, затруднились — 13,0 %. Почти 40 % респондентов в той или иной степени общаются с семьями, в которых присутствуют признаки насилия. В основном это семьи ближайшего окружения: родственники, друзья, коллеги, знакомые. Данный круг общения говорит о том, что и в семьях респондентов, возможно, присутствуют некоторые элементы насилия или жестокого обращения.

На вопрос «Приходилось ли Вам самому(ой) становиться жертвой домашнего насилия?» большинство респондентов ответило отрицательно — 85,2 %, утвердительно — 8,6 %, затруднились — 6,2 %. В большей степени люди стараются не затрагивать эту тему и не хотят признавать себя жертвами домашнего насилия. В силу различных причин члены семьи, подвергшиеся насилию, покрывают своих родных, являющихся насильниками. Это может быть стыд за себя, свое положение, жалость к насильнику, боязнь потери родственника, который является насильником, и др. Все это приводит к тому, что в обществе проблема насилия в семье обычно замалчивается, не раскрывается. Известны случаи, когда весь населенный пункт (обычно это деревня или село) знал о происходящем насилии в определенной семье, но никто не предпринимал попыток решить эту проблему, никто не хотел вмешиваться в чужую семейную жизнь. И здесь возникает вопрос об эффективной защите жертв насилия от родного насильника.

На вопрос «Назовите наиболее эффективный способ избавления насилия в семье?» ответы респондентов распределились так: обратиться в правоохранительные органы (полиция, суд) — 35,2 %, оформить развод — 21,6 %, обратиться в специализированные центры помощи пострадавшим от домашнего насилия — 14,8 %, обратиться к родственникам и друзьям — 8,6 %, смириться с насилием, выполнять все требования человека, совершающего насилие, — 4,9 %, использовать ответное насилие по отношению к тому, кто совершает насилие, — 4,3 %, затруднились ответить — 10,6 %. Мнения респондентов в данном случае разделились. Большинство респондентов склоняется к тому, чтобы активно защищаться от насильника, т. е. обратиться в правоохранительные органы, оформить развод и попросить помощи в специализированных центрах.

Таким образом, анализируя отношение молодежи к проблеме насилия в семье, можно отметить, что большинство респондентов сталкивалось с различными наказаниями в детстве, у них присутствовали те или иные признаки физического и психического насилия в их семьях (например, ругань, физическое наказание ремнем и др.). В то же время они не хотят применять физическое наказание по отношению к своим детям. Однако 20 % респондентов признает насилие в семье легитимным, более 25 % респондентов имело опыт применения насилия по отношению к другим членам семьи или другим людям. Половина респондентов признает наличие насилия в других семьях, в которых наиболее уязвимыми членами семьи являются дети и жены, а также престарелые родители. Почти 40 % респондентов в той или иной степени общаются с семьями, в которых присутствуют признаки насилия. В основном это семьи ближайшего окружения: родственники, друзья, коллеги, знакомые. Большинство респондентов предлагает активно защищаться от насилия в семье. У многих сложилось отрицательное, негативное отношение к проблеме насилия в семье, которую необходимо решать всем обществом.

Литература

1. Бадонов А. М. Особенности проявления насилия в семье в Республике Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — Вып. 5. — С. 150–152.

2. Бадонов А. М. Насилие в семье как фактор повышения уровня разводов современных семей // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия, культурология, социология, социальная работа. — 2014. — № 4. — С. 10–14.
3. Катасонов В. В., Поветьев П. В. Семейное воспитание как повышение человеческого потенциала общества // Национальный институт развития современной идеологии [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nirsi.ru/107> (дата обращения: 25.01.2015).
4. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / под ред. Г. Этьенна Круга и др.; пер. с англ. — М.: Весь Мир, 2003. — 376 с.
5. Спок Б. Ребенок и уход за ним. — М.: Попурри, 2014. — 704 с.

References

1. Badonov A. M. Osobennosti proyavleniya nasiliya v sem'e v Respublike Buryatiya [Features of family violence in the Republic of Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Buryat State University*. 2013. V. 5. Pp. 150–152.
2. Badonov A. M. Nasilie v sem'e kak faktor povysheniya urovnya razvodov sovremennykh semei [Domestic violence as a factor of the level of divorces increasing in modern families]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya, kul'turologiya, sotsiologiya, sotsial'naya rabota — Scientific notes of Transbaikalian State University. Ser. Philosophy, cultural studies, sociology, social work*. 2014. No. 4. Pp. 10–14.
3. Katasonov V. V., Povet'ev P. V. Semeinoe vospitanie kak povyshenie chelovecheskogo potentsiala obshchestva [Family education as an improvement of human potential of society]. *Natsional'nyi institut razvitiya sovremennoi ideologii – National Institute of modern ideology*. Available at: <http://www.nirsi.ru/107> (accessed January 25, 2015).
4. *Nasilie i ego vliyanie na zdorov'e. Doklad o situatsii v mire* [Violence and its impact on health. Report on the world situation]. Moscow: Ves' Mir, 2003. 376 p. P. 32.
5. Spock B. *The Common Book of Baby and Child Care*. Duell, Sloan & Pearce, 1946.

УДК 378: 364

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ

© *Буртонова Ирина Бабасановна*

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: aniri63@mail.ru

Проблема социального развития детей и подростков становится весьма актуальной в условиях нестабильности современного общества. Для эффективной и результативной работы с подрастающим поколением необходимы профессионально подготовленные работники социальной сферы. Нами были выявлены возможности в процессе профессиональной подготовки бакалавров для совершенствования социального развития ребенка, становления его субъектной позиции в процессе социализации. В образовательном процессе через формирование профессиональных компетенций у будущих бакалавров по направлению подготовки «Социальная работа» мы осуществляем подготовку к взаимодействию с детьми и подростками, диагностике уровня социального развития, применению социально-педагогических методов и приемов работы. Требования стандарта к результатам освоения образовательной программы позволяют совершенствовать процесс профессиональной подготовки бакалавров, развивать нравственно-личностные и собственно профессиональные характеристики кадров для социальной сферы.

Ключевые слова: социализация детей и подростков, социальная педагогика, социальная работа, социальное образование, подготовка кадров для социальной сферы, формирование профессиональных компетенций.

ISSUES OF CHILDREN'S AND ADOLESCENTS' SOCIAL DEVELOPMENT IN BACHELORS' TRAINING

Irina B. Burtonova

PhD, A/Professor, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The problem of children and adolescents social development is becoming very relevant in conditions of modern society instability. For effective and efficient work with younger generation we need professionally trained social workers, among them future bachelors of social work. In the article the opportunities to improve children's social development and foster their subject positions development in the process of socialization during bachelors' vocational training were identified. Through the formation of professional competencies in the educational process we prepared future bachelors of social work to interact with children and adolescents, to diagnose the level of their social development, to use socio-pedagogical methods and techniques of work. The standard requirements to the results of educational programs mastering could improve the process of bachelors' training, develop moral, personal and professional characteristics of social sphere staff.

Keywords: socialization of children and adolescents, social pedagogy, social work, social education, training for social services, formation of professional competencies.

Современные социально-экономические и культурные процессы связаны с постоянным развитием, изменением, совершенствованием существующей социальной среды, что предъявляет новые требования к специалистам социальной сферы.

Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 040400 Социальная работа предполагает, что бакалавр по данному направлению должен решать профессиональные задачи в соответствии определенными видами деятельности. Бакалавр социальной работы в рамках социально-технологической деятельности должен осуществлять педагогическую деятельность (обучение и воспитание) в образовательных учреждениях общего, начального профессионального, среднего профессионального и дополнительного профессионального образования, в коллективах социальной защиты населения, осуществлять ее социально-психологическое обеспечение.

Вопросы социального развития личности рассматриваются в процессе профессиональной подготовки бакалавров в содержании учебной дисциплины «Социальная педагогика». Данная

дисциплина со своим категориальным аппаратом, во-первых, участвует в формировании теоретической базы будущего бакалавра социальной работы. Во-вторых, практический опыт социально-педагогической деятельности, используемый в процессе обучения, дает наиболее полное представление о состоянии тех или иных социальных проблем и объектов социально-педагогической работы. В-третьих, гуманизм, присущий социальной педагогике, предполагает максимальное внимание к человеку, его проблемам, является методологической платформой для оказания ему помощи, защиты и поддержки [1]. Социальная педагогика гуманистична по своей сущности, она нацелена на человека. В этом отношении социально-педагогическое сознание бакалавра социальной работы проявляется, прежде всего, в отзывчивости на общепедагогические, общечеловеческие ценности, освоение которых стимулирует духовно-нравственное совершенствование личности. Поэтому социально-педагогическое сознание связано с восприимчивостью к интересам и потребностям подрастающего поколения, к гуманным средствам воспитания и поддержки его социального развития. В связи с этим будущим бакалаврам предоставляется достаточный объем теоретического знания по проблемам социального развития личности.

Социальное развитие человека — это процесс становления и формирования личности под влиянием внешних и внутренних управляемых и неуправляемых факторов. Развитие представляет собой процесс физического, умственного и нравственного роста человека и охватывает все количественные и качественные изменения врожденных и приобретенных свойств.

Движущими силами социального развития человека являются противоречия между возникающими под влиянием объективных факторов потребностями человека, начиная от простых физических, материальных потребностей и заканчивая высшими духовными, а также средствами и возможностями их удовлетворения. Эти потребности создают мотивы того или иного вида деятельности, направленной на их удовлетворение, побуждают к общению с людьми, к поиску средств и источников удовлетворения своих потребностей. В процессе развития человека и установления многочисленных контактов происходит и формирование его личности, отражающей социальную сторону и общественную сущность [3, с. 71].

В самом общем виде социальное развитие личности человека можно представить как процесс ее вхождения в новую социальную среду и интеграции в ней. В процессе социального развития ребенок вовлекается в различные виды деятельности, проявляя инстинктивно присущую ему активность в игре, труде, учении. Эта деятельность обогащает его жизненный опыт, сталкивает с различными людьми, общение с которыми также способствует его развитию, приобретению опыта социальных контактов.

Для подготовки бакалавра социальной работы к осуществлению педагогической деятельности в образовательных учреждениях необходимо рассмотреть вопрос о социальном развитии подростков, так как этот процесс имеет ряд отличительных особенностей. Социальное развитие подростков отличается повышенной чувствительностью и возбудимостью, неуравновешенностью, раздражительностью, сочетанием стеснительности, стыдливости с заносчивостью и развязностью, стремлением к независимости, освобождением от влияния авторитетов, переходом к самостоятельности, индивидуализацией психики и вместе с тем недостаточностью ее индивидуального характера, влиянием ближайшего окружения. Эти особенности отражаются на многих формах поведения, общения, переживаний, которые обычно объединяют выражением «трудности подросткового периода».

Подростку необходимы социальные умения и навыки для интеграции в обществе, для установления социально-приемлемых отношений во всех социальных институтах, в которые он входит. Наличие навыков, необходимых для решения социальных задач, стоящих перед каждым человеком в соответствии с возрастом, понимается как социальная компетентность.

Многие авторы отождествляют понятие «компетентность» с понятием «готовность». Профессиональная компетентность В. А. Сластениным понимается как единство теоретической и практической готовности личности к осуществлению профессиональной деятельности. Личностная компетентность определяется как возможность реализации профессиональной готовности человека в его социальных действиях, выявляя успешность или неуспешность.

Н. Ю. Дичина определяет социальную компетентность как готовность личности ориентироваться в социальном пространстве, используя социальные умения, навыки; достигать личных целей в социальном взаимодействии, постоянно поддерживая социально-приемлемые отношения с другими людьми в повседневной жизни [2, с. 5].

Вопрос о соотношении социализации и социальной компетентности рассмотрен в работе А. С. Учуровой. Автор предполагает, что социализация как процесс вхождения человека в мир человеческих отношений, человеческой культуры лежит в основе развития социальной компетентности. В таком случае социальная компетентность будет проявляться в активном освоении и присвоении человеком социальных норм, правил, возникающих на разных этапах и в разных видах социального взаимодействия, являющихся основой построения и регулирования межличностных и внутриличностных социальных позиций, отношений. Это свидетельствует о значимости социальной компетентности для внутреннего мира человека и для встраивания его в мир отношений. Определяющим здесь является то, что социальная компетентность выступает и как результат, и как условие успешной социализации. Чем выше уровень развития социальной компетентности, тем легче протекает процесс социализации, тем успешнее осуществляются межличностные взаимодействия. Чем больше стереотипов использует и хранит человек в своем сознании, тем легче он вписывается в разнообразные типичные социальные ситуации. Следовательно, человек с высоким уровнем развития социальной компетентности включен в широкие социальные связи, активен и гибок, умеет вписаться в новые общественные структуры и условия. Высокий уровень социальной компетентности характеризует социально зрелую личность, обладающую адекватной самооценкой, самодостаточную, хорошо адаптированную, с развитым чувством собственного достоинства. Следует подчеркнуть, что в реальном человеческом поведении процесс социализации и процесс развития социальной компетентности интегрированы, взаимодополняют и взаимообуславливают друг друга [4].

Согласно ФГОС бакалавры социальной работы должны уметь использовать социально-педагогические, медико-социальные и социально-психологические методы и технологии в практике социальной работы. В рамках учебной дисциплины «Социальная педагогика» осуществляется подготовка к использованию данных методов.

Поэтапная реализация форм и методов подготовки будущих социальных работников к социальному развитию детей и подростков

Компоненты социально-педагогической компетентности	Предполагаемые результаты этапа	Формы, методы, приемы подготовки к социальному развитию
Мотивационный	Принятие студентами значимости и актуальности задач социального развития детей и подростков; принятие новой учебной задачи как лично значимой, практически конкретной	- анализ реальной социальной ситуации; - проблемные вопросы; - проблемный анализ темы; - ситуации установки; - ситуации критической самооценки
Когнитивный	Теоретическая готовность студентов к осуществлению социального развития детей и подростков; первичное системное представление содержания учебного материала, общая ориентировка в теме	- обоснование самостоятельного решения учебной задачи с предложением гипотезы и плана решения; предложение студентам социально-педагогических задач с установкой на развитие интересов, мотивов, способностей обучающихся
Профессионально-деятельностный	Технологическая готовность к осуществлению социального развития детей и подростков; включение студентов в социально-педагогическую деятельность	- обобщение материала на межпредметной основе; - обобщение основных знаний и способов действий (составление словарей по предмету, конспекты, алгоритмы действий, нормы-образцы деятельности); - учебные задания повышенной сложности, индивидуальные практические задания

Определение особенностей социального развития подростков позволяет выделить в качестве основных показателей социальной компетентности следующее: самостоятельность, систему отношений со сверстниками, освоение новых форм поведения и отношений, преобладание мотивации

достижения. В соответствии с выделенными показателями происходит подбор диагностического инструментария. Студентами использовались следующие методики:

- методика «Оценка отношений подростка с классом»;
- опросник межличностных отношений (ОМО);
- тест-опросник «Изменение мотивации достижения» (модификация теста-опросника А. Мехрабиана);
- оценка уровня общительности (В. Ф. Ряховского).

Подготовка будущих бакалавров к социальному развитию подростков имеет практико-ориентированный характер. На занятиях отрабатывается применение теоретических положений социального развития на практике, осуществляется анализ социально-педагогических ситуаций, решаются социально-педагогические задачи. Доминанта на формирование профессионально-деятельностного компонента обуславливает необходимость применения не только вербальных методов обучения, но и ролевых, социально ориентированных игр, социально-педагогических тренингов и др.

Мы разработали механизм поэтапной реализации форм и методов подготовки будущих социальных работников к социальному развитию детей и подростков. Предполагаемые результаты каждого этапа совпадают с компонентным составом модели социально-педагогической компетентности бакалавра социальной работы, что делает возможным применение данных форм и методов в процессе изучения дисциплины «Социальная педагогика».

Следует отметить высокий нравственный воспитывающий потенциал подготовки студентов к социальному развитию детей и подростков. На занятиях мы акцентировали внимание будущих бакалавров социальной работы на ценностях, приоритетах социального развития, на формировании личностных качеств будущих социальных работников, таких как гуманизм, ответственность, толерантность.

Литература

1. Буртонова И. Б. Развитие социальной педагогики в России как научной и учебной дисциплины // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — Вып. 1(4). — С. 90.
2. Дичина Н. Ю. Развитие социальной компетентности детей. — Иркутск: Изд-во ИПКРО, 2006. — Вып. 3. — С. 124.
3. Мардахаев Л. В. Социальная педагогика: учебник. — М.: Гардарики, 2003. — 269 с.
4. Учурова С. А. Развитие социальной компетентности в образовательном процессе [Электронный ресурс]. — URL: study.ustu.ru

References

1. Burtonova I. B. Razvitie sotsial'noi pedagogiki v Rossii kak nauchnoi i uchebnoi distsipliny [Development of Social Pedagogy in Russia as a scientific and educational discipline]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* — *Bulletin of Buryat State University*. 2014. No. 1(4). Pp. 90.
2. Dichina N. Yu. *Razvitie sotsial'noi kompetentnosti detei* [Development of children's social competence]. Irkutsk, 2006. V. 3. P. 124.
3. Mardakhaev L. V. *Sotsial'naya pedagogika* [Social Pedagogy]. Moscow: Gardariki, 2003. 269 p.
4. Uchurova S. A. *Razvitie sotsial'noi kompetentnosti v obrazovatel'nom protsesse* [The development of social competence in the educational process]. Available at: study.ustu.ru

VI. СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ И ДЕТСТВА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 364 (571.54)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

© *Базарова Татьяна Содномовна*

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: tbazarova@mail.ru

© *Ширеторова Антонина Афанасьевна*

магистр социальной работы, начальник отдела Республиканского ресурсного центра «Семья»
Россия, 670009, г. Улан-Удэ, ул. Комарова, 12

В статье представлен анализ современного состояния решения актуальной проблемы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающие семьи посредством создания системы их комплексного сопровождения. Авторами рассматриваются структура и содержание деятельности данной системы, основные этапы ее становления и развития. Характеризуется опыт социальных учреждений Республики Бурятия в информировании населения о современных формах жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подготовке детей и обучении замещающих родителей к приему ребенка в семью. Выявляются основные задачи и проблемы функционирования службы комплексного сопровождения замещающих семей. Представлен опыт Республики Бурятия по оказанию помощи замещающим семьям, по развитию системы их комплексного сопровождения и повышению эффективности их деятельности.

Ключевые слова: замещающая семья, замещающие родители, сопровождение замещающей семьи, родительские компетенции, школа родительского мастерства.

DEVELOPMENT FEATURES OF FOSTER FAMILIES' COMPREHENSIVE SUPPORT IN THE REPUBLIC OF BURYATIA IN MODERN CONDITIONS

Tatyana S. Bazarova

Lett D., Professor, Buryat State University
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Antonina A. Shiretorova

Assistant Professor, Republican Resource Center "Sem'ya"
12, Komarova Str., Ulan-Ude 670009, Russia

In the article current state and solutions of the problem of orphans and children left without parental care arrangement in foster families by creation of comprehensive support system were analyzed. We considered the structure and content of activities in this system, the main stages of its formation and development. The experience of the Buryat Republic social institutions in informing the public about contemporary forms of orphans and children left without parental care arrangements, preparing of adoptive parents to take a child into their family was characterized. We identified the main objectives and problems in functioning of complex support services of foster families. The practice of assistance to foster families, development of comprehensive support system and improvement of its efficiency in the Republic of Buryatia was presented.

Keywords: foster family, adoptive parents, support of foster family, parental competences, school of parent skill.

В последние годы семейные формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Республике Бурятия активно развиваются. На это направлен целый комплекс мер, сочетающий управленческие действия с информированием населения о мерах государственной поддержки

ки замещающих семей, созданием системы подготовки кандидатов в замещающие родители и сопровождением семьи на всех этапах ее развития.

На сегодняшний день в Республике Бурятия с целью успешного развития процесса семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, активно развивается система сопровождения замещающих семей. Рассмотрим структуру данной системы и проблемы ее функционирования.

Практика работы в сфере семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, показывает, что очень важно оказывать поддержку и помощь замещающим родителям не только на этапе принятия решения, но и в период адаптации всей семьи с приемным ребенком и в последующем, что означает необходимость создания профессиональных служб.

В Республике Бурятия развитие служб сопровождения замещающих семей началось в 2010 году. В настоящее время в республике действует 26 служб сопровождения замещающих семей на базе учреждений, подведомственных Министерству социальной защиты населения Республики Бурятия, и других организаций.

В работе служб сопровождения замещающих семей республики можно выделить несколько основных этапов.

Первый этап — это информационная кампания, которая проводится с целью создания положительного имиджа замещающей семьи, пропаганды успешного опыта воспитания ребенка в такой семье и привлечения потенциальных замещающих родителей.

Работа специалистов служб сопровождения идет в тесном сотрудничестве с представителями различных видов СМИ (публикуются статьи в газетах, устанавливаются информационные стенды и баннеры, распространяются буклеты, брошюры о жизнеустройстве и сопровождению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей).

Второй этап — обучение кандидатов в замещающие родители. В настоящее время пройти обязательную подготовку потенциальные замещающие родители могут в школах подготовки замещающих родителей, работающих при каждой службе сопровождения замещающих семей Республики Бурятия.

На занятиях слушатели получают знания, необходимые для успешного и надежного создания замещающей семьи. В ходе обучения специалисты службы помогают потенциальным замещающим родителям выявить свои мотивы, личные возможности и психологическую готовность к приему в семью ребенка, оставшегося без попечения родителей; предоставляют знания, необходимые для выбора оптимальной формы семейного устройства; помогают кандидатам провести оценку имеющихся у них семейных ресурсов; обучают навыкам эффективного родительства, преодоления трудных жизненных ситуаций, знакомят с психологией развития ребенка и психологическими особенностями детей, лишенных родительского попечения, нуждами и потребностями ребенка; знакомят кандидатов с нормативно-правовыми актами о правах детей, нормативно-правовыми основами организации жизнедеятельности замещающих семей; дают понятие о специфике воспитания приемных детей в замещающей семье с целью профилактики распада замещающих семей; обучают кандидатов в замещающие родители приемам саморегуляции и методам позитивного воспитания.

Занятия в школе проводятся в форме лекций, используются такие формы, как тренинги, дискуссии, ролевые игры.

Третий этап — подготовка детей, находящихся в учреждениях, к переходу в замещающую семью. Основная цель данной подготовки — это создание позитивного образа семьи, расширение знаний о семье, ее функциях, значении в жизни каждого человека, формирование навыков общения и построения взаимоотношений в семье.

Педагогами-психологами службы разработаны программы подготовки детей к переходу в замещающую семью, которые направлены на формирование у детей представления о семье, о правилах и нормах поведения, семейных ценностях и традициях, обучение их совместной деятельности со взрослыми и друг с другом, развитие коммуникативных навыков, формирование осознанного отношения к новой роли в замещающей семье, создание позитивного настроения у детей на проживание в семье. В работе с детьми специалисты используют различные формы: тренинги, беседы, сказкотерапии, игры, занятия.

Четвертый этап — комплексное социальное, психолого-педагогическое сопровождение уже созданной замещающей семьи. Специалисты служб сопровождения замещающих семей оказывают помощь приемным, опекунам семьям и семьям усыновителей.

Всего в Республике Бурятия за 11 мес. 2014 г. гражданам, обратившимся в службы сопровождения замещающих семей, специалистами оказано более 7 тыс. услуг разного характера. Профессиональным сопровождением было охвачено более 2 тыс. замещающих семей. В школах подготовки кандидатов в замещающие родители республики прошло полный курс обучения и получило свидетельство о прохождении подготовки более 500 человек.

В процессе комплексного сопровождения специалистами Службы оказывается помощь замещающим семьям и их приемным детям в гармонизации детско-родительских отношений, преодолении кризисных ситуаций, защите прав и интересов несовершеннолетних.

Сопровождение замещающих семей специалистами Службы ведется по плану сопровождения, по запросу (органов опеки и попечительства или замещающего родителя), по ситуации.

На каждую сопровождаемую семью заводится индивидуальная карта работы, где отражаются общие сведения о семье, индивидуальный план сопровождения семьи, мониторинг здоровья и развития ребенка, результаты мониторинга, данные всех диагностик, рекомендации родителям и детям, отчеты о работе с данной семьей.

На этапе сопровождения проводится посещение семей, образовательных учреждений, в которых обучаются дети. При посещении семьи специалисты службы дают рекомендации по воспитанию и развитию ребенка, при необходимости оказывают помощь в разрешении проблем, с которыми столкнулись и ребенок, и замещающие родители за прошедший период, так как не всегда родители обращаются в службу при возникновении проблемы, конфликта.

Специалисты службы применяют следующие формы сопровождения замещающих семей: обеспечение информационными, научно-методическими материалами; психолого-педагогическое консультирование (индивидуальное, групповое); организация занятий для повышения уровня родительской компетенции; проведение тематических встреч замещающих родителей; организация группы психологической поддержки замещающих родителей; тренинги; мониторинг развития ребенка в семье; психолого-медико-педагогический консилиум.

1. Школа родительского мастерства «Шаг навстречу».

В комплексной работе с замещающей семьей акцент ставится на работу с родителями. Именно они в случае неблагополучия должны в первую очередь поменять свое отношение к семейному укладу и к своей роли в становлении семьи. Помочь им в этом призвана школа родительского мастерства «Шаг навстречу». Основной целью деятельности школы является оказание моральной поддержки замещающим родителям в преодолении трудностей, с которыми они сталкиваются в процессе воспитания приемного либо подопечного ребенка, разрешение возникающих конфликтов.

Занятия проводятся согласно плану работы школы, на каждый квартал запланирована определенная тема, которая делится на три занятия. Занятия проводятся в интерактивной форме: теоретические знания отрабатываются на практике в ходе выполнения упражнений, ролевых игр. Родителям дается возможность «поиграть» в своего ребенка, встать на его место, попробовать в разных ситуациях повести себя так, как мог бы действовать их ребенок, почувствовать то, что чувствует он. Специалисты показывают родителям необходимость сотрудничества с детьми и понимания причин тех или иных поступков.

Служба сопровождения замещающих семей на базе ГУСО «Республиканский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» включает в себя семейный клуб «Домовенок». Специалисты службы в рамках работы клуба организуют выходы детей из замещающих семей на различные представления, выставки, проводят встречи замещающих родителей и приемных детей «За чашкой чая», на которых в непринужденной обстановке родители делятся своими трудностями и достижениями в построении взаимоотношений с детьми, подготавливают и проводят праздники, спортивно-игровые программы и др. Также специалисты службы оказывают активное содействие участию замещающих семей в различных городских, республиканских общественно значимых мероприятиях.

Таким образом, деятельность служб сопровождения замещающих семей направлена на создание условий для оптимального развития ребенка в замещающей семье, и специалисты службы наравне с замещающими родителями несут ответственность за благополучие детей в замещающих семьях.

В Республике Бурятия помимо развития служб сопровождения замещающих семей активно развиваются новые формы сопровождения замещающих семей.

Так, в каждом районе республики созданы клубы замещающих семей, клубы приемных семей. Они организованы с целью просвещения родителей, обмена опытом, коррекции детско-родительских отношений и самоподдержки приемных семей.

В рамках работы клубов решаются следующие задачи: досуг замещающих семей; реализация совместных творческих замыслов; распространение опыта приемных родителей; взаимная моральная поддержка приемных родителей, распространение необходимой литературы и источников для самостоятельного изучения.

В 2013 г. в Республике Бурятия создана региональная общественная организация «Ассоциация приемных семей Республики Бурятия». Ассоциация призвана содействовать семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также созданию необходимых условий для полноценного и всестороннего развития, воспитания, обучения приемных родителей и детей, формировать позитивное общественное мнение о приемных семьях. К концу 2014 г. в данную Ассоциацию вошло около 200 приемных семей республики. Членами Ассоциации осуществляются регулярные выезды в районы Республики Бурятия, где на встречах с приемными родителями обсуждаются актуальные вопросы поддержки приемных семей. Также Ассоциацией проводятся различные массовые мероприятия с участием приемных семей.

В целях повышения статуса, уровня социальной значимости замещающих семей, популяризации семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, поддержки института замещающих семей в Республике Бурятия проводятся масштабные республиканские мероприятия с участием замещающих семей.

Так, в 2014 г. проведены такие республиканские мероприятия, как III Республиканский конкурс «Приемная семья года», III Всероссийская акция «Добровольцы — детям», посвященная Международному дню семьи, республиканский турнир по волейболу среди замещающих семей «Родня», фестиваль замещающих семей «Семейные встречи на Байкале», благотворительный концерт «Дети и звезды» с участием детей-сирот, воспитанников детских учреждений и ведущих артистов республики.

Замещающие родители Республики Бурятия принимают активное участие и во всероссийских мероприятиях. Это финал всероссийского конкурса художественного творчества «Ассамблея замещающих семей», всероссийский форум приемных семей.

В 2014 г. в Республике Бурятия началась реализация республиканской программы «Алтан Сэргэ: крепкая семья» (2014–2015 гг.), направленная на развитие в республике семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Программа разработана правительством Республики Бурятия и получила право на финансовую поддержку Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В рамках программы предполагается выстроить единую региональную систему выявления, подготовки и сопровождения замещающих семей.

Так, одной из инноваций, реализуемых в рамках программы, является внедрение в Республике Бурятия новой социальной услуги «Активный поиск, подбор и подготовка кандидатов в замещающие родители».

Цель новой социальной услуги — осуществление активного поиска, качественного подбора и подготовки граждан, обладающих необходимыми ресурсами и готовых принять в свои семьи воспитанников организаций для детей-сирот старше 7 лет, детей с ограниченными возможностями здоровья, детей, являющихся братьями и/или сестрами.

В связи с этим был объявлен конкурс по отбору общественных организаций для реализации данной услуги. Победителем данного конкурса признано Региональное общественное движение по поддержке молодежи «САМИ», специалисты которой на основании Соглашения реализуют на территории Республики Бурятия новую социальную услугу.

Всего таких специалистов в Республике Бурятия 34 человека, по 1 человеку в сельских районах (22 человека) и по 4 специалиста в районах г. Улан-Удэ (12 человек).

За 6 мес. 2014 г. реализации новой социальной услуги специалистами устроено в замещающие семьи более 100 детей, оставшихся без попечения родителей.

Кроме того, в рамках республиканской программы «Алтан Сэргэ: крепкая семья» организована мобильная бригада специалистов для оказания психолого-педагогической, медицинской, юридической помощи замещающим семьям. Уже состоялось три выезда мобильной бригады в районы Республики Бурятия. На развернувшихся площадках мобильной бригады замещающие семьи

и кандидаты в замещающие родители смогли получить медицинские, психолого-педагогические и юридические консультации. Всего консультации специалистов получило около 300 человек.

С целью повышения компетентности и квалификации специалистов служб сопровождения замещающих семей Республики Бурятия осуществляется планомерная работа по обучению и переподготовке кадров.

Так, за 2014 г. проведено 4 кустовых обучающих семинара «Развитие служб сопровождения замещающих семей в Республике Бурятия» для более 60 специалистов служб сопровождения замещающих семей с целью обмена опытом и повышения профессиональных компетенций специалистов служб сопровождения замещающих семей.

В рамках республиканской программы «Алтан Сэргэ: крепкая семья» организовано обучение специалистов Республики Бурятия инновационным технологиям по сопровождению замещающих семей с учетом передовых опытов регионов Российской Федерации (Иркутск, Москва, Санкт-Петербург).

Также для возможности повышения квалификации специалистов всех служб сопровождения замещающих семей Республики Бурятия организованы обучающие семинары ведущими специалистами страны — тренерами Национального фонда защиты детей от жестокого обращения. За 4 месяца 2014 г. для директоров, психологов и специалистов служб сопровождения замещающих семей проведено 7 обучающих семинаров, в которых приняло участие 94 человека.

С каждым годом в Республике Бурятия количество граждан, желающих принять в свои семьи детей-сирот, увеличивается, соответственно увеличивается и количество замещающих семей. В связи с этим возрастает потребность общества в получении профессиональной помощи. И для того чтобы каждая замещающая семья, каждый приемный ребенок мог получить квалифицированную и своевременную помощь, принимаются меры дальнейшего развития системы комплексного сопровождения замещающих семей.

Так, создано автономное учреждение Республики Бурятия «Республиканский ресурсный центр "Семья"» Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия, которое занимается развитием семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, методическим сопровождением и обучением специалистов служб сопровождения замещающих семей республики, увеличивается количество служб сопровождения замещающих семей (в 2014 г. создано 2 новые службы), с 1 января 2015 г. детские дома изменят свой статус — вместо «государственное образовательное учреждение» — «государственное учреждение социального обслуживания "Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей"», что повлечет и переориентацию сферы деятельности учреждений, продолжает свою реализацию республиканская программа «Алтан сэргэ: крепкая семья», основные мероприятия которой направлены на поддержку служб сопровождения замещающих семей, клубов приемных родителей, подготовку детей к устройству в семью, подготовку и переподготовку работающих кадров в сфере защиты семьи и детства, в 2015 г. запланировано проведение масштабных республиканских мероприятий с участием замещающих семей.

Таким образом, в целом опыт Республики Бурятия по созданию системы комплексного сопровождения замещающих семей можно назвать положительным.

УДК 364-787.24

**РАННЕЕ ВЫЯВЛЕНИЕ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ
КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА**© *Базарова Екатерина Борисовна*

старший преподаватель кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: bazkatya@mail.ru

Социальное сиротство — это сложнейшее социальное явление, которое сохраняет свою актуальность и сегодня. Общество создает условия для решения этой проблемы: развивает различные формы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, создает службы сопровождения замещающих семей. Однако в последнее время акцент делается на профилактике социального сиротства. Автор в своей статье обобщает региональный опыт создания системы раннего выявления семейного неблагополучия. Объектом вторичной профилактики сиротства являются семьи, находящиеся в социально опасном положении, конечная цель работы с ними — это сохранение биологической (кровной) семьи для ребенка. Рассмотренный автором опыт специалистов Курумканского центра социальной помощи семье и детям основывается на участковом принципе организации работы. Деятельность с неблагополучными семьями состоит из следующих этапов: выявление семей, диагностика социального неблагополучия, социальный патронаж семьи.

Ключевые слова: семья, социальное сиротство, семейное неблагополучие, социальная профилактика, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей.

**EARLY DETECTION OF FAMILY TROUBLES AS A TECHNOLOGY
OF SOCIAL ORPHANHOOD PREVENTION***Ekaterina B. Bazarova*

Senior Lecturer, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Social orphanhood is a complex social phenomenon, which still remains relevant. The society creates conditions for solving this problem: develop various forms of living arrangements for orphans and children left without parental care, organizes services for foster families support; recently great attention is paid to prevention of child abandonment. We summarized the experience of regional system formation for early detection of family trouble. The work with families which are at social risk aimed to preservation of biological (blood) family for a child. Such families became an object of social orphanhood secondary prevention. In the article the experience of specialists in Kurumkansky center of families and children social support was considered. Work with vulnerable families was based on district principle of organization and included the following steps: identification of families, diagnosis of social disadvantage, social patronage of family.

Keywords: family, social orphanhood, family trouble, social prevention, orphans, children left without parental care.

Сиротство — это социальное явление, характеризующееся наличием в обществе детей, чьи родители умерли или признаны судом недееспособными или безвестно отсутствующими, лишены родительских прав или находятся в местах лишения свободы. Следует различать сирот и социальных сирот. Дети-сироты — это дети в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель. Социальный сирота — это ребенок, который имеет биологических родителей, но они в силу тех или иных обстоятельств не выполняют родительских обязанностей по отношению к нему.

На 1 января 2015 г. в Республике Бурятия всего детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, 6120. Из них 92 ребенка (что составляет 1 % от всего количества детей-сирот) переданы на усыновление (удочерение), 1266 детей (21 %) воспитываются в приемных семьях, 4001 ребенок (65 %) находится под опекой (попечительством), в учреждениях социальной защиты 761 ребенок (12 %).

Под учреждениями социальной защиты понимаются учреждения, непосредственно осуществляющие социальную защиту данной категории детей. К таковым мы относим:

- учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Необходимо отметить, что с 1 января 2015 г. детские дома изменили свой статус, теперь они называются Центрами помощи детям, оставшимся без попечения родителей (два находятся в городе Улан-Удэ — «Малышок» и «Ровесник», шесть — по районам Бурятии). Данная мера была реализована с целью отказа от обособленной, изолированной жизни детского дома как закрытого учреждения.

- государственные бюджетные учреждения социального обслуживания – центры социальной помощи семье и детям (в республике четыре таких центра — в Бичурском, Курумканском, Кабанском, Селенгинском районах), а также социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних (в Баргузинском, Еравнинском, Закаменском, Прибайкальском, Хоринском, Тарбагатайском, Окинском, Кабанском, Джидинском, Северо-Байкальском, Заиграевском районах, в городах Улан-Удэ и Северобайкальск).

Таким образом, современная система социальной защиты детства в Республике Бурятия представлена сетью специализированных учреждений, в которую входят 8 центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, 4 центра социальной помощи семье и детям и 13 социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних.

Можно выделить три вида профилактики. Первичная профилактика — это комплекс превентивных мероприятий, проводимых государством с целью укрепления института семьи. Необходимо создавать позитивную практику семейного воспитания, пропагандировать институт семьи среди подрастающего поколения, сохранять семейные ценности. Этот вид профилактики предусматривает работу прежде всего с молодым поколением.

Вторичная профилактика осуществляется по отношению к неблагополучным семьям. Как раз здесь реализуется технология раннего выявления семейного неблагополучия с целью сохранения кровной, биологической семьи для ребенка. Данная технология была разработана в Америке (штат Огайо), в нашей стране активным ее продвижением занимаются специалисты Национального фонда защиты детей от жестокого обращения.

Третичная профилактика — это комплекс превентивных мер, осуществляемых при работе с детьми-сиротами, находящимися в государственных социальных учреждениях. Эти меры направлены, прежде всего, на развитие института замещающей семьи. С другой стороны, эти меры касаются и выпускников этих учреждений, которые нуждаются в реализации программ социальной адаптации, позволяющих им освоить самостоятельное проживание.

Рассмотрим более подробно вторичную профилактику, так как именно она направлена непосредственно на раннее выявление семейного неблагополучия. Долгое время в системе социальной защиты населения в целом и системе социальной защиты семьи и детства в частности в основе мер социальной поддержки был положен заявительный принцип работы. То есть помощь оказывалась гражданам, обратившимся в социальную службу. Но, как правило, неблагополучные семьи чаще всего не осознают свои проблемы и не обращаются в соответствующие службы. Поэтому возникла необходимость выявления семей, находящихся на той или иной стадии кризиса, и оказания им социальной помощи.

В сложившейся практике социальной работы подобные семьи называют семьями, находящимися в социально опасном положении, то есть это семьи, где родители или законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению, содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними.

Семьи проходят различные стадии кризиса, прежде чем становятся маргинальными. Начинается все с того, что в семье возникает проблема, это может быть потеря работы, болезнь близкого родственника и т. п. Семья, имеющая внутренние ресурсы, как правило, справляется с возникшими проблемами самостоятельно. Но если у семьи отсутствуют эти ресурсы, отсутствует помощь со стороны социальных служб, то кризис начинает нарастать и в конце концов проблема усугубляется до тех пор, пока на эту семью не обратят внимание органы опеки и попечительства и не встанет вопрос об изъятии ребенка из семьи.

Поэтому гораздо эффективнее выявлять подобные семьи на ранних стадиях кризиса, то есть необходимо перейти от заявительного к выявительному принципу работы. Подобные технологии уже применяются в практике. Например, в Курумканском центре социальной помощи семье и детям создана участковая социальная служба.

Новизна данного проекта заключается в применении новых форм работы в районе; участковый принцип организации работы. Специалист по социальной работе, социальный педагог, психолог,

специалист Службы раннего выявления семейного неблагополучия и воспитатели — это единая команда, осуществляющая свою деятельность в тесном сотрудничестве со специалистами других структурных подразделений. В реализации проекта принимают участие не только специалисты учреждения, но и равноправные партнеры — специалисты ведомств системы профилактики. Таким образом, осуществляется межведомственное взаимодействие субъектов профилактики социального сиротства.

В рамках проекта район разделен на участки по поселениям, за которыми закреплены специалисты Центра. Они принимают участие в разработке «Социального паспорта участка», на основании которого планируется дальнейшая работа. Каждый социальный паспорт содержит информацию об административно-территориальном положении участка, о социальных объектах, семьях социального риска. Эти данные помогают специалисту оперативно решать вопросы, связанные с оказанием социальной поддержки семей с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации.

Выявление семей — первый этап в деятельности участкового специалиста по социальной работе, в ходе которого применяются нормативно допустимые формы и методы. Следующий этап — это диагностика социального неблагополучия, выявление социальных проблем и поиск оптимальных путей их решения. Далее — осуществление социального сопровождения и социального патронажа семей и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Социальное сопровождение предусматривает разработку и реализацию индивидуальных программ социальной реабилитации семей с целью мотивации на позитивные изменения.

Мотивация семей на стабилизацию семейных отношений, преодоление кризисов в общении с детьми, выработка новых жизненных ориентиров — это функционал участковой социально-психологической службы, работающей в единой команде со специалистами по социальной работе.

Реализация мероприятий по данному направлению обеспечивает:

- максимальное приближение социальной помощи к месту проживания семей и отдельных категорий граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;
- доступность социальных услуг;
- своевременное выявление социальных проблем и определение способа их решения;
- эффективную профилактику социального неблагополучия семей и отдельных граждан;
- координацию межведомственного взаимодействия в преодолении социального неблагополучия семей, проживающих на участке.

С внедрением технологии раннего выявления семейного неблагополучия в районе снизилось количество семей, находящихся в социально опасном положении (2011 г. — 33 семьи, 2012 г. — 22 семьи, 2013 г. — 23 семьи, на 1 августа 2014 г. — 11 семей) [2].

Таким образом, раннее выявление семейного неблагополучия основывается на межведомственном взаимодействии субъектов профилактики социального сиротства и состоит из трех этапов. На первом этапе происходит выявление семей, находящихся в социально опасном положении. Здесь важно четко задать критерии, по которым семья может быть отнесена к неблагополучным. К таким критериям, как правило, относятся низкий уровень доходов семьи, бездуховность, асоциальное поведение родителей, конфликтные взаимоотношения между супругами, детьми и родителями, злоупотребление спиртными напитками и многое другое. В такой семье нарушена структура, обесцениваются или игнорируются основные семейные функции. Помимо семей с явным неблагополучием, к которым исследователи относят конфликтные, проблемные, асоциальные типы, предлагается обратить внимание на семьи со скрытой формой неблагополучия, где за внешним благополучием, по мнению авторов, скрываются расхождения с общепринятыми моральными ценностями, которые оказывают деструктивное влияние на формирование личности ребенка [1]. На данном этапе очень важно задействовать механизмы межведомственного взаимодействия, подключить к этому учителей в школах, врачей и медсестер в детских поликлиниках, воспитателей в детских садах, так как именно они в своей повседневной деятельности работают с несовершеннолетними детьми. Тем более важно научить их распознавать признаки семейного неблагополучия по внешнему виду ребенка, по его физическому и эмоциональному состоянию.

На втором этапе осуществляется диагностика социального неблагополучия. Здесь важное значение приобретает подготовка к первому контакту с клиентом и его социальным окружением. Необходимо предварительно собрать всю возможную информацию о семье: индивидуальные особенности родителей, детей, социальные контакты, существующие социальные проблемы,

особенности реакции на контакт извне со стороны социальной службы. Перед специалистом во время первых визитов стоит задача — формирование доверительного отношения к социальной службе в целом, к специалисту в частности.

На третьем этапе осуществляется социальный патронаж, то есть непосредственная работа с семьей. Здесь специалист разрабатывает и реализовывает индивидуальную программу социальной реабилитации семьи. В процессе работы с семьей необходимо мотивировать, прежде всего, родителей на сотрудничество, стабилизацию семейных отношений, решению социальных проблем. Причем клиенты должны осознавать собственную ответственность за развитие ситуации, они должны понимать конечную цель подобного сотрудничества, а именно — сохранение кровной семьи для ребенка.

Итак, негативная динамика развития социального сиротства в нашей стране во многом определила значимость социальной профилактики. Приоритет, по нашему мнению, должен быть отдан технологии раннего выявления семейного неблагополучия. Объектом данной технологии является даже не ребенок, а семья в целом. Эффективной будет только та помощь, которая будет направлена не только и даже не столько на ребенка, а на его ближайшее окружение с целью сохранения биологической семьи для него.

Литература

1. Дети в трудной жизненной ситуации: профилактика неблагополучия [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.fond-detyam.ru/pechatnye-izdaniya/10227/> (2015).
2. Цыбикова Л. Р. Новые подходы профилактики семейного неблагополучия в деятельности ГБУСО «Курумканский центр социальной помощи семье и детям» [Электронный ресурс]. — URL: <http://minsoc-buryatia.ru/press/head/> (2015).

References

1. *Deti v trudnoi zhiznennoi situatsii: profilaktika neblagopoluchiya* [Children in difficult situations: prevention of trouble]. Available at: <http://www.fond-detyam.ru/pechatnye-izdaniya/10227/>.
2. Tsybikova L. R. *Novye podkhody profilaktiki semeinogo neblagopoluchiya v deyatel'nosti GBUSO Kurumkanskii Tsentri sotsial'noi pomoshchi sem'e i detyam* [New approaches to prevention of family trouble in the activities of State Institution of social services Kurumkansky Center of Social Assistance to Families and Children]. Available at: <http://minsoc-buryatia.ru/press/head/>.

УДК 316.624: 316.364.32(571.54)

**АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ БЕЗНАДЗОРНЫХ И БЕСПРИЗОРНЫХ ДЕТЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ ГУСО «РЕСПУБЛИКАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ»)**

© *Дэбэева Туяна Базаржаповна*

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальные технологии» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления
Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В
E-mail: debeevatuяana@mail.ru

В данной статье исследуются проблемы безнадзорных и беспризорных детей. На основе проведенного социологического исследования проводится анализ причин и условий поступления безнадзорных и беспризорных детей в государственное учреждение социального обслуживания «Республиканский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних».

Безнадзорность и беспризорность детей является одной из актуальных проблем современного российского общества. Меры, принимаемые государством, являются недостаточными для решения данной проблемы, поскольку полученные данные свидетельствуют о деформации института семьи, ее неблагополучии – источника формирования и пополнения слоя безнадзорных и беспризорных детей и подростков. Исследование показало, что наиболее важным моментом в предупреждении безнадзорности в подростковой среде является организация конкретных профилактических мероприятий для предотвращения данного явления.

Ключевые слова: неблагополучие семьи, социализация, девиантное поведение, образ жизни, социальное учреждение, реабилитация, малообеспеченность.

**ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF HOMELESS AND STREET CHILDREN
(ON THE EXAMPLE OF «REPUBLICAN SOCIAL AND REHABILITATION CENTER
FOR MINORS»)**

Tuyana B. Debeeva

PhD, A/Professor, East Siberian State University of Technology and Management
40V, Klyuchevskaya Str., Ulan-Ude 670013, Russia

The problem of neglected and homeless children was investigated in the article. Based on the case study we analyzed the causes and conditions of neglected and homeless children receipt in the public institution of social service "Republican social rehabilitation center for minors". Neglect and abandonment of children is one of the urgent problems of modern Russian society. The measures taken by the State are insufficient to resolve this problem. The obtained data indicated the deformation of family institution, its troubles; as a result of it such families became a source of formation and replenishment of neglected and homeless children and adolescents stratum. The study showed that the most important point in prophylaxis of homelessness among adolescents was organization of specific preventive measures.

Keywords: family trouble, socialization, deviant behavior, lifestyle, social institutions, rehabilitation, low income.

Безнадзорность и беспризорность детей и подростков — одна самых тревожных проблем современного российского общества. Несмотря на принимаемые правительством РФ в последние годы меры, наблюдается рост безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних. В настоящее время не существует надежных данных о количестве беспризорных детей в России. По разным источникам беспризорных детей насчитывается от 2–2,5 (госданные) до 3–4 млн (по оценкам Совета Федерации, Прокуратуры РФ и независимых экспертов). Даже если взять минимальное количество беспризорных, оно окажется приближено к показателям послевоенного Советского Союза: в 1945 г. было 678 тыс. детей-сирот [5, 30]. В разных регионах применяются на практике различные методы подсчета беспризорных детей. В Улан-Удэ считают лишь тех детей, которые попали в отделение полиции.

С целью выяснения основных причин и особенностей развития детской безнадзорности и беспризорности было проведено социологическое исследование в государственном учреждении социального обслуживания «Республиканский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» (далее ГУСО «РСРЦН»), что включало анкетирование воспитанников. Использовался метод

серийной (гнездовой) выборки. В процессе исследования была выдвинута гипотеза, что главной причиной поступления безнадзорных и беспризорных детей и подростков в ГУСО «Республиканский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» является неблагополучие семей, что выражается в оставлении детей без попечения, жестокое обращение по отношению к детям, аморальный образ жизни родителей, малообеспеченность и др., в связи с этим у детей и подростков нарушается процесс социализации, они недостаточно развиты, им присущи психологические проблемы, педагогическая запущенность, а также формируются отрицательные формы девиантного поведения.

Результаты проведенного исследования показали, что основными причинами поступления несовершеннолетних в социально-реабилитационный центр послужили алкоголизм матери (26 %), отсутствие жилья (19 %), болезнь матери, оставление ребенка матерью в социально опасном положении (8 %), побеги из дома несовершеннолетнего (4 %). Полученные данные свидетельствуют о деформации семьи, ее неблагополучия – источника формирования и пополнения слоя безнадзорных, впоследствии беспризорных детей и подростков.

Несовершеннолетние доставляются в Центр по акту оперативного дежурного отдела внутренних дел, по направлению органов социальной защиты населения, органов здравоохранения, образования, органов опеки и попечительства, по личному обращению несовершеннолетнего, по заявлению родителей или законных представителей.

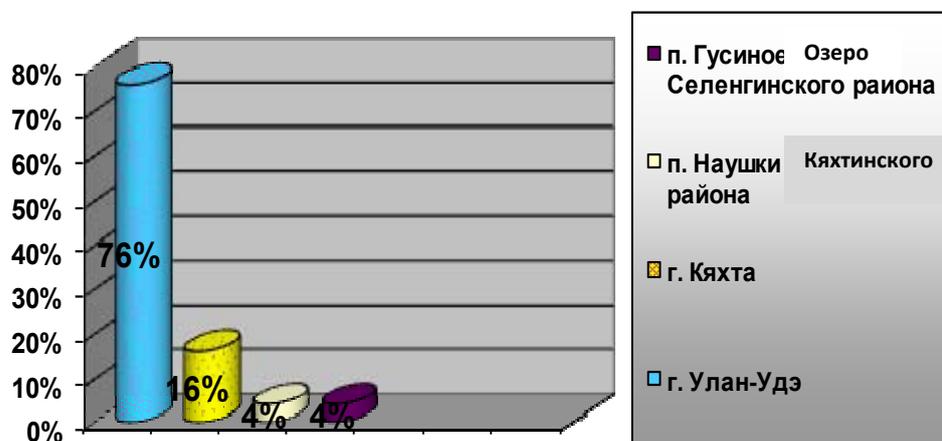

Рис. 1. Место жительства до поступления в ГУСО «РСРЦН»

Из рисунка 1 видно, что большая часть воспитанников центра — это жители города, так как данная социальная проблема свойственна именно городам. Очевидно, что в сельской местности люди менее разобщены и принимают большее участие в судьбе детей.

В современных условиях институт семьи является базисным институтом социализации, в котором закладываются основы мировоззрения подростков. Воспитываясь в семье, дети получают свой первый социальный опыт, овладевают элементарными знаниями и моделями поведения, нормативными и ценностными представлениями. Через призму семьи преломляются общественные нормы, ценности, она может усиливать, ослаблять либо нейтрализовать их влияние. Именно в семье закладывается фундамент для дальнейшего развития и становления личности. Успешная социализация ребенка в обществе зависит от состояния семьи и ее экономических, социальных и психологических факторов.

Обработка собранной эмпирической информации показала, что одной из основных причин, толкающих подростков на беспризорность является неполный состав семьи либо жизнь с родственниками. Также в основном это большие многодетные семьи, в состав которых входит пять и более человек (69 %), четыре и три (12 %).

Процесс социализации протекает успешнее в наиболее благоприятных социально-экономических, бытовых, психологических условиях, которые характеризуют семью как среду становления личности. Материальное состояние семей воспитанников центра характеризуется наличием своего жилья: свою квартиру и свой частный дом имеют 38 %.

Материальное положение своей семьи респонденты оценили как среднее — 69 %, выше среднего — 15 %, ниже среднего и низкое — 18 %. В основном семьи живут на заработную плату (84 %), пенсию бабушки/дедушки (38 %), пенсию по потере кормильца (38 %), пособие (19 %). Тратятся деньги в семье и хватает их только на еду и одежду — 62 %, хватает практически на все — 30 %, не хватает даже на еду — 4 %.

По результатам проведенного нами исследования можно судить о неблагополучии в семьях с безнадзорными детьми, поскольку на вопрос: «Где сейчас находятся твои родители?» были получены следующие данные — мама лишена родительских прав (27 %), ограничена в родительских правах (27 %), отец — умер (50 %) и дети не знают, где он (26 %). Все это в очередной раз доказывает, что родители не выполняют свои родительские обязанности, не желают заниматься воспитанием и материальным обеспечением своих детей.

По результатам различных исследований можно установить прямую зависимость образа жизни детей от образа жизни их родителей, поскольку на ранних этапах социализации дети «впитывают» в себя поведение родителей. Если семья придерживается антиобщественных и девиантных норм поведения и ведет аморальный образ жизни, то такое же поведение перенимает и ребенок.

Согласно результатам социологического исследования среди детей и подростков выяснилось, что их родители страдают алкоголизмом, причем женский алкоголизм доминирует — 76 %, мужской — 70 %. Наркоманией страдают женщины — 12 %, мужчины — 16 %. Таким семьям присущи частые ссоры, дебоши, неадекватное, агрессивное поведение.

В последние годы широко распространен фактор насилия. Оно может принимать как психическую, так и физическую форму. Проведенное исследование среди воспитанников центра указывает на тот факт, что в отношении детей практиковалось насилие. Ссоры возникали между родителями и детьми, на это указали 16 %, оскорбления в свой адрес — 38 % детей, применение физической силы — 26 %, родители выгоняли из дома — 16 % детей. Насилие в семье является одной из причин ухода ребенка из дома.

Образовательное учреждение также является одним из основных социальных институтов, оказывающим социализирующее влияние на становление личности подростка. Образовательные институты имеют огромный воспитательный потенциал и являются одним из важнейших факторов социализации и профилактики безнадзорности несовершеннолетних [4].

Результативность обучения детей в школе определяется не только уровнем и качеством педагогических методик, но и условиями, в которых протекает образовательный процесс, а также экономическим статусом, уровнем образования и культурным уровнем семьи. Необходимо отметить, что согласно результатам социологического исследования уровень образования у родителей воспитанников центра достаточно высокий (рис. 2).

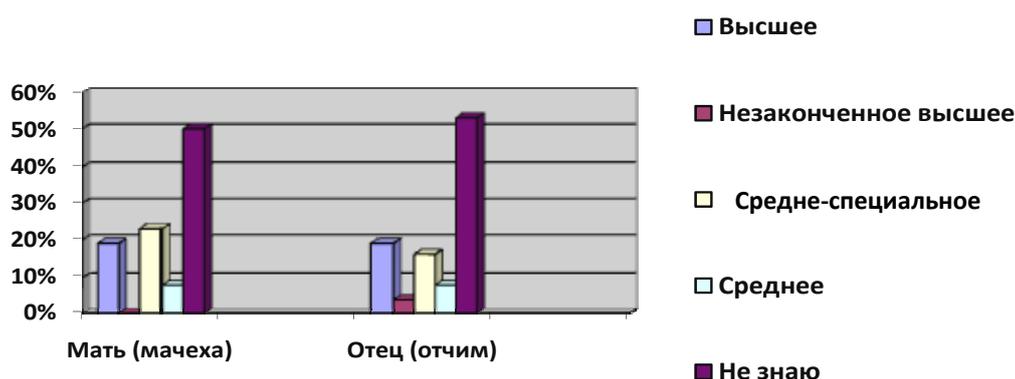

Рис. 2. Уровень образования родителей воспитанников центра

Невнимание со стороны родителей в отношении воспитания детей может привести к тому, что дети могут пополнить ряды безнадзорных. Педагогическая запущенность детей ведет к тому, что не раскрываются и не развиваются положительные качества ребенка. Основная часть подростков, утратив семейные связи, замыкаются в себе, начинают пропускать занятия, плохо усваивают учебный материал.

Основная масса подростков учится на «3» и «4» (66 %), оставались на второй год — 46 %, нравятся учиться — 84 %, посещают каждый день занятия — 100 %.

Среди основных причин безнадзорности является влияние социального окружения, в котором социализируется ребенок. Родители безнадзорных детей обычно плохо контактируют со своими детьми и недостаточно хорошо понимают их внутренний мир, уделяют им недостаточно времени и внимания, не понимают их поведение, фактически не знают их друзей и то, как они организуют свой досуг. Подростки стараются убежать от всех семейных проблем, непонимания и пытаются найти друзей с похожей судьбой.

Одной из крайних форм проявления безнадзорности является уход из дома либо центра. Для выявления частоты уходов из дома респондентам был задан вопрос: «Случалось ли, что Вы самовольно покидали РСРЦН?», на который 30 % ответили положительно; «Вам когда-нибудь хотелось уйти из дома?» ответили положительно 38 %, и на вопрос «Случалось ли, что Вы уходили, убегали из дома?» ответили положительно 26 % респондентов.

Причины побега разные, в основном: хотелось погулять, насилие со стороны матерей, отцов, отчимов, опекунов, приемных родителей. Временной интервал длительности побега заключается от 1 дня до 2 недель. В большинстве случаев «беглецы» находились у родственников, у друзей, подружек.

Детям из неблагополучных семей не обеспечивают надлежащего физического, интеллектуального и эмоционального развития. Такие дети, как правило, отстают в учебе. Проявляется повышенная напряженность со стороны одноклассников и учителей, что делает их более ранимыми. Свое ущемленное «Я» они компенсируют через агрессию и конфликты со сверстниками и учителями [3].

К основным моментам отрицательного девиантного поведения респонденты относят причинение физического вреда — 34 %, толкнуть/ударить кого либо — 20 %, оскорбление, ругань матом — 23 %, демонстративно отказываться от общения, грубить кому-либо — 12 %.

Оказавшись в трудной жизненной ситуации, подростки ищут товарищей с подобными проблемами, основное занятие которых бесцельное времяпровождение на улице, где они приобретают вредные привычки в виде токсикомании (8 %), употребления спиртных напитков (20 %), наркотиков (4 %), курения табачных изделий (35 %), азартных игр (50 %) и др.

Склонность к асоциальному поведению наблюдается в отношении респондентов к соблюдению законов. Так, из ответов видно, что не все готовы неукоснительно соблюдать законы, 23 % — можно нарушать по необходимости, можно нарушать для достижения благих целей (4 %). На вопрос «Приходилось ли Вам брать чужое без разрешения?» 42 % респондентов ответили положительно, что свидетельствует о противоправных действиях.

Необходимо принимать конкретные меры по профилактике девиантного поведения, поскольку в будущем эти дети могут реализовать себя в более тяжких противоправных действиях и попасть в места лишения свободы. К тому же ситуация среди опрашиваемых воспитанников центра характеризуется следующим образом: имели приводы в милицию — 38 %, основная часть была задержана за нарушение комендантского часа — 30 %, побег из дома — 13 %, побег из центра, драка, угон, употребление спиртных напитков, сидел в подъезде, прогуливал уроки, как свидетель, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения — 10%.

На сегодняшний день сфера организации досуга занимает одно из основных мест в жизнедеятельности подростков. Согласно полученным эмпирическим данным на первое место выходит бесцельная организация досуга, которая в основном посвящена прогулкам на улице с друзьями — 88 %.

Несмотря на некоторые негативные моменты в поведении воспитанников ГУСО «РСРЦН», основная масса детей и подростков довольна своей жизнью в настоящее время (74 %), оптимистично смотрит в будущее, хочет в дальнейшем создать собственную семью и профессионально реализоваться.

В проведенном исследовании многие респонденты указали на желание поменять свою жизнь в лучшую сторону — около 83 %, а 12 % респондентов затруднились дать ответ. Большинство опрашиваемых хотят в будущем получить высшее образование (65 %) и средне-специальное (19 %).

Большинство беспризорных детей и подростков хотят иметь в будущем свою семью. Ответы респондентов на вопрос: «Собираетесь ли Вы в будущем жениться (выйти замуж)?» распределились следующим образом: 57 % — планируют создать свою семью, 19 % — не желают вступать в брак, 24 % — не знают. Большинство воспитанников центра планируют создать собственные семьи. Респонденты настроены на рождение собственных детей, причем многие желают иметь 3 и более (38 %).

В результате исследования многие воспитанники центра настроены на трудовую деятельность — 92 % хотели в будущем иметь постоянную работу, 8 % не думали об этом.

При ответе на вопрос о будущей профессии основная часть безнадзорных и беспризорных детей и подростков остановилась на профессиях, требующих мужественности, ответственности, решительности: полицейский (26 %), военный (23 %), адвокат (15 %), пожарный (15 %), врач (7 %), бизнесмен (4 %) и др., но есть и те, кто желает работать в сфере услуг: продавец (19 %), водитель (15 %), повар (11 %), массажист, парикмахер (4 %) и др.

В числе основных причин роста детской безнадзорности и беспризорности можно выделить низкий материальный уровень семей и морально-психологический климат семьи. Нестабильность социально-политической и социально-экономической ситуации в российском обществе в последние десятилетия создает почву для резкого увеличения отклоняющегося поведения среди детей и подростков, что способствует возникновению многих проблем в этой среде.

В целом результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что выявленные социальные характеристики безнадзорных и беспризорных детей и подростков позволили доказать гипотезу, о том, что среди основных факторов, ставших причиной распространения безнадзорности и беспризорности среди воспитанников ГУСО «РСРЦН», являются семейное неблагополучие и отрицательное воздействие со стороны окружающих подростка сверстников. Также автором было доказано, что безнадзорность — негативное социальное явление, которое влечет за собой приобщение подростка к пагубным привычкам, таким как курение, употребление алкогольных напитков, наркомания, азартные игры. Необходимо отметить, что прослеживается связь между частотой проявления вербальной и невербальной агрессии и времени, которое ребенок проводит на улице.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что наиболее важным моментом в предупреждении безнадзорности в подростковой среде является организация конкретных профилактических мероприятий по предотвращению данного явления. Это прежде всего работа с семьями группы риска, неблагополучными семьями, семьями, попавшими в трудную жизненную ситуацию, а также непосредственная работа с несовершеннолетними: организация досуга, ознакомление с правилами ЗОЖ, с физической культурой, патриотическое воспитание, духовно-нравственное воспитание, помощь в обучении, профориентации и др. Все это представляется допустимым при активной совместной деятельности государственных и общественных структур на фоне совершенствования системы правовых и организационных мер по предупреждению безнадзорности и беспризорности.

Литература

1. Беспризорные дети [Электронный ресурс]. — URL: http://www.smolcity.ru/user/blog.php?BLOG=rebenok&POST_ID=670 (дата обращения: 15.01.2015).
2. Бреева Е. Б. Деадаптация детей и национальная безопасность России. — М., 2004.
3. Дулинова Л. Т., Маршак А. Л., Холостова Е. И. Детская безнадзорность: состояние и пути преодоления. — М.: Изд-во МГСУ, 2000. — 151 с.
4. Гоголева А. В. Беспризорность. Социально-психологические и педагогические аспекты. — М., 2004. — 463 с.
5. Жилева С. К. К вопросу о состоянии беспризорности несовершеннолетних в современной России // История государства и права. — 2012. — № 5.

References

1. *Besprizornye deti* [Street children]. Available at: http://www.smolcity.ru/user/blog.php?BLOG=rebenok&POST_ID=670 (accessed January 15, 2015).
2. Breeva E. B. *Dezadaptatsiya detei i natsional'naya bezopasnost' Rossii* [Maladjustment of children and national security of Russia]. Moscow, 2004.
3. Dulinova L. T., Marshak A. L., Kholostova E. I. *Detskaya beznadzornost': sostoyanie i puti preodoleniya* [Child neglect: state and ways of overcoming]. Moscow, 2000. 151 p.
4. Gogoleva A. V. *Besprizornost'. Sotsial'no-psikhologicheskie i pedagogicheskie aspekty* [Homelessness. Socio-psychological and pedagogical aspects]. Moscow, 2004. 463 p.
5. Zhilyaeva S. K. *K voprosu o sostoyanii besprizornosti nesovershennoletnikh v sovremennoi Rossii* [To the problem of juvenile delinquency state in modern Russia]. *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*. 2012. No. 5.

УДК 159.922.76

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПРИЧИН ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

© Ихисонова Варвара Валерьевна

старший преподаватель кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: ikhisonova@mail.ru

Отклонения от социальных норм, несмотря на большое разнообразие, имеют некоторые общие причины, поддерживающие их существование, ведущие к их росту и распространенности. По своей сути они сводятся к объективным и субъективным противоречиям общественного развития, которые нарушают взаимодействие личности с социальной средой и ведут к формам поведения индивидов, не согласующимся с существующей нормативной системой. В данной статье дается описание особенностей и причин девиантного поведения подростков и роли семьи в профилактике данной патологии. Автор представляет результаты социологического исследования среди воспитанников Центра социальной реабилитации несовершеннолетних г. Улан-Удэ, целью которого было выяснение причин девиантного поведения среди подростков. В результате анкетирования было выявлено, что среди основных факторов, влияющих на формирование отклоняющего поведения, доминируют следующие: семейные конфликты, асоциальное поведение родителей, подростковая среда и прочие. Также в статье дается описание программ профилактики таких форм девиантного поведения, как безнадзорность и беспризорность, вредные привычки, которые успешно реализуются в Центре социальной реабилитации несовершеннолетних г. Улан-Удэ.

Ключевые слова: девиантное поведение, подросток, неполная семья, подростковая среда, общество.

TO THE PROBLEM OF STUDYING THE CAUSES OF DEVIANT BEHAVIOR AMONG ADOLESCENTS

Varvara V. Ikhisonova

Senior Lecturer, Buryat State University

24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Despite the great diversity deviation from social norms have some common reasons that support its existence, lead to its growth and spread. Inherently they come to subjective and objective contradictions of social development, which violate the interaction of person with social environment and lead to behaviors inconsistent to the existing regulatory system. In the article the characteristics and causes of deviant behavior among adolescents and the role of family in its prevention were described. We presented the results of survey carried out among foster children of Ulan-Ude Social Rehabilitation Center of Minors and aimed at determining the causes of adolescents' deviant behavior. The survey revealed that among the main factors influencing the formation of deviant behavior were the following: family conflicts, antisocial behavior of parents, adolescents' environment and others. We also described the programs for such forms of deviant behavior prevention as neglect and homelessness, addictions; they were successfully implemented in Ulan-Ude Social Rehabilitation Center of Minors.

Keywords: deviant behavior, adolescent, parent family, adolescents' environment, society.

Изменения, происходящие в современном обществе, выдвинули целый ряд проблем, одной из которых является проблема девиантного поведения подростков, оказывающая негативное влияние на развитие современного общества. Подростки — одна из наиболее динамичных групп населения, которая очень быстро реагирует на все перемены, изменения, происходящие в общественной жизни, при этом она, меняя свои взгляды, ценности, установки, усваивает как позитивные, так и негативные их образцы.

Распространение асоциальных явлений в подростковой среде, в том числе уклонение от посещения средних общеобразовательных учреждений, безнадзорность, употребление алкогольных напитков, наркотических веществ, асоциальное поведение способствуют росту преступности, заболеваний, снижению нравственных и ценностных ориентаций общества.

В качестве факторов, способствующих возникновению асоциального поведения подростков, выступают социально-экономическая нестабильность общества, усиление влияния псевдокультуры, семейное неблагополучие, отсутствие контроля за поведением детей и т. д. [1]

Самым тревожным остается то, что девиантное поведение подростков характеризуется негативной динамикой, поскольку большинство молодых людей становятся участниками организованных групп, занимающихся преступной деятельностью.

В любом обществе существуют различные виды и формы девиантного поведения подростков, которые нуждаются в тщательном исследовании и разработке социальных программ профилактики данного негативного явления.

Для выяснения причин девиантного поведения подростков нами было проведено социологическое исследование на базе социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних г. Улан-Удэ. Ежегодно в центре проходят реабилитацию 150–180 несовершеннолетних. Из числа поступивших детей только 4–5 % являются круглыми сиротами, 2–3 % — социальными сиротами, остальные на момент зачисления не имеют статуса. Так, из числа опрошенных 94 % респондентов оказались социальными сиротами, 6 % — круглыми сиротами, 62 % — из неполных семей, 38 % — из полных семей.

По результатам анкетирования большая часть опрошенных (51 %) оказалась в Центре социальной реабилитации по причине алкоголизма родителей, 25 % — из-за частых конфликтов в семье, 12 % — из-за родительской жестокости, 12 % — по причине лишения родительских прав.

Недостатки воспитания детей в семье лиц, страдающих алкогольной зависимостью, обуславливаются характерными для таких родителей изменениями личности, что резко ограничивает круг интересов. В подобных семьях воспитательная функция не выполняется родителями, проблемам и интересам ребенка не уделяется внимания.

В семьях, где один или оба родителя страдают алкогольной зависимостью, дети испытывают такие негативные психологические состояния, как депрессивность, постоянные стрессы, раздражительность, низкая самооценка, проблемы в общении со сверстниками [2].

На вопрос «Случались ли факты насилия со стороны родителей по отношению к Вам» 25 % ответили, что родители их били, оскорбляли, избивали ремнем или кулаками. В результате этого у детей может развиваться патологическая робость, пассивность, затаенная враждебность, неспособность любить других.

В семьях, где практикуется жестокое поведение, дети постоянно испытывают чувство страха. Подобный страх может проявляться различным образом: от ухода в себя и пассивности до насильственного поведения.

На вопрос «В вашей семье родители, родственники употребляют спиртные напитки, табачные изделия, наркотики?» 56 % детей ответили, что в их семьях есть курящие, 50 % ответили, что в их семьях родители злоупотребляют алкоголем.

На вопрос «Какие проблемы Ваша семья испытывает больше всего?» 51 % детей ответили, что алкоголизм родителей, 25 % — психологические, 12 % — проблемы взаимоотношений между членами семьи, 12 % — насилие в семье.

На вопрос «Какое негативное воздействие Вы испытывали со стороны родителей?» 38 % ответили, что выслушивали оскорбления, 18 % стали жертвами физического насилия, 18 % поддавались физической агрессии, 13 % испытали психологическое давление, к 13 % родители относятся безразлично.

Социально-психологическое состояние респондентов в общей выборке отражает сложную совокупность индивидуально-психологических и социально-экономических факторов, что выражается в высокой степени тревоги и неуверенности в будущем у половины респондентов. 60 % респондентов указывают на то, что они испытывают состояние, характеризующееся как «сложное или безвыходное». Это способствует формированию депрессивного синдрома и, как следствие, поиску нестандартного выхода из этих ситуаций, в том числе наркомании, употреблению алкоголя, токсикомании и др.

Конфликты в семье — наиболее часто встречающаяся проблема. На вопрос «В ваше присутствие происходили ли конфликты в вашей семье?» 57 % детей ответили, что да. На вопрос «Как часто происходят конфликты в вашей семье?» 57 % детей ответили, что чаще одного раза в неделю, 25 % — 1 раз в неделю, 18 % — 1 раз в месяц.

Для того чтобы определить условия и причины девиантного поведения подростков, в первую очередь необходимо рассмотреть особенности психологического климата семьи, взаимоотношения ребенка со сверстниками. На вопрос «С кем в семье у Вас отсутствует взаимопонимание?» 44 % подростков ответили, что взаимопонимания нет с матерью — 38 %, 12 % признались, что взаимопонимание отсутствует со всеми и 6 % — с отчимом.

Все вышеперечисленные факторы не могли не сказаться на самочувствии и поведении подростков. На вопрос «Курите ли вы?» 82 % признались, что курят, 18 % ответили, что не курят. На вопрос «Если Вы курите, то, что Вас подтолкнуло к этому?» подростки отвечают следующим образом: влияние друзей — 56 %, пример родителей — 32 %, любопытство — 6 %, желание стать взрослее — 6 %. 38 % детей признались, что употребляют алкогольные напитки, 62 % ответили, что не употребляют алкогольные напитки. На вопрос «Что способствовало тому, что Вы стали употреблять алкогольные напитки?» подростки ответили следующим образом: пример родителей послужил для 13 % подростков, влияние друзей — также 13 %, любопытство — 6 %, желание стать взрослее — 6 %. 18 % подростков признались, что употребляли наркотические вещества, 82 % ответили, что не употребляли наркотические вещества. Из причин, способствующих употреблению наркотиков, подростки указали следующие: 12 % — влияние друзей, 6 % — любопытство.

Тем не менее, несмотря на различные негативные проявления в семьях, 94 % детей хотели бы обратно вернуться в семьи, соответственно 6 % не хотят обратно возвращаться в семью.

В центре с детьми проводится большая работа. Разрабатываются и реализуются индивидуальные программы работы с несовершеннолетними с учетом всех выявленных факторов и обстоятельств: возрастных, физических и интеллектуальных. Детей включают в учебную, трудовую, познавательную, досуговую и иную деятельность, а также в процесс самообслуживания. Восстанавливаются нарушенные связи со школой, социальный статус подростков в коллективе сверстников. Также идет работа по снятию психотравмирующих ситуаций и их последствий среди ближайшего окружения несовершеннолетних.

Для более эффективной профилактики безнадзорности и беспризорности в центре введены новые формы работы: создан постоянно действующий туристический клуб. Дети учатся любить природу, бережно относиться к природным богатствам. Они получают положительный настрой на общение с людьми, учатся взаимопомощи и взаимовыручки, что в будущем помогает им лучше адаптироваться в социуме, завязывать новые связи взамен прежним.

В центре используются различные программы: психологи работают по программе «Развитие самооценки у детей», успешно продолжается работа по программе «Коррекционно-воспитательная работа с детьми по развитию речи», программа по физическому воспитанию, программа «Развитие эстетических способностей детей школьного и дошкольного возраста средствами театрального искусства».

Таким образом, в неблагополучных семьях дети испытывают недостаток духовной и нравственной близости с родителями. В подобных семьях отсутствуют положительные образцы поведения: сопереживание близким, моральные нормы и принципы поведения, что, в свою очередь, приводит к раннему взрослению подростков. Для таких подростков характерны агрессивные социальные роли, формирование таких черт характера, как лживость, безволие, склонность к бродяжничеству и лицемерию.

Дети становятся заложниками среды асоциального поведения, начинают употреблять спиртные напитки. Как показывает практика, такие формы девиантного поведения, как наркомания, алкоголизация, табакокурение и т. д., хотя и связаны с улицей, досугом, с местом учебы, берут свое начало в семье и в ней проявляют себя наиболее активно.

Таким образом можно констатировать, что распространение девиантного поведения, структурные изменения семьи зачастую экономически делают семью несостоятельной, провоцируют негативный микроклимат и формируют неудовлетворенные условия для воспитания ребенка, находящегося в них.

Литература

1. Арымбаева К. М. Семья и проблемы социализации подростков // Актуальные проблемы современной науки. — 2013. — № 5. — 99 с.
2. Татарова С. П. Девиантное поведение подростков и социальные технологии его профилактики в условиях перехода российского общества к рыночным отношениям: дис. ... д-ра социол. наук. — Улан-Удэ, 2007. — 315 с.

References

1. Arymbaeva K. M. Sem'ya i problemy sotsializatsii podrostkov [Family and problems of adolescents socialization]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki* — Actual problems of modern science. 2013. No. 5. 99 p.
2. Tatarova S. P. *Deviantnoe povedenie podrostkov i sotsial'nye tekhnologii ego profilaktiki v usloviyakh perekhoda rossiiskogo obshchestva k rynochnym otnosheniyam. Diss. ... d-ra sotsiol. nauk* [Deviant behavior of adolescents and social technologies for it prevention in the conditions of the Russian society transition to market relations]. Dr sociol. sci. diss.]. Ulan-Ude, 2007. 315 p.

VII. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

© *Бадонов Алексей Маланович*

кандидат социологических наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: badonov@mail.ru

© *Бадараев Дамдин Доржиевич*

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: damdin80@mail.ru

В статье говорится о социальном самочувствии студенческой молодежи в условиях экономического кризиса. Вопросы социального самочувствия отражают общий настрой населения, психоэмоциональный климат, выраженность социальной напряженности в регионе. Под социальным самочувствием студенческой молодежи понимается настроение, определяющее стратегию поведения и в конечном итоге качество жизни данного социального субъекта. Социальное самочувствие студентов вузов отражается не только в самооценке их материального положения и уровня дохода, но и в их эмоциональной реакции на условия своей жизни, в доминирующих чувствах, настроениях. Для выявления социального самочувствия студенческой молодежи авторами было проведено социологическое исследование в апреле-мае 2014 г. В качестве основного метода исследования выбрано анкетирование. В статье анализируются результаты проведенного социологического исследования.

Ключевые слова: социальное самочувствие, студенческая молодежь, материальное положение.

SOCIAL WELL-BEING OF STUDENTS IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC CRISIS

Aleksey M. Badonov

PhD, A/Professor, Buryat State University
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Damdin D. Badaraev

PhD, A/Professor, Buryat State University
24a, Smolin Str., Ulan-Ude 670000, Russia

The issues of social well-being reflect general mood of population, psycho-emotional climate, the severity of social tension in a region. In the article social well-being of students at the period of economic crisis was considered. Social well-being of students we understood as a mood determining the strategy of social subject's behavior and, ultimately, the quality of his life. University students' social well-being was reflected not only in self-assessment of their financial position and level of income, but also in their emotional reaction to the conditions of life, in dominant feelings and moods. To identify students' social well-being in April and May of 2014 we had carried out the sociological study. The results of the survey showed, that in conditions of economic crisis students as well as other categories of people had financial difficulties, in this terms the problem of student's self-sufficiency became urgent.

Keywords: social well-being, students, financial situation.

Исследование социального самочувствия людей как обобщенной эмоционально-оценочной реакции на различные социальные изменения и свое положение в обществе является одним из важнейших направлений социологического анализа развития общества на современном этапе. Одним из индикаторов последствий экономических потрясений в обществе является социальное самочувствие

населения. Изучение общественного мнения через разные социологические методы с привлечением статистических данных позволяет обрисовать объективную картину общественных реалий. Вопросы социального самочувствия отражают общий настрой населения, психоэмоциональный климат, выраженность социальной напряженности в регионе [1].

Социальное самочувствие является ведущим фактором определения общественных настроений. По мнению многих ученых, самочувствие определяется в первую очередь качеством жизни. Понятия «социальное самочувствие» и «качество жизни» в научной литературе определяются как объективно-субъективные характеристики. По мнению Н. В. Дулиной и В. В. Токарева, понятие «качество жизни» — это комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения с акцентом на объективные показатели, в то время как «социальное самочувствие» в большей степени отражает самочувствие самого индивида [4].

По мнению Р. В. Карамельского, под социальным самочувствием студенческой молодежи понимается настроение, определяющее стратегию поведения и в конечном итоге качество жизни данного социального субъекта. Социальное самочувствие студентов вузов отражается не только в самооценке их материального положения и уровня дохода, но и в их эмоциональной реакции на условия своей жизни, в доминирующих чувствах, настроениях. Поэтому содержание социального самочувствия студентов можно охарактеризовать по двум основным аспектам: удовлетворенность условиями жизни (оценка удовлетворенности потребностей физического существования) и социально-психологический комфорт (оценка удовлетворенности потребностей социального существования). Помимо оценки «удовлетворенности условиями жизни» и «социально-психологического комфорта» социальное самочувствие дает представление и о степени социальной активности студенчества [5].

На сегодняшний момент количество молодежи в стране постепенно сокращается. Об этом свидетельствуют статистические данные, представленные Росстатом. Количество молодежи в возрасте от 15 до 29 лет сократилось с 2010 по 2014 г. на 3 млн, 91 тыс. чел.: 2010 г. — 32 млн 540 тыс. чел., 2011 г. — 32 млн 371 тыс. чел., 2012 г. — 31 млн 558 тыс. чел., 2013 г. — 30 млн 557 тыс. чел., 2014 г. — 29 млн 449 тыс. чел. [3] Следует отметить, что эту тенденцию вызывает взросление детей 1990-х годов рождения, когда был пик спада рождаемости в стране в силу различных социальных и экономических причин. В возрастных когортах от 0 до 14 лет наблюдается увеличение численности, это подрастают дети 2000-х годов рождения.

Молодежь и студенчество тесно взаимосвязаны между собой. Студенчество представляет собой учащуюся часть молодежи. Студенты — это учащиеся высших учебных заведений. Они представляют собой социально-демографическую группу, которая характеризуется определенным общественным положением, ролью и статусом.

На 2013/14 учебный год количество высших учебных заведений в России составляло 969 организаций, из них 578 государственных и муниципальных организаций и 391 частная организация. В этот же учебный год численность студентов составила 5 млн 647 тыс. чел., из них 4 млн 762 тыс. чел. обучались в государственных и муниципальных образовательных организациях, 885 тыс. чел. обучались в частных образовательных организациях [7].

В Республике Бурятия система высшего профессионального образования, в которой обучается студенческая молодежь, представлена 4 государственными вузами, 2 негосударственными вузами, 9 филиалами государственных и негосударственных вузов.

На 1 января 2014 г. в Республике Бурятия в высших учебных заведениях по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры обучается 38,9 тыс. студентов. За период с 2010 г. численность студентов вузов сократилась на 9,3 тыс. человек. Так, в 2010 г. обучалось 48,2 тыс. чел., 2011 г. — 46,3 тыс. чел., 2012 г. — 45,7 тыс. чел., 2013 г. — 38,9 тыс. чел. [6]

Для выявления социального самочувствия студенческой молодежи авторами было проведено социологическое исследование в апреле-мае 2014 г. В качестве основного метода исследования выбрано анкетирование, посредством которого было опрошено 162 респондента по квотной многоступенчатой выборке. Исследованием были охвачены студенты, обучающиеся в Бурятском государственном университете. Распределение по полу было таким: респонденты мужского пола — 35,8 %, респонденты женского пола — 64,2 %. Национальный состав: буряты — 60,5 %, русские — 33,3 %, другие национальности (тувинцы, якуты, татары и др.) — 6,2 %. Возраст респондентов был следующим: 17 лет — 3,7 %; 18 лет — 17,9 %; 19 лет — 16,1 %; 20 лет — 20,4 %; 21 год — 22,8 %; 22 года — 12,9 %; 23 года — 2,5 %; старше 23 лет — 3,7 %.

Главной целью исследования было изучение социального самочувствия студенческой молодежи Республики Бурятия. Студенческая молодежь представляет собой определенную группу населения, обладающую высоким потенциалом. Ее настроения и ожидания во многом определяют вектор развития территории. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: определение статусных параметров студенческой молодежи, изучение самооценки экономического и финансового положения студентов; выявление субъективных оценок собственных потребительских предпочтений.

Принято считать, что социальное самочувствие человека определяется степенью удовлетворения его социальных потребностей, которые, в свою очередь, являются производными от существующей в обществе системы социальных благ, их производства и распределения. Чем больше человек ощущает нехватку социальных благ, тем хуже его социальное самочувствие. Такой подход к измерению одного из важнейших показателей благополучия людей позволяет осуществлять разностороннюю оценку восприятия человеком своего положения в обществе и избежать опасности измерения ситуативных эмоциональных состояний [2].

На вопрос «Скажите, в целом Вы удовлетворены или не удовлетворены своей жизнью в настоящее время?» респонденты ответили следующим образом: вполне удовлетворен — 58,0 %, скорее удовлетворен — 30,3 %, скорее не удовлетворен — 8,0 %, совершенно не удовлетворен — 1,3 %, затрудняюсь ответить — 2,4 %. Большинство респондентов (88,3 %) проявляют ту или иную степень удовлетворения своей жизнью в настоящее время. Эта удовлетворенность проявилась и при ответе на следующий вопрос. При ответе на вопрос «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное (экономическое) положение Вашей семьи?» большинство респондентов оценили его выше среднего. Оценили очень хорошим 11,7 % респондентов, хорошим — 45,7 %, средним — 37,0 %, плохим — 4,3 %, не ответили — 1,3 %.

На вопрос «Ваше нынешнее материальное положение (Вашей семьи) лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?» респонденты ответили так: улучшилось — 32,7 %, осталось таким же — 52,5 %, ухудшилось — 8,6 %, затруднились ответить 6,2 % респондентов. Мы опять видим в основном положительные оценки, т. е. у 85,2 % респондентов положение улучшилось или по крайней мере осталось прежним. Если сравнить ответы с предыдущим вопросом, то это положение в основном выше среднего и среднее (94,4 %).

На вопрос «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?» респонденты ответили: улучшится — 42,0 %, останется таким же — 37,7 %, ухудшится — 3,1 %, затрудняюсь ответить — 17,2 %. В основном преобладают оптимистичные взгляды на улучшение или сохранение нынешнего материального положения респондентов.

При ответе на вопрос «А материальное положение большинства россиян в ближайшие 12 месяцев улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?» мнения респондентов разделились: улучшится — 19,1 %, останется таким же — 36,4 %, ухудшится — 16,1 %, затрудняюсь ответить — 28,4 %. Здесь мнения респондентов не так оптимистичны. Они считают, что кризисные явления в экономике страны в большей степени коснутся других россиян, но не их самих или их семей.

На вопрос «А как Вы полагаете, в ближайшие 5 лет уровень жизни большинства россиян в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?» респонденты ответили: улучшится — 46,3 %, останется таким же — 18,5 %, ухудшится — 10,5 %, затрудняюсь ответить — 24,7 %. В долгосрочной перспективе мнения респондентов более оптимистичны, поскольку за этот период, по их мнению, российская экономика выйдет из кризиса. Почти половина респондентов уверена в том, что уровень жизни большинства россиян улучшится.

При ответе на вопрос «Как изменилась за прошедший год Ваша уверенность в будущем?» большинство респондентов считают, что уверенность повысилась (53,7 %), 35,2 % — осталась на прежнем уровне, 10,5 % — понизилась, 0,6 % затруднились ответить. Большинство респондентов считает, что их уверенность в будущем повысилась, несмотря на различные кризисные явления в российской экономике. Например, в Бурятии очень остро стоит проблема закредитованности населения, которая тесно связана с проблемой уменьшения доходов и безработицей.

При ответе на вопрос «Кем Вы себя считаете в сравнении с другими?» подавляющее большинство респондентов ответило, что считает себя средним (75,9 %), 8,6 % респондентов считает себя богаче среднего, 7,4 % затруднилось ответить, 4,9 % считает себя беднее среднего, 3,2 % — богатым.

Усредненность оценок своего социального статуса большинства респондентов говорит о желании не выделяться и быть как все. Также это свидетельствует о том, что в студенческой среде нет такого серьезного расслоения, деления на богатых и бедных. Большинство респондентов действительно представляют собой группу со средним материальным обеспечением и средними финансовыми возможностями. Однако в период кризиса эту группу имеет тенденцию к обеднению, поскольку реальные доходы населения, как показывает статистика, уменьшаются. Если оценивать доходы населения с точки зрения курса иностранной валюты (например, доллара), то есть все основания говорить о том, что реальные доходы снизились почти в два раза.

В этих условиях при снижении реальных доходов российских семей важным становится вопрос самообеспечения студентов. На вопрос «Имеете ли Вы возможность подрабатывать во время учебы?» 52,5 % респондентов ответили утвердительно, 40,7 % — отрицательно, затруднились ответить 6,8 % респондентов. Анализ ответов говорит о том, что больше половины респондентов имеет возможность подработать, обучаясь в университете. Это позволяет снизить финансовую нагрузку на родителей и повысить доходы самих студентов. Эта тенденция ясно прослеживается и при ответах на следующий вопрос.

На вопрос «Какие чувства у Вас вызывает Ваше социально-экономическое положение?» респонденты ответили: побуждает к активным действиям, стремлению «вертеться», чтобы выжить, — 65,4 %, рождает чувство апатии, безысходности — 15,4 %, вызывает чувство протеста, побуждает к сопротивлению — 6,8 %, мирное отношение — 2,5 %, затруднились ответить — 9,9 %. Студенты, анализируя сложившуюся социально-экономическую ситуацию в стране, показывают высокий уровень активности. В условиях экономического кризиса активность студентов, их стремление «вертеться», чтобы выжить, показывает, что, несмотря на их удовлетворенность жизнью и своим материальным положением, они также находятся в трудной экономической ситуации.

На вопрос «Позволяют ли Ваши средства модно и красиво одеваться?» респонденты ответили следующим образом: позволяют, одеваюсь по последней моде — 14,8 %, средства позволяют одеваться достаточно современно — 69,1 %, средств едва хватает на то, чтобы выглядеть более или менее современно — 12,4 %, средства не позволяют одеваться современно — 3,1 %, нет ответа — 0,6 %. В условиях повышения цен на одежду и обувь студенты все же находят возможность достаточно современно одеваться.

На вопрос «Имеете ли Вы возможность питаться в соответствии с Вашими желаниями?» респонденты ответили так: практически ни в чем себе не отказываю — 39,5 %, питаюсь нормально, но на деликатесы денег не хватает — 51,2 %, приходится во многом себе отказывать — 8,0 %, денег не хватает даже на самое минимальное питание — 0,6 %, затруднились ответить — 0,6 %. В настоящее время цены на продукты выросли, инфляция в стране имеет достаточно высокие показатели. В этих условиях большинство студенческой молодежи не может позволить себе роскошь в питании.

Таким образом, анализируя социальное самочувствие студенческой молодежи в условиях кризиса, мы можем отметить следующее. При определении своего материального положения в ближайший год в основном преобладают оптимистичные взгляды на улучшение или сохранение нынешнего материального положения респондентов. При определении материального положения других людей в ближайшей перспективе мнения респондентов более пессимистичны, поскольку они считают, что кризисные явления в экономике страны в большей степени коснутся других россиян. При долгосрочной перспективе большая часть респондентов уверена в том, что уровень жизни россиян улучшится. Большинство респондентов представляют собой группу со средним материальным обеспечением и средними финансовыми возможностями. Однако в период кризиса эту группу имеет тенденцию к обеднению, поскольку реальные доходы населения, как показывает статистика, уменьшаются. В этих условиях при снижении реальных доходов российских семей важным становится вопрос самообеспечения студентов. Студенты, анализируя сложившуюся социально-экономическую ситуацию в стране, показывают высокий уровень активности. В условиях экономического кризиса активность студентов, их стремление «вертеться», чтобы выжить, показывают, что, несмотря на их удовлетворенность жизнью и своим материальным положением, они также находятся в трудной экономической ситуации. Несмотря на все трудности, большинство респондентов проявляют ту или иную степень удовлетворения своей жизнью и своим материальным положением в настоящее время.

Литература

1. Бадараев Д. Д. Социальное самочувствие сельского населения Республики Бурятия в послекризисный период (социологический анализ) // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — Вып. 5. Психология, социальная работа. — С. 185–190.
2. Бадонов А. М. Социальное самочувствие населения как показатель направленности развития муниципальных образований // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — Вып. 5. Психология, социальная работа. — С. 236–238.
3. Демография. Официальная статистика [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 29.01.2015 г.).
4. Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (Смоленск, 6-9 октября 2009 г.). Смоленск: Универсум, 2009. — С. 89–95.
5. Карамельский Р. В. Социальное самочувствие российского студенчества: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Казань, 2012. — 21 с.
6. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2014. — М., 2014. — С. 496.
7. Россия в цифрах. 2014. — М., 2014. — С. 157.

References

1. Badaraev D. D. Sotsial'noe samochuvstvie sel'skogo naseleniya Respubliki Buryatiya v poslekrizisnyi period (sotsiologicheskii analiz) [Social well-being of the Buryat Republic rural population in the post-crisis period (sociological analysis)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* Vyp. 5. *Psikhologiya, sotsial'naya rabota* — *Bulletin of Buryat State University*. Vol. 5. *Psychology, Social Work*. 2012. Pp. 185–190.
2. Badonov A. M. Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya kak pokazatel' napravlenosti razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy [Social well-being of population as an indicator of municipalities development directivity]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vyp. 5. *Psikhologiya, sotsial'naya rabota* — *Bulletin of Buryat State University*. Vol. 5. *Psychology, Social Work*. Pp. 236–238.
3. *Demografiya. Ofitsial'naya statistika* [Demographics. Official statistics]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed January 29, 2015).
4. Dulina N. V., Tokarev V. V. Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya kak odin iz kriteriev otsenki deyatelnosti regional'noi vlasti [Social well-being of population as one of the criteria for regional authorities activity evaluation]. *Sotsiokul'turnye osnovaniya strategii razvitiya regionov Rossii* — *Social and cultural bases of Russian regions development strategy*. Proc. All-Rus. sci. and pract. conf. under the program "Sociocultural Evolution of Russia and its regions" (Smolensk, October 6-9, 2009). Smolensk: Universum, 2009. Pp. 89–95.
5. Karamel'skii R. V. *Sotsial'noe samochuvstvie rossiiskogo studenchestva: regional'nyi aspekt. Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Social well-being of Russian students: a regional perspective. Author's abstract of Cand. social. sci. diss.]. Kazan', 2012. 21 p.
6. *Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Regions of Russia. The main characteristics of the Russian Federation subjects]. Moscow, 2014. P. 496.
7. *Rossiya v tsifrakh* [Russia in Figures]. Moscow, 2014. P. 157.

УДК 316.4 (517.3)

**НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ДОМОХОЗЯЙСТВ
В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МОНГОЛИИ)**

© *Батбаатар Монхоорой*

аспирант кафедры социологии и социальной работы Монгольского государственного университета

Монголия, г. Улан-Батор, ул. Бага Тойруу, 1

E-mail: mbatbaatar@yahoo.com

© *Болдмаа Наран*

PhD, доцент кафедры социологии и социальной работы Монгольского государственного университета

Монголия, г. Улан-Батор, ул. Бага Тойруу, 1

E-mail: nboldmaa@yahoo.com

В статье рассматриваются проблемы развития и изменения качества жизни монгольской семьи во время переходного периода. В 1990–2005 гг. большинство доходов монгольских домохозяйств было потрачено на пищу, одежду и бытовые услуги, а после 2005 г. – на образование, услуги здравоохранения, предметы роскоши.

На основе сравнительного анализа социально-экономических факторов, влияющих на качество жизни домохозяйств, авторы статьи определяют их положительные и отрицательные стороны в соответствии с социально-экономическими процессами.

Ключевые слова: социально-экономическая жизнь, городское и сельское домохозяйство, уровень жизни, Монголия.

**SOME CHANGES IN THE QUALITY OF HOUSEHOLDS LIVING
IN TRANSFORMATIONAL PERIOD (THE CASE OF MONGOLIA)**

Monhooroy Batbaatar

Research Assistant, Mongolian State University

1, Baga Toyruu Str., Ulan-Bator, Mongolia

Naran Boldmaa

PhD, A/Professor, Mongolian State University

1, Baga Toyruu Str., Ulan-Bator, Mongolia

In the article the development problems and changes in life quality of Mongolian family during the transformational period. In 1990-2005 most of Mongolian household income was spent on food, clothing and domestic services; and since 2005 they had started spend money on education, health services, luxuries.

Based on the comparative study of socio-economic factors we identified positive and negative factors affecting the life quality of families.

Keywords: social and economic life, urban and rural household, standard of living, Mongolia.

Введение

Семья как социальный институт является первичным и ключевым звеном всей социальной системы, что обусловлено социальными, экономическими и культурными факторами. По мнению А. Гидденса, семья – это группа людей, связанных родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми. Исходя из процессов социально-экономических трансформаций происходит изменение качества жизни на уровне семьи.

В статье рассмотрен вопрос об установлении уровня жизни монгольской семьи и влиянии социально-экономических факторов на качество жизни семьи, под которым понимается обеспечение жизненных потребностей, соотношение доходов и расходов семьи.

Уровень жизни — это комплексная социально-экономическая категория. Под уровнем жизни понимается обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения разумных (рациональных) потребностей. Так понимается и благосостояние. Денежная же оценка благ и услуг, фактически потребляемых в среднем домохозяйстве в течение известного промежутка времени, представляет

собой уровень жизни. По мнению философа А. Тойнби, «уровень жизни как средство, а качество жизни связано с целью жизни» (Batbaatar M., 2012). Политика поддержки домохозяйств в Монголии изменяется в связи с методикой установления уровня жизни. При преобразовании плановой экономики в рыночную, когда коренным образом меняется весь механизм функционирования экономики, возникает особый переходный кризис, названный венгерским экономистом Я. Корнаи «трансформационным спадом». Он обусловлен тем, что в зарождающейся рыночной экономике утрачивают силу прежние институты и механизмы хозяйственной деятельности, а новые, присущие рыночной системе, еще находятся на стадии формирования и не способны функционировать с полной отдачей. Основными характерными чертами трансформационного спада являются абсолютное падение производства практически во всех отраслях экономики, растущая в связи с этим безработица, инфляция, банкротство нерентабельных предприятий, снижение жизненного уровня, изменение стереотипа социальной защиты и др.

С этих времен были разные направления в подходах к прожиточному минимуму в период 1991–2001 гг. Например, в 1991–1996 гг. прожиточный минимум уровня жизни населения определялся с учетом разницы по городским и сельским местностям, в 1997–2000 гг. — по регионам в связи с установлением цен на топливо, в 2001 г. — по различиям регионального развития. По подходу к стандартному прожиточному минимуму черта бедности основана на минимальном наборе продуктов питания (Griffin, 2003). Можно сказать, что самым распространенным способом определения уровня жизни является сопоставление объема расходов и калорийности продуктов в расчете на одного члена домохозяйства.

С начала 1990 г. правительство Монголии устанавливает прожиточный минимум в деньгах. Ряд многих юридических актов подтверждает заботу правительства Монголии об улучшении качества жизни, уровня жизни семьи. Например, закон о семье (1999), государственная политика развития семьи (2003), в 2005 г. в целях поддержки и улучшения уровня жизни семьи Правительством выдается пособие на бракосочетание в размере 500 000 тугриков, с 2006 г. — пособие на рождение ребенка в размере 100 000 тугриков, каждый месяц — пособие по уходу за ребенком в размере 10 000 тугриков, а с 2009 г. каждый месяц из фонда человеческого развития выдается пособие по уходу за ребенком в размере 10 000 тугриков.

Государственная политика направлена на поддержку развития семьи путем создания благоприятных условий для реализации социетальных функций семьи, этики, здорового образа жизни, семейных отношений, непрерывного улучшения уровня жизни. Авторы анализируют факторы, влияющие на качество жизни, в связи с государственной политикой.

Анализ изменения качества монгольского домохозяйства. В рамках этой темы рассмотрены изменение состава монгольской семьи, состояние брака, источник дохода домохозяйства, соотношение дохода и расхода.

Число и состав домохозяйства, состояние брака. По монгольской переписи населения 2010 г. (NSO, 2010; 89), число домохозяйств составило 713 780. Из общего числа домохозяйств 11,7 % были одинокими, 65,7 % — полными, 20,2 % — сложными, 2,4 % — смешанными. Среди домохозяйств большинство процентов — женщины с детьми. **Домохозяйство** — это группа людей, проживающих в одном жилом помещении или его части, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, то есть полностью или частично объединяющих и расходующих свои средства. Эти люди могут быть связаны отношениями родства или отношениями, вытекающими из брака, либо быть не родственниками, либо и теми, и другими. Домохозяйство могло состоять из одного человека, живущего самостоятельно и обеспечивающего себя пищей и всем необходимым для жизни.

Средняя численность населения на душу одного домохозяйства составила около 3,6 %, но по сравнению с тем же периодом 20-летней давности она уменьшилась на 1,4 %. Население в 1989 г. увеличилось на 2,7 %, а в 1999 г. уменьшилось на 1,4 %.

Во время десятилетнего переходного периода уровень жизни понизился на 52 % из-за экономической уязвимости (GOM, Human development report, 2003:41).

Когда развивается экономика любой страны, повышается уровень образования населения. В переходный период Монголии основной особенностью является средний возраст брака. Авторы рассматривают средний возраст брака по сравнению с развитыми и развивающимися или трансформационными странами. По статистическим данным средний возраст брака в развивающихся

странах ниже на 2,4–5,8 пункта, чем в развитых странах. А среди развивающихся стран Россия близка к пункту развитых стран.

Источники дохода домохозяйства. В начале и середине переходного периода малый бизнес является основным источником дохода домохозяйства. В зависимости от количества дохода можно разделить домохозяйства на бедные (недостаточные средства к существованию) и богатые (достаточные средства к существованию). По результатам исследования оценки жизненного уровня при помощи метода установлено, что в 1992–1995 гг. появилось новое различие между бедными и богатыми. В 1995–2000 гг. разрыв в доходах между богатыми и бедными постоянно увеличивался. Прожиточный минимум населения (черта бедности) устанавливался в Монголии 13 раз с 1991 г. В первых 8 случаях прожиточный минимум определялся с учетом его разницы по городам и сельским местностям.

В 1997 г. в связи с повышением цен на топливо правительством был установлен прожиточный минимум по 7 регионам. В 2001 г. прожиточный минимум населения и черта бедности были установлены по 5 регионам (Западный, Средний, Восточный, Южный и Центральный). В 1998 г. Великий Хурал Монголии принял закон «О прожиточном минимуме населения», согласно которому он принимался в качестве главного критерия при установлении пенсии, пособия и минимальной оплаты труда.

Деградация уровня жизни домохозяйства в переходный период связана с отсутствием доходов. В начале переходного периода Монголии 30 % от всех доходов домохозяйства составили заработная плата, пенсия, 20 % — сельскохозяйственные и несельскохозяйственные доходы, 30 % — доход домашних хозяйств, 10 % — поддержка, помощь со стороны других людей.

Анализируя данные о доходах по городу и сельской местности, выявилось, что 40–60 % дохода домохозяйства в городе занимали заработная плата и пенсия, а в сельской местности доход домохозяйства (заработная плата, пенсия) составил 7 %, около 60 % занимают частное скотоводство, мелкая торговля, посадка овощей, содержание свиней и куриц.

В рыночной экономике некоторые объекты государственной собственности, по мере того как они начинают представлять интерес для частных или ассоциированных собственников капитала, приватизируются. В 1991 г. было принято решение о приватизации государственной собственности. В 1992–1993 гг. произошло снижение ВВП на 40 %, промышленного производства — на 35 %, сельского хозяйства — 20 %. Инфляция возросла в 18 раз, а безработица выросла до 8,7 %. По официальной статистике Великого Хурала Монголии 1995 г., было создано 4500 предприятий, 90 % из них были признаны банкротами, около 100 тысяч людей стали безработными. Появились богатые и бедные домохозяйства в монгольском обществе. С этого времени монголы сталкивались с такими явлениями переходного периода, как безработица члена домохозяйства, невозможность удовлетворить повседневные продовольственные потребности, отсутствие одежды, товаров и т. д.

Рыночные экономические отношения дали возможность многим людям иметь частную собственность, заниматься бизнесом и домашним хозяйством. Но в 1992 г. повысились цены на электроэнергию, продукты питания, товары первой необходимости и общественный транспорт, что негативно влияло на экономическое состояние домохозяйства. Таким образом, различие между бедными и богатыми в Монголии углубилось. В 1993 г. Правительство Монголии разделило бедные домохозяйства, нуждающиеся в социальной помощи, на социально незащищенные категории населения. Исходя из этого, проблема оказания помощи бедным домохозяйствам решалась на уровне государственных ведомств, таких как «Баг» («команда») и «Хороо» («Комитет»).

После переходного периода, с 1990 по 1993 г., правительство Монголии вынесло 16 постановлений в связи с повышением уровня домохозяйства, сокращением бедности, но масштабы бедности увеличились из-за быстрого социально-экономического перехода, «неправильной» приватизации государственной собственности. Я. Бямбасүрэн провел исследование «Некоторые проблемы государственной политики о снижении бедности в переходный период». Анализ текущей ситуации показал, что в течение этого периода уровень бедности населения составил 14,7–23,7 %, увеличившись почти на 10%.

В 1990–1993 гг. методология определения уровня домохозяйства основана на обеспечении основных потребностей семьи. Правительство Монголии принимало такие меры, как обеспечение денежным пособием, создание специального фонда, выплата пособий по безработице и т. д. Проблемами в семье являлись нехватка доходов и заработной платы, оплата долгосрочных кредитов, отсутствие безопасности здоровья населения, увеличение разрыва между богатыми и бедными,

алкоголизм, проституция, мошенничество, грабеж. Все это негативно влияло на качество жизни домохозяйства.

Изменение дохода и расхода домохозяйства. В начале и середине переходного периода наблюдались снижение доходов, увеличение расходов, баланс доходов и расходов, неумелое сбережение домохозяйств. По данным Национального статистического управления (НСУ) Монголии, в 1994–2004 гг. городские и сельские домохозяйства не компенсируют доходы и расходы.

По данным сравнительного анализа доходов и расходов домохозяйства, доля продуктов питания в структуре расходов неуклонно снижается, а потребность в товарах повышается. Доля заработной платы, пенсии в структуре доходов сокращается, а размер доходов частной деятельности увеличивается.

В 1998 г. немного повысился доход домохозяйства пастуха, но в 2000 г. уровень жизни сельского домохозяйства снизился в связи со стихийным бедствием «зуд» («Холод и Зима»), скотоводы разорились примерно на 11,2 млрд тугриков. В 1998 г. при поддержке Организации Объединенных Наций сотрудники Национального статистического управления Монголии провели исследование с целью установления масштабов бедности во всех провинциях Монголии. По результатам исследования масштаб бедности составил 35,6 %, в период реализации национальной программы уровень бедности снизился на 9 %.

В 2000 г. Национальным статистическим управлением Монголии было проведено исследование «Оценка жизненного уровня при помощи метода с участием» в целях обработки стратегических документов и базовых сведений о содействии экономическому развитию, сокращении бедности. В результате качественного анализа отметим, что существует связь между бедностью, негарантированностью и уязвимостью. Исследователи разделили домохозяйства на богатые, разумные, бедные и беднейшие и определили их источники доходов.

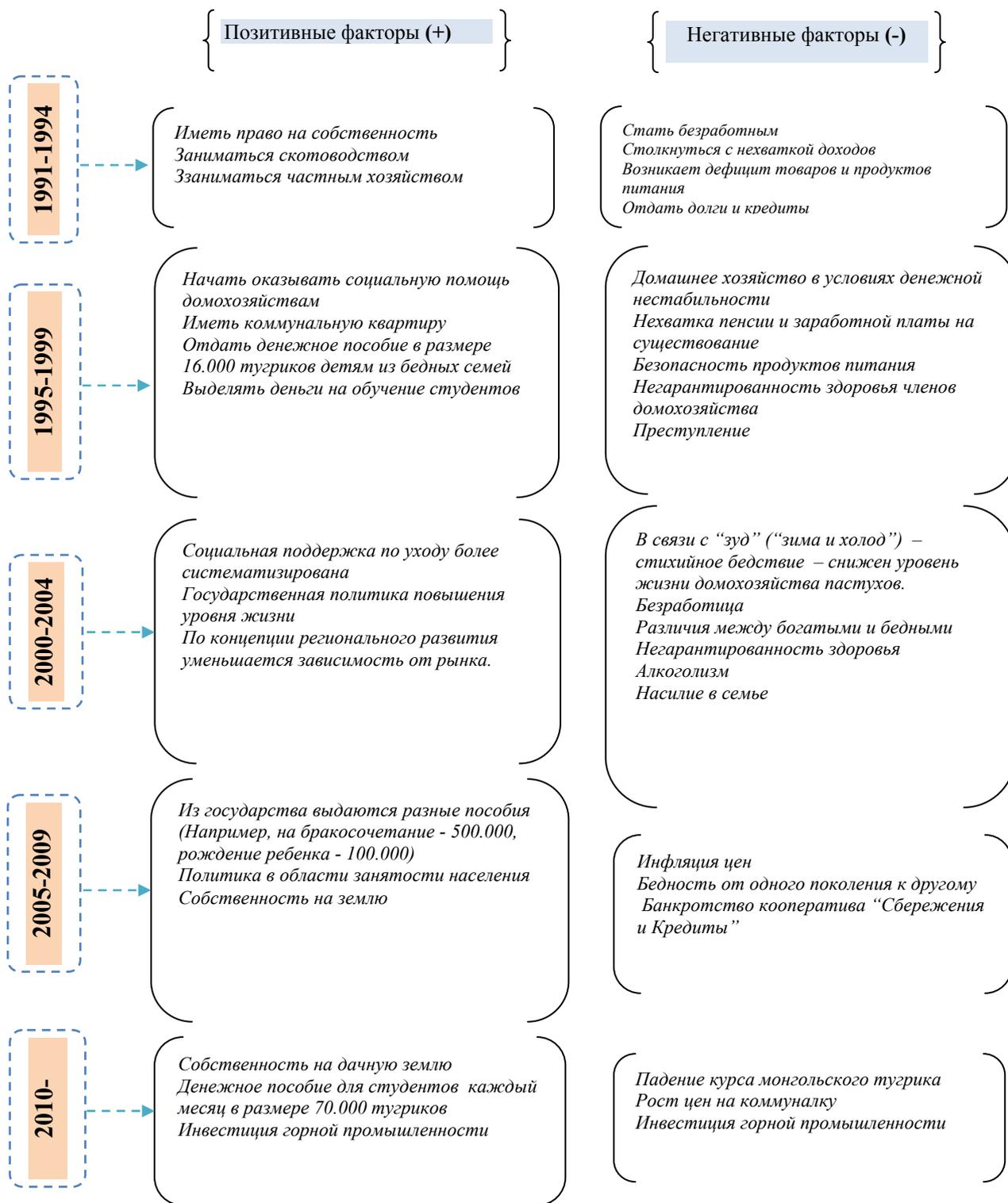
По результатам исследования «Национальная программа по сокращению бедности в 2003 году» в переходный период возникали следующие проблемы:

- *негарантированность экономики.* В связи с безработицей и отдаленностью от рынков основным фиксированным источником доходов является пособие, а также пенсия;
- *негарантированность здоровья.* Существует неравенство в предоставлении медицинских услуг жителям городских поселений и сельских;
- *социальная негарантированность.* В связи с безработицей, экономической негарантированностью наблюдаются алкоголизм, преступность, домашнее насилие, развод семьи – основные причины снижения качества жизни монголов.

На основе статистических данных в схеме 1 отражены основные факторы, влияющие на качество жизни монголов в переходный период. Таким образом, при изучении материалов нами выявлены проблемы качества и уровня жизни монгольских домохозяйств при трансформации.

В 1990–1993 гг. (начало переходного периода) заметны ухудшение уровня жизни домохозяйства, снижение дохода в связи с безработицей, неумелое сбережение, и большая часть доходов тратится на продукты питания. Правительством Монголии определены формы и виды бедности и уровни жизни домохозяйства, а также приняты меры обеспечения основных потребностей домохозяйства.

Факторы, влияющие на качество жизни с 1990 года до настоящего времени

Качество жизни

Источник: Батбаатар М. Позитивные и негативные факторы, влияющие на качество жизни монгольских домохозяйств в период трансформации. 2013 г.

В 1994–2004 гг. (середина и конец переходного периода) государство стало систематично поддерживать бедные семьи. Таким образом, на основе анализа масштабов, причин и структуры бедности была разработана национальная программа, определяющая основные пути и методы ее преодоления в Монголии. С помощью стран-доноров были реализованы меры повышения уровня жизни домохозяйства.

В 2005–2008 гг. (послепереходный период) повышается уровень жизни домохозяйства. В связи с программой политических партий увеличилась социальная помощь населению, улучшился уровень жизни домохозяйства путем поддержки занятости населения.

В 2010 г. улучшение экономического состояния, занятости населения связано с иностранными инвестициями в области горной промышленности, сельского хозяйства и скотоводства, что увеличивает доход домохозяйства.

References

1. Giddens A. *Sociology*. Ulaanbaatar: Admon printing, 2006.
2. Sen A. *Development as Capability Expansion*. NY: Mcmillian, 1990.
3. Dash-yondon B. *Social transformation in Mongolia*. Ulaanbaatar: Sansudai printing, 2013.
4. Byambasuren Y. *Government policy; some problems of poverty reduction*. Ulaanbaatar: Management Academy, 2012. P. 94.
5. *Human development report*. Ulaanbaatar: Munkhiin useg printing, 2003. P. 41.
6. *Law of Family*. Ulaanbaatar: GOM, 1999.
7. Griffin K. *Poverty reduction in Mongolia*. Ulaanbaatar: Admon, 2003.
8. Gundsambuu K. *Mongolian soial stratification; development and trends*. Ulaanbaatar: Academy of Science, 2002. P. 480.
9. Mongolia: Poverty Reduction Strategy Paper. *IMF country report*. 2003. No. 03/ 277.
10. Batbaatar M. *"Quality of life Mongolians" research report*. Ulaanbaatar: NUM, 2014.
11. Batbaatar M. Methodological issues of quality of life study. *Sociology*. 2012. No. 8. (377), 112.
12. Law on Amendment in Social Welfare Law, State News. *Government News*. 2005. No 24. P. 53.
13. *Government news*. 1991. No. 2.
14. *Government news*. 1991. No. 2.
15. *Government news*. 1994. No. 6.
16. *Government news*. 1997. No. 73.
17. The Government Resolution № 34 on Providing Half Cost of Child Milk. *Government News*. 1993. No. 2.
18. *Household income and expenditure survey*. Ulaanbaatar: NSO, 2002.
19. *Household income and expenditure survey*. Ulaanbaatar: NSO, 2004.
20. *Housing and population census*. Ulaanbaatar: NSO, 2010. P. 89.
21. *Participatory evaluation research of living standard*. Ulaanbaatar: WB, ADB, 2001.
22. *Population and housing census. No. 4. Family and household situation*. Ulaanbaatar: NSO. 2010. P. 23.
23. *Social and Economic condition of Household*. Ulaanbaatar: NSO, 2008.
24. *Statistical yearbook*. Ulaanbaatar: NSO, 1992-2000.
25. *Statistical Yearbook*. Ulaanbaatar: NSO, 1992-2000.
26. Results of the Privatization. Mongolian parlaiment. *Government news*. 1995. No. 10.
27. PSLI, Science Academy. *Social reform: Changes in Lifestyle*. Ulaanbaatar: Science Academy, 2001. Pp. 141.
28. Sen A. *Development as Freedom*. New Jersey: Oxford University press, 1999.
29. *Human development report summary*. Ulaanbaatar: UNDP, 2010.
30. *Human development report*. Ulaanbaatar: Munkhiin useg printing, 2003. Pp. 13–18.
31. *Human development report*. Ulaanbaatar: Munkhiin useg printing, 2003. P. 41.
32. *Human development report*. Ulaanbaatar: Munkhiin useg, 2003. P. 44.
33. *Livelihood sampling survey*. Ulaanbaatar: NSO, 1998.
34. *Living Standard Measurement Survey*. Ulaanbaatar: NSO, 1995.
35. *World development report*. New York: Oxford University press, 1990.
36. *Household income, Expenditure and Livelihood Survey*. Ulaanbaatar: NSO, 2004.
37. *Participatory Livelihood Assessment Survey*. Ulaanbaatar: NSO, 2000.

УДК 316.346

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В СИТУАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ (НА ПРИМЕРЕ г. УЛАН-УДЭ)

© *Котоманова Ольга Владимировна*

кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а

E-mail: kotomanova@yandex.ru

© *Осинский Иван Иосифович*

доктор философских наук, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а

E-mail: intellige2007@rambler.ru

В статье выявлены особенности поведения мужчин и женщин, оставшихся вне профессиональной занятости, проблемы, связанные с преодолением гендерного статуса безработных, субъективные и объективные причины вынужденного отдыха граждан. Сформулированы стадии социально-психологических состояний людей, находящихся долгое время в ситуации безработицы, причины и следствия усиления депрессии, возможные риски и дискомфорт в зависимости от гендерных установок в связи с продолжительным поиском работы. Выделены мужские и женские границы нестандартного поведения в случае поиска работы, стратегии самовывживания, оригинальные подходы к самозанятости. Спрогнозированы возможности устройства на работу горожан после неудач, связанных с ее поиском, предложены рекомендации специалистов Центра занятости населения. Автором обобщены результаты исследования самочувствия, активности и настроения безработных граждан г. Улан-Удэ, которые впервые использованы в совокупности.

Ключевые слова: занятость, население, профессионализм, ценности, активность, настроение, жизненные установки, домохозяйка, регион, социальная помощь.

SOCIAL WELL-BEING OF MEN AND WOMEN IN THE SITUATION OF UNEMPLOYMENT (ON THE EXAMPLE OF ULAN-UDE)

Ol'ga V. Kotomanova

PhD, A/Professor, Buryat State University,
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

Ivan I. Osinskii

Lett. D., Professor, Buryat State University,
24a, Smolina Str., Ulan-Ude 670000, Russia

In the article the behavior of men and women who had remained outside the professional employment, problems of gender status of unemployed overcoming, subjective and objective reasons of citizens' enforced rest were considered. We formulated the stages of social and psychological states of people who were in the situation of unemployment for a long time, causes and consequences of increased depression, possible risks and discomfort, connected with protracted job search in dependence on gender attitudes. Male and female borders of unexpected behavior in the process of job search, strategies of survival, and original approaches to self-employment were revealed. We first summarized the results of well-being, activity and mood of unemployed Ulan-Ude citizens in complex. The opportunities of citizens after failure in job search were forecasted, the recommendations of Employment Center experts were given.

Keywords: employment, population, professionalism, values, activity, mood, attitudes, housewife, region, social support.

Социальное самочувствие рассматривается учеными как интегральная характеристика, которая имеет как объективные, так и субъективные факторы, которые всегда дополняют друг друга.

Субъективные характеристики социального самочувствия затрагивают ценностно-нормативные установки граждан, оценку настоящего положения в изменившихся условиях, эмоциональное состоя-

ние, уверенность относительно своего будущего. Объективные характеристики социального самочувствия — уровень семейного положения, здоровья, образования, социальной активности и др. [1, с. 127].

Сегодня актуальна проблема безработицы в нашем регионе. В связи с закрытием и банкротством многих промышленных предприятий, переходом на другие рынки услуг, сокращением и высвобождением квалифицированных сотрудников, перепрофилированием организаций ни один трудоспособный человек не может быть уверенным в сохранении работы (в завтрашнем дне). На первый план выходят субъективные характеристики социального самочувствия тех, кто стал безработным.

Многие мужчины и женщины стараются не думать о том «чёрном дне», когда они останутся без средств к существованию, став безработными, они оказываются не готовыми к изменившимся правилам игры и новым условиям жизни. Состояние безработного человека аналогично его болезни, так как у него появляются устойчивые характеристики, которые мешают в последующем трудоустройстве. С каждым днем повышается тревожность, многое в жизнедеятельности безработного расценивается как угроза прежнему авторитету и обеспеченности.

Боязнь потерять профессиональную значимость зачастую снижает способность и активность мужчин в последующем трудоустройстве, тогда как женщины и вовсе избегают работы. Безработные считают, что важные для них события происходят случайно, они не могут или не хотят устанавливать причинно-следственные связи изменений в жизнедеятельности, а порой винят других людей в отсутствии собственной мотивации к трудоустройству.

Как правило, вследствие безработицы на первый план выступают проблемы нарушения семейных взаимоотношений. Можно поставить в один ряд явные и скрытые семейные проблемы, сопровождающие и оттеняющие феномен безработицы, такие как повышенная конфликтность, утрата общих интересов, недоверие и обидчивость, разрушение отношений прежде любивших друг друга людей, развод, алкоголизация членов семьи.

К сожалению, в ситуации безработицы некоторые мужчины и женщины теряют свою индивидуальность, воспринимают себя как «*persona non grata*», когда нет свободы выбора. Безработные все больше начинают верить, что люди не могут спроектировать свою дальнейшую жизнь, принимать решения и воплощать их без каких-либо ограничений, они не планируют свое будущее и не испытывают удовлетворенности своим настоящим положением.

Безработные мужчины считают, что потеряли цель, ради которой работали. Общество и семья ждут от мужчин решительных действий, их обязывают быть «настоящими мужиками», способными самостоятельно решить проблемы с трудоустройством. Однако им труднее всего преодолеть психологический дискомфорт. Они испытывают тревогу от потери контроля над своей жизнью, отсутствия надежды и перспектив развития, находятся в угнетенном состоянии из-за эмоциональной неустойчивости, беспомощности и даже депрессии.

Женщины, оставшись без работы, переходят к статусу домохозяйки не так болезненно, как мужчины. Ведь общество по-прежнему пропагандирует образ настоящей женщины как домохозяйки, хорошей жены и матери, при этом ничего нет страшного для женщины из-за потери работы. Неурядицы в доме, полное безразличие к дальнейшей жизни, неуверенность в завтрашнем дне, возникновение частых ссор и стрессовое состояние самих женщин чаще всего относят к ее характеру, слабости и зависимости от мужчины, а не к проблемам, связанным с социальной неустроенностью [3, с. 133].

Таким образом, психологическое самочувствие мужчин и женщин относится к интегрирующим показателям неустроенности и социальной нестабильности. С одной стороны, восприятие действительности вследствие безработицы измеряется формой взаимоотношений индивида с окружающим миром, а другой — специфичностью и исключительностью его поведения.

Мужчина или женщина, потеряв работу, переживают эмоциональное потрясение и задают философский вопрос «Почему без работы именно Я?». Это осознание приводит к тяжелому переживанию, особенно когда безработица наступила внезапно. Так, ссора с руководством, неожиданное сокращение коллектива, резкое падение спроса на продукцию и, как следствие, экономическая несостоятельность предприятия ведут к потере зарплаты и увольнению. При этом неопределенность, растерянность и страх выступают как факторы риска, подвергающие человека другим неприятностям: несчастным случаям, болезням, выбору криминального пути решения собственных проблем.

На второй стадии (обычно через 1–2 месяца) наступают субъективное облегчение и психологическая адаптация к ситуации. Эта стадия называется эскапизмом, или бегством, отстранением от проблемы, когда мужчины согласны с тем, что можно не спешить найти работу, а женщины — спокойно

отдохнуть. Когда же проходит шоковое состояние, то многие даже испытывают облегчение, а иногда и удовольствие. Не стоит каждый день торопиться утром на работу, постепенно утрачиваются профессиональные навыки и обязанности, высвобождается свободное время (которого всегда не хватало). Так, теперь можно решить ряд накопившихся личных забот (провести уборку, завершить ремонт, встретиться с близкими людьми, поправить здоровье, съездить отдохнуть и т. д.). Человек даже ощущает своеобразный психологический комфорт и удовольствие от такой жизни, конечно, если у него имеются финансы и нет кредитных обязательств. Можно сказать, парадокс, но есть и хорошая сторона. Вынужденный отдых чаще всего полезен для человека, особенно если до этого он много трудился и у него не было отпуска. Например, многие женщины фиксируют повышение радужного настроения и окрепшее здоровье, а восстановившийся мужчина приступает к активным поискам нового места работы.

К сожалению, иногда стресс от потери работы сохраняется на протяжении длительного периода, личность не осознает рискованность своего положения и уже не воспринимает свое состояние как вынужденное бездействие. Поскольку на первый план выходят ограниченность финансов, ответственность перед семьей, ограничение социальных отношений, появляется тревожность потерять если не все, то очень многое (не только профессиональную занятость и деньги, но и семью, любовь, друзей, жилье, здоровье, вплоть до самого себя).

После того как человек не смог в течение полугода подыскать подходящей для себя работы и у него заметно ухудшилось финансовое и социальное положение, постепенно появляется депрессия. Причинами являются дефицит активного поведения, ограничение круга общения, разрушение ценностных ориентаций, жизненных установок, привычек. У любого человека может появиться ощущение отверженности, он уже не планирует перспективы трудоустройства. Очень болезненно он воспринимает неудачи при поиске работы или предполагаемом трудоустройстве, особенно если какая-то договоренность в отношении работы была, он может потерять надежду что-то исправить в ситуации безработицы.

Далее положение может ухудшиться, состояние апатии возрастает с каждым днем. Безработные женщины, впрочем, как и мужчины, часто «опускают руки», прекращают попытки изменить ситуацию и привыкают к состоянию бездеятельности. Иногда они перестают следить за собой, у них появляются вредные привычки, потом становятся изгоями в обществе [2, с. 146].

В подобной ситуации депрессия может длиться несколько месяцев и перерасти в полное безразличие к своей судьбе, как профессиональной, так и личной. Однако при активной поддержке со стороны человеку легче не только поставить цели и задачи, предопределить свое профессиональное будущее, но и избежать депрессии.

Кроме социальной поддержки существуют и другие внешние антистрессоры, из которых самым эффективным является поиск новой работы, возможно случайной или сезонной, даже временной и неквалифицированной. Как ни странно, именно такая работа может стать первым толчком к новому профессиональному старту.

Так, можно выделить особенности нестандартного поведения мужчин в поиске работы: первая — они стремятся работать непременно по специальности (а в случае отсутствия данного фактора они начинают вести асоциальный образ жизни — алкоголизм, бродяжничество). Вторая особенность заключается в ориентации мужчин на высокую оплату и быстрый карьерный рост, так как их стратегии основаны на эмоциональной устойчивости, автономности действий и самоэффективности [4, с. 278].

Женщины ориентированы на самовыживание при активной внешней поддержке семьи, родственников, социальных служб. Порой такой стратегии адекватна их низкая самооценка или неуверенность в собственных силах. Хотя некоторой прекрасной половине свойственно не только преодоление трудной жизненной ситуации, но и успешное сочетание безработицы и ведения домохозяйства. Приобретенный статус домохозяйки становится вполне приемлемым и достойным выходом из ситуации безработицы, иногда на длительный период времени.

Далее приведем некоторые результаты исследования самочувствия, активности и настроения безработных мужчин и женщин (по методике САН). В исследовании приняли участие 764 безработных (в том числе 360 мужчин и 404 женщины), состоящих на учете в Центре занятости населения г. Улан-Удэ в октябре 2014 г. [Общая численность безработных граждан составила 2 252 человека / Республиканское агентство занятости населения Республики Бурятия. — URL: <http://burzan.ru>].

По методике САН безработных мужчин и женщин попросили оценить свое состояние. Приведем характеристику понятий, используемых в указанной методике. *Активность* интерпретируется как интенсивность направленности личности на определенную деятельность. *Настроение* представлено сравнительно продолжительными, устойчивыми психическими состояниями умеренной или слабой интенсивности, которые проявляются в качестве положительного или отрицательного эмоционального фона психической жизни личности. *Самочувствие* рассматривается как ощущение физиологической и психологической комфортности внутреннего состояния индивида [Методика САН, тест — <http://psyttests.org>].

Далее приведем результаты исследования. *Самооценка самочувствия*. Благоприятно оценили свое самочувствие 40 % женщин и 35 % мужчин, которые совсем недавно расстались с работой, — можно предположить, что они избрали стратегию «всему своё время», и сделать вывод о позитивном настрое респондентов. Противоположную оценку самочувствия выбрали безработные «со стажем» (период безработицы от 6–10 месяцев) — 45 % женщин и 48 % мужчин, для которых характерны разбитость и усталость, изнуренность и утомляемость, они сравнивают себя с больными людьми. Всего 17 % мужчин и 15 % женщин считают, что они полны сил, отдохнули, бодры и выносливы, следовательно, готовы к любой работе.

Самооценка активности вызвала большой интерес со стороны безработных, однако результаты оставляют желать лучшего. Роль пассивных и малоподвижных, медлительных, безучастных и равнодушных выбрали 45 % мужчин и 43 % женщин, при этом женщины в основном предпочли сонливость и желание отдохнуть, чем работоспособность. Мужчины – рассеянность и бездеятельность, почти не выбирали внимательность и деятельность. Однако 40 % мужчин и 44 % женщин отметили собственную активность и подвижность, увлеченность поиском работы. Только 15 % мужчин и 13 % женщин выражают желание работать не только по профессии, но и освоить новую сферу занятости, причем это характерно для тех, кто стал безработным совсем недавно.

Далее рассмотрим, как оценили свое настроение безработные. *Самооценка настроения* средняя у 45 % женщин, так как они прогнозируют положительное решение проблемы с трудоустройством, при этом надеются на помощь специалистов Центра занятости населения. Несколько ниже оценили свое настроение 39 % мужчин, которые в основном выбрали «радостный» (тогда как у женщин преобладал выбор «восторженный»), «спокойный и оптимистичный» (у женщин — «жизнерадостный, веселый и полный надежд»).

Мужчины в отличие от женщин больше беспокояны и печальны, пессимистичны. Свое разочарование отметили 47 % мужчин, тогда как женщин, выбравших эти критерии, почти в два раза меньше (26 %), в основном они считают себя недовольными, несчастными и отмечают плохое настроение. Следует заметить, что 29 % женщин и 14 % мужчин оценивают свое настроение как хорошее, не восторгаются и не высказывают недовольства в ситуации безработицы. Они считают, что настроение занимает второстепенное место по отношению к активности и самочувствию.

Конечно, при анализе состояния человека важно использовать все критерии в совокупности, при этом рассматривать настроение или самочувствие как особенные составляющие, без учета активности, не стоит. Методика САН предполагает выявление негативного отношения безработных к трудоустройству, которым срочно нужна помощь специалистов: прежде всего необходимо изменить отношение людей к поиску работы и улучшить самочувствие людей. К сожалению, таких безработных оказалось более 40 %, что свидетельствует о низкой активности поиска работы, плохом настроении и самочувствии.

Согласно данным исследования, мужчины, оказавшись без работы, сильнее это переживают в отличие от женщин, так как мужчина по своему социальному предназначению является главой семьи, ее основным добытчиком. Согласно требованиям общества, он должен самостоятельно принимать решения и быть активным. Но оказавшись безработным, в состоянии длительного бездействия, именно мужчина болезненно переживает состояние беспомощности перед сложившимися обстоятельствами.

В связи с этим роль специалистов, способных учитывать гендерные особенности, возрастает. Специалисты различных ведомств и служб помощи в трудоустройстве рекомендуют в обязательном порядке направлять граждан, оказавшихся в ситуации безработицы, на консультацию к представителям психологических служб для оказания необходимой человеку поддержки. Помощь специалиста никогда не бывает лишней, она должна быть своевременной. Так, их помощь необходима при выявлении асоциального поведения, плохих жизненных условий, непосещаемости детьми дошкольных

учреждений, неуспеваемости в школе и др. Квалифицированная помощь юриста нужна при защите прав безработного в случае необоснованного увольнения или неправильной выплаты пособий и др.

Сотрудничество различных ведомств и структур с самим безработным, преодоление гендерных стереотипов важны в дальнейшей траектории трудоустройства. Обучение безработного навыкам самопрезентации, составление последовательного плана трудоустройства при поиске работы также необходимы. Например, достижение эмоционального подъема безработного возможно, если научить его составлять резюме, подавать объявление «Ищу работу» в СМИ, пользоваться услугами интернет-провайдеров по обучению деловому общению, составлять план поиска работы с помощью специалистов и др.

Помощь специалистов безработному при возвращении в профессиональную сферу деятельности и восстановлении утраченных профессиональных функций, которая способствует улучшению эмоционального состояния его и членов семьи, а также активное взаимодействие с обществом в целом возможны только при активном его участии в этом процессе. Несомненно, необходимы различные социальные проекты и программы, эффективная социальная политика деятельности Центра занятости населения.

Таким образом, проведенное исследование и анализ феномена мужской и женской безработицы дали интересные результаты. Было выявлено, что женщины в отличие от мужчин после потери работы лучше оценивают свое самочувствие, активность и настроение, при этом готовы взяться за любую работу (независимо от того, соответствует ли она их интересам и желаниям, мечте их жизни или просто является средством к существованию).

Большинство мужчин воспринимают потерю работы как ошибку, которую нужно срочно исправить. Однако есть и такие мужчины, которые лишились не только средств к существованию, но и смысла жизни. Хотя это можно рассматривать как новый шанс для самоопределения. Чтобы мужчина смог воспользоваться им, ему необходимы профессиональная помощь специалистов Центра занятости населения, различные программы личностной реабилитации.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы: потеря работы для многих людей является стрессом, но женщины более оптимистичны и адаптивны, меньше высказывают тревогу и обеспокоенность своим положением. Мужчины недовольны своим положением, недостаточно активны при поиске новой работы, испытывают разочарование. Непривлекательной для них выглядит помощь специалистов по социальной работе Центра занятости населения, так как они стремятся сделать все самостоятельно. Часто мужчина старается решить проблему быстро, чтобы никто не усомнился в его решимости исправить ситуацию в связи с отсутствием заработка и основной работы. Кроме того, исследование показало, что требуется более углубленная работа с безработными и необходимо учитывать гендерный аспект.

Литература

1. Бутуева З. А. Социальное самочувствие людей старшего возраста — пользователей услуг системы социальной защиты населения (на примере Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — Вып. 5. — С. 127–130.
2. Ибрагимова Д. А. Анализ занятости женщин на рынке труда // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2014. — № 2. — С. 146–148.
3. Котоманова О. В. О равных правах и возможностях руководителей (мужчин и женщин) // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — Вып. 5. — С. 130–134.
4. Прокопец И. О. Исследование влияния кризисных ситуаций на личность в случае вынужденной потери рабочего места // Вестник гос. ун-та управления. — 2014. — № 4. — С. 278–281.
5. Статистика безработных. Республиканское агентство занятости населения Республики Бурятия [электронный ресурс]. — URL: <http://burzan.ru>

References

1. Butueva Z. A. Sotsial'noe samochuvstvie lyudei starshego vozrasta — pol'zovatelei uslug sistemy sotsial'noi zashchity naseleniya (na primere Respubliki Buryatiya) [Social well-being of older people using social protection system (on the example of the Buryat Republic)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Buryat State University*. 2014. V. 5. Pp. 127–130.
2. Ibragimova D. A. Analiz zanyatosti zhenshchin na rynke truda [The analysis of women employment at labor market]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk — Actual problems of humanities and natural sciences*. 2014. No. 2. Pp. 146–148.
3. Kotomanova O. V. O ravnnykh pravakh i vozmozhnostyakh rukovoditelei (muzhchin i zhenshchin) [On equal

rights and opportunities for executives (men and women)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Buryat State University*. 2014. V. 5. Pp. 130–134.

4. Prokopets I. O. Issledovanie vliyaniya krizisnykh situatsii na lichnost' v sluchae vynuzhdennoi poteri rabocheho mesta [Research of the crisis impact on a person in the case of involuntary job loss]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta upravleniya — Bulletin of State University of Management*. 2014. No. 4. Pp. 278–281.

5. Statistika bezrobotnykh [Statistics of unemployed]. *Respublikanskoe agentstvo zanyatosti naseleniya Respubliki Buryatiya – Republican Employment Agency of the Buryat Republic*. Available at: <http://burzan.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

I. Общая психология. Психология личности. Клиническая психология

<i>Гунзунова Б. А.</i> Субъектная саморегуляция личности профессионала	3
<i>Пырьев Е. А.</i> Экспериментальное исследование эмоциональной мотивации	8
<i>Базарова Д. Р.</i> Особенности структурно-содержательных характеристик образа жизни современной молодежи	14

II. Психология профессионала

<i>Миронова Т. Л.</i> Особенности я-образа студентов-психологов со средним уровнем перфекционизма	19
<i>Дарижапова М. Н.</i> К вопросу об изучении самоотношения государственных служащих	28

III. Психолого-педагогические аспекты обучения, воспитания и формирование личности

<i>Тудупова Т. Ц.</i> Этнические стереотипы современных подростков и их нивелирование средствами тренинговых занятий	34
<i>Анонова С. И.</i> О социально-психологической адаптации обучающихся в вузе	43

IV. Социальная психология. Этнопсихология

<i>Дугарова Т. Ц.</i> Модификации этнического самосознания: профилактика экстремизма в студенческой среде	49
<i>Монсонова А. Р.</i> Этноконфессиональные ценности современной молодежи	55
<i>Бадиев И. В.</i> Типология акцентуаций характера у подростков	60
<i>Очирова Л. И.</i> Организационная культура и ценностные ориентации личности работника	66
<i>Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р.</i> Психолого-педагогическое сопровождение фундаментального ядра образования в условиях внедрения новых ФГОС	70

V. Актуальные проблемы теории и технологии социальной работы

<i>Антонова Н. С.</i> Специфика языковой структуры общества	75
<i>Дамбаева Д. Р., Базарова Т. С.</i> Особенности системы социальной защиты в Китае	80
<i>Кондрашова Н. В.</i> Социальные проблемы миграции и мигрантов в контексте социальной работы	84
<i>Котоманова О. В.</i> Проблема стилей, мотивации и участия в управлении мужчин и женщин	91
<i>Бутуева З. А.</i> Развитие семейных форм социального обслуживания людей старшего возраста	96
<i>Бадонов А. М.</i> Отношение молодежи к проблеме насилия в семье	102
<i>Буртонова И. Б.</i> Вопросы социального развития детей и подростков в профессиональной подготовке бакалавров	107

VI. Социальная защита семьи и детства в условиях модернизации современного общества

<i>Базарова Т. С., Ширеторова А. А.</i> Особенности развития системы комплексного сопровождения замещающих семей в Республике Бурятия в современных условиях	111
<i>Базарова Е. Б.</i> Раннее выявление семейного неблагополучия как технология профилактики социального сиротства	116

<i>Дэбзеева Т. Б.</i> Анализ проблем безнадзорных и беспризорных детей (на примере ГУСО «Республиканский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних»)	120
<i>Ихисонова В. В.</i> К вопросу об исследовании причин девиантного поведения подростков	125

**VII. Социальное самочувствие и качество жизни населения
в условиях трансформации современного общества**

<i>Бадонов А. М., Бадарев Д. Д.</i> Социальное самочувствие студенческой молодежи в период экономического кризиса	128
<i>Батбаатар М., Болдмаа Н.</i> Некоторые изменения качества жизни домохозяйств в период трансформации (на примере Монголии)	133
<i>Котоманова О. В., Осинский И. И.</i> Социальное самочувствие мужчин и женщин в ситуации безработицы (на примере г. Улан-Удэ)	139

CONTENT

I. General Psychology. Psychology of Personality. Clinical Psychology

<i>Gunzunova B. A.</i> Subjective self-regulation of professional identity	3
<i>Pyr'ev E. A.</i> Experimental study of emotional motivation	8
<i>Bazarova D. R.</i> Features of structural and content characteristics of modern youth's lifestyle	14

II. Psychology of professional

<i>Mironova T. L.</i> Self-image peculiarities of students-psychologists with average level of perfectionism	19
<i>Darizhapova M. N.</i> To the problem of studying civil servants' self-attitude	28

III. Psychological and pedagogical aspects of teaching, education and personality formation

<i>Tudupova T. Ts.</i> Ethnic stereotypes of modern teenagers and their leveling through training sessions	34
<i>Anonova S. I.</i> To the socio-psychological adaptation of students in high school	43

IV. Social Psychology. Ethnopsychology

<i>Dugarova T. Ts.</i> Modifications of ethnic identity: prevention of extremism among students	45
<i>Monsonova A. R.</i> Ethnoconfessional values of modern youth	55
<i>Badiev I. V.</i> Typology of adolescents' character accentuations	60
<i>Ochirova L. I.</i> Organizational culture and value orientations of employee	66
<i>Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R.</i> Psychological and pedagogical support of education fundamental core in the conditions of new federal state educational standards implementation ...	70

V. Current problems of theory and technology of social work

<i>Antonova N. S.</i> Specific features of society linguistic structure	75
<i>Dambaeva D. R., Bazarova T. S.</i> Features of social protection in China.....	80
<i>Kondrashova N. V.</i> Social problems of migration and migrants in the context of social work.....	84
<i>Kotomanova O. V.</i> Problems of styles, motivation and participation of men and women in management	91
<i>Butueva Z. A.</i> Development of family social service of elderly people in terms of social reforms	96
<i>Badonov A. M.</i> Youth's attitudes to the problem of domestic violence	102
<i>Burtonova I. B.</i> Issues of children's and adolescents' social development in Bachelors' training	107

VI. Social protection of family and children in the conditions of modern society modernization

<i>Bazarova T. S., Shiretorova A. A.</i> Development features of foster families' comprehensive support in the Republic of Buryatia in modern conditions	111
<i>Bazarova E. B.</i> Early detection of family troubles as a technology of social orphanhood prevention	116
<i>Debeeva T. B.</i> Analysis of the problems of homeless and street children (on the example of "Republican social and rehabilitation center for minors")	120
<i>Ikhisonova V. V.</i> To the problem of studying the causes of deviant behavior among adolescents	125

**VII. Social well-being and life quality of population in the conditions
of modern society transformation**

<i>Badonov A. M., Badaraev D. D.</i> Social well-being of students in the conditions of economic crisis	128
<i>Batbaatar M., Boldmaa N.</i> Some changes in the quality of households living in transformational period (the case of Mongolia)	133
<i>Kotomanova O. V., Osinskii I. I.</i> Social well-being of men and women in the situation of unemployment (on the example of Ulan-Ude).....	139

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2015 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Максарова Дарима Дамбаевна – тел. 21-03-48

эл. адрес: d.maksarova@mail.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: gailia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; mar1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью. Рецензенты должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. Аннотация (авторское резюме) должна заключать от 100 до 250 слов. После аннотации дать ключевые слова (не менее семи слов) на русском и английском языках. Несоответствие между русскоязычным и англоязычным текстами не допускается. Выполнить транслитерацию русского текста литературы латиницей.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Краткие сообщения – до 3 с., статьи на соискание ученой степени кандидата наук – 8–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 10–16 с. Название статьи должно содержать не более 10 слов.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, страна, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

• Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

• Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

• Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией выпуска «Вестника БГУ». Корректур авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются в течение учебного года.

• Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

• Формат журнала 60x84 1/8.

• Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки. Математические формулы в текстах должны быть выполнены в MathType. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов, то отправить соответствующие символы.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.